

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

175
10 '93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

БОЛЬШЕ ПОТА - МЕНЬШЕ КРОВИ

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

КАВУН С.: "В людях цену порядочность," 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЧЕРКАСОВ Ю. Тайны палаточного "Парижа," 8
 ПЕТРОВ А. Закон – общий, нравы – местные 13
 КОЗЛОВ И. Про сервис, сюрприз и про нашу жизнь 17

* * *

МЯСОЕДОВ Н. Заслон (вооружение полицейских формирований) 21

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

КИСЛЫЙ Ю. "Если офицер не сделает, то и никто не сделает," 24
 СЫСОЕВ Н. Жандармский корпус России 31

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

СЕМЕНОВ Ю. Командировка в неизвестность (повесть, продолжение) 36
 ПУПКОВ А. Три этюда о любви 50
 ГУСЕВ Е. Все очень даже просто... (стихи) 57

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

БАРАНОВСКИЙ В. Сэн'э – путь жизни 59
 Шахматный клуб 61
 Клуб знакомств "Возможна встреча," 62

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.
(зам. главного редактора),
 АФАНАСЬЕВ В. В.,
 БОНДАРЕВ П. Т.,
 ВОРОЖЦОВ В. П.,
 ДУРБАЖЕВ В. А.,
 ЕРХОВ Е. И.,
 ЗАЙЦЕВ А. П.,
 КАВУН С. Ф.,
 КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
 КАРПОВ Б. В.,
 КОЗЛОВ И. Т.,
 КОНДРОЕВ В. В.,
 КОРОВНИКОВ А. В.,
 КОТЛЯРОВ А. П.,
 КУДРЯШОВ В. И.,
 КУЗЬМИН Н. П.,
 МАЛЮТИН С. Н.,
 ОВЧИННИКОВ В. В.,
 ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
 СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
 СМИРНОВ Л. Л.,
 УШАР А. Г.,
 ФЕДОСЕЕВ В. Ф.,
 ЧЕРНЫШОВ П. П.,
 ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9в.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 16.08.93 г. Подписано к печати 30.09.93 г.
Формат бумаги 70x108/16. Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 8,8. Зак. № 2400. Тираж 12000.
Цена по каталогу 50 руб., в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емелина.
На первой странице обложки:
фото А. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Генерал-майор
С. КАВУН:**

**"В ЛЮДЯХ ЦЕНЮ
ПОРЯДОЧНОСТЬ"**

**С заместителем
командующего
внутренними войсками
МВД России –
начальником управления
по работе с личным
составом беседует
наш корреспондент
майор В. ГЕРАЩЕНКО.**

– Станислав Федорович, все мужское население страны знает: солдат в мирное и военное время отвечает за точное и своевременное выполнение возложенных на него обязанностей и поставленных ему задач, за состояние своего оружия и вверенной ему техники. Ваших же обязанностей, наверное, нет ни в одном уставе...

– Заместитель командующего – начальник управления по работе с личным составом отвечает за морально-психологическое состояние личного состава и воинскую дисциплину, организацию воспитательной и социально-правовой работы, информационное, культурно-досуговое и психологическое обеспечение войск. Этим и занимаюсь.

– Еще несколько лет назад задача воспитания человека стояла, если можно так выразиться, в государственном масштабе. Следовательно, на ее выполнение государство выделяло средства, формировало структуры, готовило кадры, издавало специальную литературу, финансировало ученые изыскания, специалисты разрабатывали стратегию и тактику работы с конкретным человеком. Сейчас от этого общегосударственного дерева воспитания уцелело лишь несколько веток – наша войсковая структура и аналогичные в армии, погранвойсках... Удастся ли им пустить корни – ведь экономическая и политическая почва этому не способствует?

– Действительно, еще совсем недавно на первый план в воспитательной работе ставилась верность определенным постулатам и именно под эту идейную платформу подводилась солидная материальная база. В результате известных событий, не особенно разобравшись, выбросили, на мой взгляд, слишком много. Вместе с явным балластом за бортом оказалась сама идея воспитания человека. Со временем оглянулись... – резко ухудшилась воинская дисциплина, упал морально-психологический настрой личного состава на службу, пошло брожение в воинских коллективах...

Я прямо скажу – ни в Вооруженных Силах, ни у нас среди лиц, занимающих соответствующие посты, нет человека, который отри-

цал бы необходимость воспитательной работы. Другое дело, что ее цели, ее задачи существенно изменились. Надо заполнить идеологический вакуум, и прежде всего идеями патриотизма. Это, на мой взгляд, серьезнейшая основа, на которой необходимо воспитывать людей, ведь любовь к Родине и защита Родины — понятия неразрывные. Материал же для подобной воспитательной работы чрезвычайно богат.

Российская история полна образцов честного служения Отчизне, примеров для подражания. Поэтому, я думаю, патриотическое воспитание может и должно заменить прежние идеологические установки.

У нас же хорошие корни как в истории Отечества, Вооруженных Сил, так и в истории наших войск. Солдаты, офицеры совершали подвиги, и они прекрасны независимо от того, было это в старой России или в советский период. Какая разница, был Александр Матросов комсомольцем или нет, — разве это способно изменить наше отношение к его подвигу?

— Конечно, устранив противоестественный барьер, ограничивающий героическую историю Отечества октябрём 1917 года, мы становимся наследниками огромного опыта и вековых традиций Российской армии. Но, боюсь, и методика, и оснащение офицера-воспитателя во многих подразделениях — на уровне начала века. Как же обеспечить процесс воспитания материальными средствами? В одной из статей, уже подготовленных редакцией к печати, автор спрашивает, неужели рота не заработала хотя бы переносной черно-белый телевизор?

— Вопрос, думаю, риторический. Конечно же — заработала. Несмотря на тяжелые экономические условия, в прошлом году нам удалось закупить 500 телевизоров — раньше этого не могли сделать и за пять лет. В нынешнем году мы также стараемся по мере выделения средств оказывать посильную помощь нашим частям. Проблема, считаю, скоро будет решена. Сейчас мы, кстати, пересматриваем нормы оснащённости техническими средствами воспитания — даже видеотехника предусмотрена вплоть до роты. Документ находится на согласовании в Министерстве финансов. Мы, разумеется, отстаиваем в нем каждую строчку, но многое упирается в деньги, точнее в их отсутствие.

Должен заметить, что на необходимость воспитательной работы обратили внимание и руководители страны. Вспомните, например, высказывание Президента на совещании в Министерстве обороны России. Он тогда сказал, что одна из задач становления Российской армии — решение проблем, связанных с воспитательной работой.

Поэтому не случайно в Вооруженных Силах возвратились к институту заместителей, а не помощников командира по работе с личным составом. То есть проблема встретила понимание и на государственном уровне.

Что же касается теоретической базы воспитательной работы во внутренних войсках, мы сейчас очень серьезно потрудились с кафедрами общественно-гуманитарных дисциплин наших училищ, да и наше управление в течение 1992–1993 годов наработало ряд документов — директивы по вопросам организации индивидуальной воспитательной, социально-правовой работы, общественно-государственной подготовки, в войска направлены методические материалы по практике работы в войсковых общественных организациях.

Иными словами, система воспитательной работы уже не просто формальная структура, унаследованная войсками от недавних «идеологически выдержанных» времен, — она наполнена новым содержанием и способна обеспечить выполнение поставленных перед ней задач.

— Вы упомянули об общественных организациях. Наблюдая их деятельность (и бездеятельность) в течение ряда лет, не раз задумывался: если для войск важны возложенные на общественность функции, почему их нужно исполнять на общественных началах? А если не нужны — стоят ли рекомендации по работе с общественностью бумаги, на которой напечатаны?

— Когда работаю в войсках, многие командиры вздыхают: мол, вот бы сюда партийную или комсомольскую организацию! Только скажи — вызовут нерадивого на бюро или собрание, почистят как следует... Упрощенное, конечно, понимание — и в тех условиях партийная организация не для «чистки», предназначалась, а для работы с коммунистами и, видимо, помогла командирам, если до сих пор о ней говорят. Поэтому в директиве о воспитательной работе мы предусмотрели наличие в воинских коллективах общественных организаций, но ни словом не обмолвились, что же это такое. А вот теперь, изучив в течение года практику работы командиров и органов воспитания личного состава, пришли к глубокому убеждению: формировать общественное мнение, необходимое в интересах службы, можно и нужно не только средствами из сугубо командирского арсенала, но и с помощью общественных организаций. От них во многом зависит моральный климат в воинском коллективе. И сегодня, пожалуй, уже можно конкретизировать термин «войсковые общественные организации». Это, прежде всего, офицерское собрание, совет коллектива подразделения.

Затем — советы сержантов, потому что надо выделять младших командиров из общей массы. Собрания прапорщиков, если, конечно, такие есть, и женсоветы — от них, особенно в силу войсковой специфики — разбросанности отдельно дислоцированных подразделений и проблем трудоустройства жен военнослужащих, — отказываться просто нецелесообразно.

В последнее время принято оглядываться на зарубежный опыт: там с семьей работают через ее главу — военнослужащего, но у нас

в стране при массе социальных проблем, осложняющих жизнь, женсовет если не сможет их решить, то хотя бы утешит, успокоит, посочувствует. И годичный опыт работы показал: где общественные организации не остались без заботы и внимания, где им не дали тихо отмереть за ненадобностью, не избавились от них, как от обузы, — там они работают и приносят ощутимую пользу.

— Кстати, об обузах. Оправдывая голые стены в бывших ленинских комнатах, офицеры-воспитатели ротного звена с облегчением и радостью ссылаются на директиву, предлагающую «избегать помпезности», в оформлении военных городков и мест несения службы. Понятно — люди настолько завалены работой, что любой лаской забываются, лишь бы снять с себя часть обузы. Но правилен ли такой путь?

— Совершенно с вами согласен, голые стены — не лучшее украшение для комнаты информирования и досуга. Это опять-таки следствие непродуманных шахаханий, когда с казарменных стен поспешно сдирали портреты, и не только вождей, а все подряд. Мол, в казарме должен быть только колер и даже цветы на подоконниках ни к чему. И несмотря на то, что долгие годы старались создать для солдата надлежащий уют, в два-три дня довели некоторые казармы до такого состояния, какое описывал в свое время Куприн. А ведь наши солдаты, возвращаясь с боевой службы или, тем более, из очередной горячей командировки, нуждаются в полноценном отдыхе. И картины, цветы, аквариумы тут не помеха, наоборот! Поэтому мы разработали Положение о комнате информирования и досуга. С одной стороны, инициативу не сдерживаем, а с другой — вводим своеобразный стандарт, минимально необходимый оформительский набор: государственная символика, примеры патриотических поступков, текст военной присяги, выписки из законов, например о статусе военнослужащих: солдат должен знать основные положения, а где найдет текст закона? Должна быть оперативная информация о событиях в стране и войсках...

В комнате информирования и досуга должны быть и подшивки официальных государственных изданий, войсковая окружная газета, «Красная звезда», и газета военного округа, журналы «На боевом посту», и «Армия». Остальные издания — пожалуйста, но уже в индивидуальном порядке, за счет личных средств.

Здесь же размещаются телевизоры и другая аппаратура. Недопустимо, чтобы ее растаскивали по различным уголкам, кладовым, канцеляриям. Сначала обо всем этом был серьезный разговор на сборах с заместителями командующих округами и командиров соединений по работе с личным составом в Санкт-Петербурге, а теперь мы сочли целесообразным издать специальные рекомендации.

— Товарищ генерал-майор, и департизированные, войска по-прежнему состоят из людей с различными политическими взглядами, иногда диаметрально противоположными. Однако и те, и другие воспитывают солдат...

— Законом это однозначно оговорено: личные политические симпатии и антипатии офицер должен оставлять за пределами воинской части. В казарме он — государственный человек и обязан выполнять то, что предписывает закон. Ибо если мы допустим политические разногласия в казармы, войска перестанут быть единым, слаженным организмом и не смогут выполнить возложенные на них задачи. Представьте — в горячей точке одна партия хочет одного, другая — другого, третья еще чего-нибудь требует. Поэтому исполнять необходимо только закон, приказы и указания командиров. И хотя в свое время кто по невежеству, а кто и умышленно путал департизацию с деполитизацией, все уже встало на свои места: полностью игнорируя мнения всех и всяческих партий, войска неукоснительно проводят в жизнь политику государства, так как выступают одним из инструментов этой политики.

— Наверное, высшая форма воспитания людей — забота о них и личный пример воспитателя?

— Что касается личного примера воспитателя, здесь я с вами полностью согласен. Но те, кто утверждают, что органы по работе с личным составом должны социально защищать, не совсем правы. Органы по работе с личным составом не защищают социально, они проводят социально-правовую работу, а гарантами социальной защиты во внутренних войсках являются закон и командир. Командиру, начальнику законом предоставлены соответствующие полномочия. Заместитель же командира проводит социально-правовую работу, то есть, с одной стороны, разъясняет солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам их обязанности и права, с другой — следит, чтоб все положенное доходило до них, а в случае ущемления прав военнослужащих докладывает об этом командиру для принятия конкретных мер.

Управление по работе с личным составом совместно с другими структурами ГУКВВ в прошлом году принимало активное участие в подготовке законов о внутренних войсках, о статусе военнослужащих, о пенсиях, о чрезвычайном положении — отстаивали интересы военнослужащих внутренних войск.

— То есть применительно к социально-правовой работе у каждого «этажа», свои задачи: управление решает проблемы законодательного характера...

— А органы по работе с личным составом округов, взаимодействуя с администрацией регионов, областей, принимают участие в работе межведомственных комиссий по социально-правовым вопросам. В центре такую комиссию возглавляет вице-премьер правительства России Юрий Яров. Как пра-

вило, удастся разрешать многие конкретные проблемы.

— Станислав Федорович, подскажите, пожалуйста, как решать так называемые «шкурные» вопросы, зависящие от местной администрации. Вот пример из личного опыта: после десятилетнего ожидания установки квартирного телефона с законом о внутренних войсках пошел на прием к начальнику узла связи. А он мне: «Да, майор, право на телефони в очереди у тебя есть, а свободных номеров на АТС нет, сначала я должен поставить телефоны чернобыльцам и жертвам незаконных репрессий, да и инвалиды Великой Отечественной войны не все еще телефонизированы. Хоть в ООН жалуйся, но раньше чем через полвека телефона не дождешься!»

В здании узла расположена коммерческая фирма, за энную сумму гарантирующая установку телефона в течение года. По закону номеров нет, а за деньги — пожалуйста! Я не настолько богат, чтобы платить коммерсантам, и не столь наивен, чтобы обращаться в суд. Что же делать?

— Проблема, боюсь, трудноразрешима. Пока в России не утвердится верховенство закона, сделать что-либо вряд ли возможно. Ведь и чернобыльцам, и жертвам репрессий он наверняка отвечает, что должен установить телефон офицеру внутренних войск. Пока не будет спроса за выполнение закона, мы так и будем друг дружке жаловаться. Подобных примеров, когда не действует принятый закон, — масса.

— Так, может, не совсем верна политика предоставления льгот? Закладывая в закон бесплатность или скидку, мы превращаем офицера в заведомо невыгодного, второсортного клиента. Не эффективнее ли на эту же льготу выдать наличные?

— Теоретически вы, конечно, правы, но с наличными пока трудновато. Я могу назвать и цифры, но достаточно будет сказать, что финансовые потребности войск удовлетворяются не полностью. Выкручиваемся как можем, в буквальном смысле этого слова.

— Началось подписание контрактов до вступления в силу Положения о порядке прохождения службы офицерским составом. Не парадокс ли?

— Нет. Верховный Совет дал министерствам силовых структур разрешение выпустить временные положения. Они введены в действие приказами министров, и здесь нет ни парадоксов, ни даже противоречий.

— Военнослужащий, подписывая контракт, возлагает на себя обязанность, приобретая взамен права, льготы и преимущества в соответствии с действующими законодательными актами. Как

мы только что выяснили, не все дарованные законом льготы могут быть предоставлены, вследствие произвола местной администрации или отсутствия материальных средств. С одной стороны, это нарушение условий контракта государством, с другой — последствия такого нарушения ни контрактом, ни законом никак не оговорены.

— Не забывают, речь идет о временном порядке заключения контрактов. Он призван отработать эту систему, выяснить возможные конфликты и создать механизм их разрешения. Кроме того, такой порядок разделит людей, которые согласны служить и в нынешних условиях, а это много значит. Люди, которые в чем-то сомневаются или чем-то недовольны, получили возможность уйти спокойно, без нервозности. А кто останется, тот, думаю, способен претерпеть некоторые неудобства переходного периода. В целом же, конечно, я согласен — обе стороны, заключившие контракт, должны в полном объеме отвечать по своим обязательствам. С юридической точки зрения контракт должен быть безупречен.

— Какими вам хотелось бы видеть офицеров-воспитателей?

— При организации воспитательной работы в интересах выполнения задач боевой службы, поддержания должного морально-психологического состояния и высокой воинской дисциплины личного состава перед нами еще много нерешенных проблем. Ведь объем выполняемых задач и даже сами задачи изменились, а люди остались прежними. Солдаты изменились быстрее, чем воспитатели. Мы не можем даже сравнить молодого солдата, который приходит к нам сейчас, с новобранцем хотя бы трехлетней давности. Он уже повращался вокруг коммерческих ларьков, вкусил плоды так называемой «массовой» культуры, а на внутреннее войско и на армию та же электронная, да и просто пресса вылила потоки грязи, из средств массовой информации ушла патриотическая тематика — короче, к нам совершенно другой человек пришел, а мы, воспитатели, независимо от должности, остались почти теми же.

— Разве это плохо? Если принять во внимание характер перемены...

— То, что положительные моменты сохранились, — хорошо, но мы еще не в полной мере адаптировались к тем, кто к нам приходит. Это первое.

Второе. Во всех перестройках, которым подверглись органы по работе с личным составом, — за какой-то год из политорганов сделались военно-политические органы, через два месяца еще раз поменяли структуру, и еще нет уверенности, что больше уже не будет изменений, — у бывших политработников появился некий комплекс неуверенности, и много труда надо положить, чтобы преодолеть его, создать рабочий настрой у самих воспитателей.

Третье. Мы уже говорили — из воспитания ушла идеологическая подоплека. Фундамент, на котором держались и стены, и крыша, разрушен. Сейчас это нужно заполнить, идут поиски нравственного идеала. Идеи патриотизма, верности Родине нужно подкрепить, к примеру, гордостью за Отечество, за войска. Нужно, наконец, найти разумное соотношение между религией и традиционным атеистическим воспитанием. Разговоров об этом, как вы помните, было много. Закон о статусе военнослужащих вроде бы четко определяет: государство не несет обязанностей по удовлетворению религиозных потребностей военнослужащих. Однако у нас столько примеров спекуляции на религиозной проблематике, что мы просто не можем не учитывать особенностей работы с верующими.

Повышается ответственность воспитателей за морально-психологическое состояние личного состава. Мы приступили к изучению возможностей формирования психологической службы в нашей системе. Психологи должны изучать людей, оказывать им помощь. Многие наши части находятся в горячих точках, их личный состав подвергается сильнейшим эмоциональным стрессам. Нужна психологическая реабилитация, и заниматься этим должны специалисты.

Дальше. Если помните, был такой термин — контрпропаганда. Вместе с ним в ходе реформ выбросили и психологическое противодействие, хотя на внутренние войска, особенно в горячих точках, ведется целенаправленное воздействие, чтобы помешать выполнению возложенных на них задач. Мы же не вправе пассивно ждать, пока подрывная пропаганда добьется своей цели!

Отсюда и требование к офицеру-воспитателю: быть готовым решать и эту, и остальные обозначенные нами проблемы. Кроме того, высокопрофессиональный воспитатель просто не может не быть честным и порядочным. Чтобы люди видели: если человек пытается их в чем-то убедить — он сам в это верит, а не просто конспект озвучивает, проводя информчас. И вообще, не лишне было бы, думаю, вернуться к основным принципам идеологической работы, не пренебрегать методами, подходами, проверенными практикой. Другое дело, что это будет за идеология.

— Но можем ли мы сами, без участия государства, создать такую идеологию?

— Нет, конечно. Вы же прекрасно понимаете, что даже призывник, не говоря уже о контрактнике, — человек взрослый, сформировавшийся. Его можно на полтора года высоким забором части отгородить от тех обстоятельств, которые на протяжении всей его гражданской жизни принуждали поступать так, а не иначе, но перевоспитать его, давайте будем реалистами, за полтора года невозможно. Подготовить к выполнению служебно-боевых задач, создать обстановку, чтобы отрицательные качества человека не могли проявиться, поддержать и направить его позитивные стремления в необходимое

нам русло — вот наша реальная задача. А если не будет государственной системы воспитания населения в духе патриотизма...

— Боюсь, в нынешних властных структурах просто нет органа, который за это отвечал бы и этим бы занимался...

— Даже если нет специального департамента, обстановка, похоже, меняется к лучшему. Вы обратили внимание? Впервые за последнее время высшее руководство страны участвовало в праздновании годовщины Курской битвы. Это ведь не только дань уважения победителям, не только дань памяти погибших, но и средство воспитания патриотизма у нынешнего поколения. Хочется верить, что с этого события начнется возрождение патриотического воспитания населения.

— Станислав Федорович, мы только что говорили о качествах, необходимых офицерам-воспитателям. А о ком из них вы посоветовали бы написать?

— Говорил уже, в людях ценю прежде всего порядочность, высокий профессионализм и настрой на дело. Например, по моему глубокому убеждению, высокопрофессиональные люди руководят Санкт-Петербургом училищем. Генерал-майор Латышев и его заместитель по работе с личным составом полковник Пониделко создали здоровый морально-психологический климат. В курсантах здесь видят будущих офицеров. Доверяют людям, потому что верят в действенность своих воспитательных усилий.

Начал с училища, потому что именно здесь закладываются лучшие офицерские качества. Но и в частях много умелых и, не побоюсь громкого слова, талантливых воспитателей. К примеру, бывший командир части подполковник Бароев. Знаю его длительный период по совместной службе. Не криком, не разносами — через коллектив, через общественность, через офицеров работал и добивался высоких результатов. Будете в этой части — спросите у любого офицера или прапорщика, да и солдат, наверное, любой вам подтвердит: Казбек Байрамович — это человек!

— Был, видел, знаю, например, что председателя офицерского собрания командир части называл своим боевым заместителем...

— Вот видите! Умеет и любит человек работать. Просто не могу не отметить полковника Сирика — за интересами службы людей видит, радуется и за офицера, и за солдата. Много интересного можно почерпнуть у генерал-майора Тихуна.

Эти люди из Приволжского округа — их я знаю лучше. А недавно был в Дальневосточном и видел, как много для бытоустройства личного состава в очень сложных условиях сумел сделать генерал-майор Губарев.

— От имени недавних выпускников военных училищ должен спросить, как стать начальником управления по работе с личным составом?

— Об этом могу судить только по собственному опыту: службу начинал солдатом. Был сержантом, учился в Саратовском училище, закончил академию и ни одной должности по нашей, воспитательной, линии не перескочил.

— А своего первого командира отделения помните?

— Конечно. Сержант Влага. А взводом на учебном пункте командовал лейтенант Околышников.

— Вы не пробовали сравнивать их с нынешними командирами?

— Службу я начал в 1963 году. Командир роты, старшина и помкомвзвода-сверхсрочник были фронтовики, и, возможно, поэтому у тогда не знал, что такое неуставные взаимоотношения, хотя мне было девятнадцать, а большинству солдат в роте — по 24–25 лет. Образования у фронтовиков было, конечно, поменьше, чем у нынешних офицеров или сержантов, а вот душевного тепла, заботы о людях — больше. Этим они выгодно отличались от нас, нынешних. Наверное, они это из войны вынесли: не будешь заботиться о людях, не будешь их оберегать — сам пропадешь. Неважно, какие должности они занимали в войну, пусть даже были рядовыми солдатами, но их представления о боевом товариществе настолько прочны, что и в мирное время они заботились о нас, как о сыновьях. Методика у ротного была, может, и без научных обоснований, но каждый день он собирал нас, сержантов, спрашивал, все ли поели, горячую ли пищу доставили в караул, и только потом задавал сугубо служебные вопросы. Старшина не слишком следил за чистотой наших подворотничков — сами, мол, не маленькие, но я не помню случая, чтобы нас не накормили, в баню не повезли или простыни не сменили. Сейчас же такое иногда случается. И это, считаю, самый большой недостаток прежней воспитательной системы: за громкими лозунгами о благе человека самого человека-то видеть и разучились.

— Мне об этом трудно судить, но и в 60-е годы лозунгов, наверное, хватало. У вас же это время оставило теплые воспоминания. Так, может, не в наличии или отсутствии лозунгов коренятся наши сегодняшние недостатки?

— Так я ведь не о лозунгах вспоминаю, а о людях — честных и порядочных. Дело, вероятно, не в самих лозунгах, а в отношении к ним. Многие трудности — нехватка средств, недопоставка предметов довольствия, наконец, жилищная проблема — имеют объективный характер, то есть существуют независимо от нашей с вами воли и сознания. А вот в нашем отношении к этим объективно существующим проблемам много субъективного. Один начальник воспринимает объективные трудности как неизбежность, другой не покладая рук ищет выход и находит его из безнадёжной, казалось бы, ситуации. Находит, потому что не номер отбывает в счет рабоче-

го времени, а душу в дело вкладывает. Надо ли спрашивать, кого из них, первого или второго, вы хотели бы видеть своим командиром?

— Не уменьшится ли численность войск после перехода на контрактный принцип комплектования, тем более что вслед за функцией надзора, как я слышал, планируется передать администрации колоний и охрану периметра?

— Передача функций надзора и охраны ИТК администрации этих учреждений — процесс, на мой взгляд, неизбежный. Мировой опыт доказывает, что все это должно быть в руках у одного хозяина. На численность войск эти события повлияют незначительно, так как задач для внутренних войск на современном этапе...

— К сожалению...

— К сожалению, достаточно. И подоплека вопроса, наверное, такова: а нужны ли будут воспитатели? Нужны. Возьмем для примера США, где военнослужащие все до единого — контрактники. Однако идеологический аппарат, так его назовем, у них в два, а порой в три раза больше нашего. У нас один офицер-воспитатель приходится на 70 человек, у них же — на 23–30. Вспомните, как мощно и грамотно вели американцы идеологическую кампанию накануне и во время войны в Персидском заливе.

Нет, за судьбу органов по работе с личным составом я спокоен — людей всегда нужно было воспитывать, нужно это и сейчас, и заниматься этим должны настоящие профессионалы.

— И последний вопрос. Товарищ генерал-майор, практически в каждом документе, выходящем из управления по работе с личным составом, есть рекомендации и для войсковой печати. Военным журналистам тоже хочется делать свое дело профессионально. Однако отношение к печатному слову изменилось в обществе настолько, что у некоторых моих коллег руки опускаются: все труднее напечатать острый материал или добиться реакции на критику...

— Я вас понимаю. Нынешнее положение средств массовой информации завидным не назовешь. Но в смысле действительности выступлений гражданские журналисты, думаю, могут позавидовать военным. Ведь командующий войсками и военный совет кровно заинтересованы в решении поднятых журналистами проблем. Если вопрос не терпит отлагательства, не надо ждать публикации — докладывайте немедленно. Критику, конечно, никто не любит, но аргументированные, компетентные выступления войсковой печати нельзя оставлять без ответа, а тем более — без реагирования.

— Большое спасибо!

26 сентября 1993 г.

Фото подполковника Б. БУЛГАКОВА.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

ЭТОГО ГОРОДКА, названного с неподражаемым российским юмором в честь столицы Франции, вы не найдете ни в одном географическом атласе. Обозначен он аккуратными топографическими знаками лишь на рабочих картах командиров и штабистов, организующих службу по обеспечению режима чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта. И официально именуется пунктом дислокации войсковой оперативной группы (ВОГ), оперативно-следственной группы (ОСГ) МВД России и военной комендатуры Ингушской Республики. Или просто палаточным лагерем — казенно, буднично, банально. Словом, проза сплошная. А ее, этой самой прозы, в горячей точке и без того сверх всякой меры. Для старожилов. Вот и окрестили, словно в насмешку над ней, Парижем небольшой «форт», за околицей Назрани теркины из спецназа — знай, мол, наших. К примеру, схватится за голову, перешагнув КПП, какой-нибудь заезжий репортер, непривычный к спартанской бивачной жизни: «Хреновато тут у вас, ребята!» — а ему в ответ: «Зато в „столице“ службу правим, а другая — под боком. И романтика, и экзотика, не соскучишься!»

Конечно, брезентовый лагерь на картофельном поле — это вам не Париж, как ни крути, но и город на Сене с Нотр-Дам де Пари и Елисейскими полями — попробуйте-ка возразить — тоже не российский «форт», на кавказской земле. У каждого из них свои достопримечательности, свой колорит. Свои тайны. И пускай у праздных туристов, задирающих головы на Эйфелеву башню, и у обитателей палаточного городка настроения и впечатления, ежели сравнивать, — как полюса у магнита, кавказским «парижцам», готов побиться об заклад, тоже будет о чем вспомнить после возвращения на зимние квартиры.

Это, впрочем, присказка...

А теперь всерьез, без шуток — о жизни служивых, командированных в крошечную беспокойную республику во имя поддержания общественного порядка. О маленьких тайнах полевого лагеря (без оных, согласитесь, Париж не Париж, даже палаточный).

...Ночью вокруг городка вновь гремели автоматные и пулеметные очереди. Казалось, будто десятки псов сорвались с привязи и со злобным,

захлебывающимся лаем носятся вокруг ограждения. Высоко над палатками стремительными светлячками мелькают трассеры. Все нарастающая плотность огня наводила на мысль о готовящемся штурме.

— Опять шалят, будь они неладны, — выходя из модуля, проворчал начальник ВОГ полковник Виктор Иванович (по понятным причинам фамилии офицеров в материале не называю). — И не надоест ведь! Что ни ночь, то «салют», в нашу честь. — Он иронично хмыкнул и, быстро прикурив (полковые остроловы утверждают, что «батя», даже под душем моется с сигаретой, а припечет сладковатой гарью, угрожающе зашевелили стволами проснувшиеся бэтээры. На усиление постов спешили тревожные группы. Заведенный с полуоборота, механизм защиты лагеря сработал по алгоритму боевого расчета, как новенькие часы.

— Предполагаю, сегодня будут брать на испуг, — сказал офицером начальник оперативной группы, судя по тону, явно довольный действиями бойцов (и то правда, дважды в день, независимо от погоды, проводятся тактические занятия на предмет обороны «Парижа»). — Но бдительности не терять. Ответный огонь — при крайней необходимости. И только по моей команде!

В этот момент мне вспомнилось, как после прекращения огня на сельских «фронтах», в ноябре прошлого года бронегруппы внутренних войск, согласно Указу Президента России о введении в зоне конфликта режима чрезвычайного положения, входили в Ингушетию. Входили, имея куда меньше возможностей для самообороны в сравнении с неплохо окопавшимися «парижцами». Вспомнил суровый приказ руководителя операции открывать огонь на поражение при малейшей угрозе со стороны бронейщиков-смертников (по слухам, среди боевиков были такие). Однако в те дни, вопреки ожиданиям, экстремисты ограничились лишь оскорбительными словесными залпами на многолюдных митингах, решив, очевидно, не форсировать события, выждать, хорошенько присмотреться к тактике миротворческих сил, найти уязвимые места в их боевых порядках, а тогда уж... Что будет тогда — доходчиво объяснялось военным в грозных посулах, которые сыпались как из рога изобилия. Нет, была и помощь (даже при всеобщем умопомрачении находятся здравомыслящие люди, способные оценить значение жесткой терапии методами ЧП для предупреждения дальнейшей эскалации конфликта), но удельный вес ее оказался ничтожно малым. Основная масса населения смотрела на войска со сдержанной неприязнью, как на чужаков, пришедших навязать народу свою волю.

При таких общественных настроениях пришлось искать место для дислокации военного городка за пределами Назрани. Аprobированный вариант с размещением в техникуме—ПТУ—спортзале—клубе тут не подошел: себе дорожке оставаться в черте столицы под неослабевающим прессингом экстремистов, сменяемых соблазном прицельно шарахнуть темной ночью по военным.

Нашли. На картофельном поле. То ли лучше места не подвинулось, то ли время поджимало остановиться на первом маломальски подходящем пятачке — сие теперь «парижская», тайна, попробуй докопаться. Да и стоит ли, когда, что называется, поезд ушел и военные с представителями органов

внутренних дел прочно увязли в непролазных хлябях.

Быть может, и сподручно здесь картофель выращивать, а вот лагерем стоять — сущее наказание. Чуть закапал дождик, и землю можно смело использовать в качестве клея, намертво пристаёт. Ливень ударил — совсем беда, «Париж», погружается в натуральное болото, мощные бэтээры — и те буксуют. Окажись на месте наших воинов какие-нибудь иноземные рейнджеры, привыкшие воевать со всеми удобствами, — загнулись бы от одного вида топи непроходимой. А славяне — ну, что: есть приказ — надо выполнять. И с помощью смекалки, ценой сверхусилий, присущей россиянам особой духовной закваски, подбадривая себя крепкими выражениями из ненормативной лексики, обустроились с максимальным для этих поистине адских условий комфортом. Покрыли «улицы», и «переулки», деревянными настилами, научились передвигаться в непогоду по скользким от грязи «тротуарам», сохраняя равновесие на манер конькобежцев и скейтбордеров. Соорудили баньку с парилочкой. По канонам строгой армейской эстетики окультурили площадки вокруг палаток и офицерских модулей. Даже луковые грядки для дополнительных витаминов ухитрились вписать в уставный интерьер. Что касается борьбы с всепроникающей грязью, то в этой массовой кампании участвуют всем миром — от рядового до полковника. Когда приехал в «Париж», был немало удивлен, застав заместителя начальника ВОГ по работе с личным составом подполковника Александра Николаевича за мытьем полов в модуле.

— Каждый сам убирает в своем вагончике, — улыбнулся главный «комиссар», «Парижа», выжимая тряпку. — Дежчиков не держим. Чуть наследил, ведро в руки — и вперед. Зато марафет, как в кубрике на образцовом корабле.

Да, грязь отступила перед привычными к спартанскому порядку служивыми. А вот вкусивших анархии местных жителей приучить к присутствию миротворческих войск оказалось непросто. Благо успели аврально, но основательно укрепить свой маленький «форт»: наблюдательные вышки по углам, провололочные заграждения, траншеи, бревенчатые засеки у палаток со стороны вероятного нападения. Иначе бы ой как туго пришлось. По количеству стволов на душу населения Ингушетия, как известно, занимает далеко не последнее место среди криминальных регионов России, и палат из тех разнокалиберных стволов не только в воздух для демонстрации железных мускулов. Не раз, бывало, вели прицельный огонь по городку, хотя местными властями эти факты упорно отрицаются.

Хвала выдержке, хладнокровию «парижцев», не позволили втянуть себя в конфликт. Восток — дело тонкое, защитную акцию тут могут преподнести как агрессивную вылазку «окупантов», доказываяй потом, что ты не верблюд. Миротворческие силы для экстремистов — как бельмо на глазу, чуть что, найдут десяток способов навешать всех собак на военных, выставить их в глазах народа главными виновниками кровопролитной стычки, и тогда — не будем исключать развязку по самому худшему варианту — вокруг «Парижа», сожмется кольцо блокады. Местные «стратеги», наверняка подготовили для военных хитроумный капкан. Тем более что с тактической точки зрения лагерь весьма уязвим...

Невеселая картинка вырисовывается — хуже некуда. Но потирая ладони в предчувствии легкой победы над миротворцами не советовал бы. Военные, набравшиеся горького опыта в стреляющих регионах бывшего

Союза, тоже не лыком шиты. На случай внезапного осложнения обстановки Виктор Иванович, посоветовавшись с начальником штаба и командирами полков, придумал до гениальности простой план бескровного прорыва. Сознаюсь, так и подмывает меня расписать его в деталях для похвалы третьим конвойной службой, опаленным горячими точками офицерам, но сие — главная тайна палаточного «Парижа». И дай Бог, чтоб осталась она нераскрытой в практических действиях при возникновении чрезвычайной ситуации.

ПСИХИЧЕСКАЯ «канонада», прекратилась так же внезапно, как и началась. В ушах зазвела тишина. Тревожная. Свинцово-гнетущая. Веселенькую ночь устроили измотанным напряженной службой «парижцам». А ведь такое повторяется чуть ли не каждые сутки! Поневоле задумаешься о логической связи между безграничным терпением военных, скованных по рукам и ногам жесткой установкой не поддаваться на провокации, и беспредельной наглостью местных башибузуков.

Кто же на сей раз участвовал в исполнении стрелковой «серенады»?

— Обычно местные омонцовцы балуются, — достал из пачки очередную сигарету Виктор Иванович. — Ну и отдельные хулиганствующие элементы поддерживают стражей порядка, — чиркнув спичкой, добавил с иронией: — Их, этих элементов, развелось за время анархии, как сорняков на неполютом огороде. А прополоть — у республиканского МВД силенок пока маловато. . .

— И желания тоже, — буркнул кто-то из офицеров.

Наверное, есть правда в этих словах. И насчет сил, и по поводу желания. Маловато! Два года государственного безвластия породили у людей чувство вседозволенности и безнаказанности. Попробуй-ка призвать к порядку распоясавшихся молодчиков, если даже руководство здесь считает себя вправе игнорировать отдельные законы и решения центра. Вы можете представить такую картину, когда, допустим, президент США посылает в какой-нибудь штат для укрепления сил безопасности, борющихся с преступными группировками, федеральные войска, а губернатор в пику главе государства требует немедленно вывести прибывшие части, отказывается снабжать их водой, продуктами питания? Правильно, для цивилизованной демократической страны это нонсенс. У нас же. . .

— Поначалу палаточный городок находился на полном самообеспечении, — рассказывал мне зам. начальника ВОГ по работе с личным составом. — Даже воду приходилось возить из Владикавказа. Республиканские и городские власти отказывали буквально во всем. Дескать, мы вас сюда не приглашали, выкручивайтесь как хотите. А еще лучше — убирайтесь подобру-поздорову. (Тут я невольно вспомнил выкрики из толпы в день ввода войск в Назрань: «Ни одного куска хлеба, ни одной сигареты не получите от нас, русские оккупанты!»).

— Правда, в последнее время лед враждебности и недоверия начал таять, — заметил подполковник Александр Николаевич. — Помимо выполнения «члзсных», боевых задач, военнослужащие наших частей сопровождают колонны с людьми и грузами из Назрани в Джейрах. Дорог к этому населенному пункту на территории Ингушетии нет. Единственная автомагистраль к горцам пролегает через Северную Осетию, куда путь ингушам после известных событий заказан. По ней и водим колонны под прикрытием брони. Доставляем в Джейрахское ущелье муку, крупу, сахар, макароны и другое про-

довольствие. По сути, спасаем жителей горных селений от голодной смерти.

Редкая поездка через Осетию обходится без инцидентов. То дорогу заблокируют, то камнями забросают. Не устаю поражаться стойкости офицеров и солдат. . .

После успешной доставки в Джейрах гуманитарных грузов, посланных ингушам из Турции, президент Аушев выразил нам благодарность: «Спасибо, что не сидите сложа руки, оказываете помощь республике». К этому времени изменилось и его мнение относительно миссии внутренних войск. На совещании главы временной администрации с представителями правоохранительных органов Руслан Аушев высказался за то, чтобы оставить наши части в республике. Выдержка, гуманность миротворческих сил приносит первые плоды. Нас начинают понимать и ценить. Это внушает оптимизм.

За мажорной нотой в словах зама по работе с личным составом угадывался контрапункт с еще одной важной темой: хорошо, если б и на высоком державном, и на ведомственном уровне должностные лица поглубже вникали в проблемы оперативных частей внутренних войск, стоящих нынче в прямом смысле на горячей линии, ценили их вклад в дело поддержания мира (пусть худого, но — мира) на Северном Кавказе, что равнозначно сохранению целостности России, по-государственному заботились об удовлетворении очень скромных — уж поверьте! — нужд во время боевых командировок.

«Живете вчерашним днем, пляшете под дудку господ очернителей, — предвижу негодование некоторых «прорабов», «пострестрочных», реформ. — Сегодня о войсках проявляется такая забота, о которой в годы застоя можно было только мечтать». Сделано немало, кто спорит. Создана правовая база жизнедеятельности миротворческих сил, в районе ЧП — двойной оклад, «президентские», месяц — за три плюс «фронтвые», к солдатской «получке», теперь многих бойцов перед «дембелем», за уши из горячей точки не вытащишь. Впору поднять очи горе от умиления и всеподданнейше, не стесняясь в выражениях достопамятных времен, возблагодарить за проявленную заботу. Повременим. . . Всем, кто привык смотреть правде в глаза, ясно, что перечисленные льготы, предусмотренные, кстати, в армиях всех цивилизованных стран, это возвращение державных долгов военным, минимальная компенсация тягот и лишений, которые стойко переносят войска, защищая в зонах повышенного риска общественные и государственные интересы России. А сколько еще выданных людям в погонах векселей остаются неоплаченными! Сколько неудобств приходится терпеть из-за того, что отдельные чиновники наверху придерживаются принципа: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Помесить бы им пару неделек грязь в палаточном «Париже», на своей шкуре ощутить, каково офицерам и солдатам под прессингом разъяренной толпы, заблокировавшей автоколонну с грузами, погоняться ночью по полям за «летучим голландцем», — неуловимым «бэтром», одной преступной группы, как это делал полковник Виктор Иванович со слепцазовцами, получить порцию горячечных эмоций под очередным обстрелом. . . Ну что, есть желающие? Милости просим в «Париж», — познакомиться с житем-бытьем служивых, дабы совесть потом подсказала, какую помощь им оказать в дополнение к вышеназванным льготам. А промолчит совесть, не подскажет, можно посоветоваться с отцами-командирами. Право же, среди них немало таких, которые могут блеснуть умом не хуже иного интеллектуала из верхнего эшелона власти,

На верхнем и нижнем снимках: декабрь 1992 г. Так начинался "Париж".
 Фото В. УТЕНКОВА и автора.

способны мыслить по-государственному масштабно и в отличие от некоторых лукавых державных мужей, торгующих Россией оптом и в розницу, служат Отечеству не корысти ради.

Подполковник Александр Викторович, командир расквартированной в "Париже", части, — из этой плеяды офицеров. По-военному осанистый, богатырской стати, в свои тридцать шесть он наполовину сед — жар горячих точек посеребрил волосы, оставив незаживающий ожог в душе. К моменту нашей беседы срок пребывания его полка в боевой командировке, вдаль от зимних квартир, насчитывал ровно девять месяцев. География: беспокойные районы Дагестана и Кабарды, граница с Чечней, Пятигорск — охраняли бензопровод. И вот теперь — выматывающая нервы "столичная" служба. Груз — не всякие плечи выдержат. Но Александр Викторович не плачется в жилетку, когда речь заходит о трудностях, деловито обсуждает проблемы, до предела обостренные всеми прелестями "столичной", жизни.

— Нагрузки? Да, колоссальные. Полк молодой, ротных — кот наплакал, острееший дефицит командиров взводов, заместителей по работе с личным составом, старшин подразделений. Приходится командировать части крутиться за десятилетия, благо здоровьем Бог не обидел. Сейчас, когда более-менее обустроились, втянулись в службу, еще терпимо. А вот в декабре прошлого года... Чертям в преисподней не снилось то, что испытал полк, обживаясь на картофельном поле. И колотун в палатках был немислимым, и... Впрочем, не стоит о лихе вспоминать, — словно спохватившись, оборвал себя на полуслове комполка. И, помолчав, добавил: — Первая передислокация всегда сложна. А в условиях Кавказа... — он махнул рукой. — Очень хотелось бы достойно отблагодарить мужиков, прошедших через эти испытания, да только прав на поощрения — курам на смех... Что придает сил офицеру в горячей точке, догадываетесь? Главное — прочный тыл: наличие собственного угла, сознание того, что при трагическом раскладе событий семья не будет скитаться без крова. Жилья у моих офицеров нет. Как и перспектив изменить в ближайшее время унизительный статус бомжей при погонах. Снимать благоустроенные квартиры не по карману. Хозяева будто сговорились с боевиками: те пулями нас достают, эти — ценами. Только уедешь в командировку — тут же "индексируют", квартплату и предьявляют жене ультиматум: плати или выметайся со своими манатками. Выход?! Вместе с замами мотаемся по городу в поисках другого жилья, перевозим вещи, лишь бы не дергать офицера, который тянет ляжку в горячей точке, иначе с нашей укомплектованностью некому будет закрывать бреши в боевых порядках. О бойцах не меньше душа болит. Прельщенные "президентскими", они заинтересованы по полгоду в зоне ЧП службу править, чтобы домой уйти не с пустыми карманами. А какой ценой достаются эти тысячи — там, наверху, кто-нибудь задумывался? Не поверите, но это факт: в палаточном городке мы не в состоянии удовлетворить элементарные культурные потребности молодых парней, утолить их информационный голод. Решая вопросы материально-технического обеспечения вновь сформированной части, довольствующий орган, видимо, отодвинул на второй план такие "мелочи", как кинопередвижка, переносные телевизоры, видеомагнитофоны, без которых в длительных командировках можно просто одичать. Раньше, вспоминая, ох и лютовали "комиссары", если без уважительной причины срывался просмотр

кинофильма или программы "Время". А теперь никто и не поинтересуется, когда боец в последний раз смотрел на экран, держал в руках газету.

Услышав это, не мог удержаться от бывшего оскомину сравнения: у нас и "у них... Во время знаменитой операции "Буря в пустыне", в зоне Персидского залива на полную катушку работали три студии РТВ-службы вооруженных сил США, войска в необходимом количестве были снабжены транзисторными приемниками. В гарнизонах функционировали мини-телеустановки, осуществившие прием канала Си-эн-эн через спутник связи. Максимально удовлетворяла разнообразные интересы воинов армейская кинослужба, работавшая с учетом заявок, собранных военными социологами...

— Пустое дело — сравнивать несравнимое, — покачал головой подполковник Александр Викторович. — Разные цели, задачи, масштабы, а главное — возможности. Безнравственно требовать от государства то, что ему не по карману. Не до жиру, быть бы живу. Просим же мы самую малость. Отечественный "видак", стоит 140 тысяч, чернобелый переносной "Сафир", — ну очень смешная цена. Однако чиновники-снабженцы, которым я со своими просьбами всю плешь проел, очевидно, считают иначе. Что ж, остается рассчитывать на свои силы. Вернемся на зимние квартиры — заработаем деньги в колхозах, все купим сами. С председателями я уже договорился. Расширь в доску, а проблему с информационно-культурным обеспечением личного состава сниму с повестки дня. Если б еще хоть немного средств для удержания офицеров в боевом строю... Недавно уволились два классных командира взвода. Съездили в отпуск — и рапорта на стол. Дружья-бизнесмены завербовали, наобещали золотые горы. Уговаривал, как мог, а они ни в какую: квартир нет, девять месяцев в году без семьи, каждый день только и ждешь — то ли в лоб тебе пальнут, то ли в спину, а на гражданке за неделю будем получать столько, сколько в горячей точке за месяц. И еще три офицера навострили лыжи, вкусив "парижской", жизни. Жалко до слез — идеальные ребята, надежда моя и опора... Уходят лучшие из лучших. И так будет продолжаться до тех пор, пока оперативные части ВВ, прикрывающие горячие регионы страны, не поставят в приоритетное, элитное положение. По финансированию, снабжению, социальным гарантиям. Пока государство не выделит из бюджета дополнительные средства для обустройства пунктов временной дислокации, КПП, застав в зоне ЧП. Нынешние льготы все же не адекватны нашей боевой работе...

Об этом говорили и другие офицеры, с которыми свела судьба на неприветливой "парижской", земле. Говорили, к сожалению, без веры быть услышанными на "олимпийских", высотах.

Уезжал из лагеря — на душе кошки скребли. Почему? Сам не знаю. Не всякое чувство можно объяснить словами. Да и нужно ли...

На КПП за машиной увязал всеобщий любимец Ефрейтор — неказистый пес, прибившийся к подразделению. Голодноватая была собака, по всему видать. И ребра выпирают, и шерсть клочьями. В глазах преданно твякающей дворянки — настороженность, но хвост — пистолетом... Если б не "парижане", — не выжила бы.

Ю. ЧЕРКАСОВ.

ЗАКОН - ОБЩИЙ, ПРАВЫ - МЕСТНЫЕ

Место действия — контрольно-пропускной пункт у села Барсуки Назрановского района Ингушской Республики. Для правильной оценки действий всех участников происшествия и дальнейших событий напомним, что в названной местности объявлено чрезвычайное положение, и следовательно, порядок здесь должен диктовать закон о чрезвычайном положении. Однако реальность свидетельствует о том, что писан он, видимо, не для всех. Впрочем, повременим пока с оценкой событий, начнем с фактов.

23 марта 1993 года в 13.08 водитель автомашины ВАЗ-2106, проезжавшей через КПП, проигнорировал требования сотрудников милиции из оперативно-следственной группы МВД России остановиться и на скорости пытался проскочить мимо войскового наряда, но после предупредительного выстрела вверх все-таки затормозил. Как оказалось, вовсе не для того, чтобы подчиниться представителям власти. Он и трое его попутчиков, смердя сивухой, бросились на милиционеров и военнослужащих, намереваясь с помощью мата и кулаков выразить свое отношение к пропускному режиму и к тем, кто его осуществляет. Завязалась потасовка, в ходе которой пассажиры "жигуленка", попытались отобрать у солдат оружие, при этом один из них вытащил из кармана пистолет. Позже выяснилось, что это была зажигалка, но настолько искусно скопированная с настоящего пистолета, что во время стычки, естественно, и была за таковой принята. В результате начальник войскового наряда старший лейтенант Михаил Гущин после двух предупредительных очередей применил против нападавших оружие, ранив одного из них в плечо и голень, второго — в руку. Пострадавшим была оказана медицинская помощь, их отправили в больницу.

Стычка на КПП привлекла внимание проезжавших по трассе людей. Стали останавливаться машины, из рейсового автобуса высыпали все его пассажиры. Толпа росла. Происшествие начало обрастать домыслами

и слухами. Когда раненые уехали, они тут же превратились в "убитых". На военнослужащих и милиционеров посыпались проклятья и угрозы. Многие в толпе сути случившегося вообще не знали, но активность проявляли не меньшую, чем те, кто оказались свидетелями стычки. Ни те ни другие не утруждали себя мыслью, что они защищают нарушителей. Закон для них — дело... надцатое, а на первом месте — факт: пострадали свои, пострадали от чужаков. Когда над толпой взвизывается вопль "Наших бьют!", никому и в голову не придет поинтересоваться, а за что.

Что касается местной милиции, то ее позиция и действия вообще не выдерживают никакой критики. Закон для нее, похоже, понятие национально-прикладное, поскольку местные стражи порядка в практической деятельности руководствуются своими "законами": "око за око" и "цель оправдывает средства". Вероятно, этим объясняется первое же предложение, направленное на то, чтобы исчерпать созданный инцидент, высказанное представителем назрановского РОВД войсковому наряду: "Надо посадить вокруг КПП десяток наших снайперов и всех вас перестрелять как собак.."

А каких высот достигла здешняя медицина, проделавшая славный путь от суеверного знахарства до дипломированного шарлатанства! Где еще в мире медики способны проводить экспертизу на алкоголь с помощью обыкновенного куса ваты? В Назрани могут! Стоит только солдату внутренних войск поды-

шать на нее (ничем не смоченную), и диагноз готов: хронический алкоголизм с циррозом печени, белой горячкой и прочими сопутствующими пагубному пристрастию недугами... Выработать в себе такой высокий профессионализм способны далеко не все, для этого мало быть врачом, нужно стать специалистом полититической медицины. Поэтому, чтобы уж ни у кого не осталось сомнений в том, что солдатами-алкоголиками командуют офицеры-наркоманы, у начальника войскового наряда местные эскулапы взяли на "экспертизу", кровь, чтобы бесспорно доказать: офицерский рацион внутренних войск МВД России состоит из героина — на завтрак, марихуаны — на обед, гашиша — на ужин, а перед боевой службой в качестве дополнительного питания командный состав взбадривается кокаином. Пойманные за руку полковником медицинской службы "эксперты", ничуть не смутились. С какой стати им смущаться, если упомянутый закон "цель оправдывает средства", вдохновляет здесь не только милицию?

Одним из таких средств зачастую является автомат Калашникова, который, правда, цели в основном поражает, а не оправдывает. И вот такие автоматы наставили на солдат сотрудники назрановской прокуратуры, прибывшие проводить первоначальное следствие и собиравшие показания, держа пальцы на спусковых крючках. Они без обиняков предупредили допрашиваемых: против тех, кто откажется давать показания, будет применена физическая сила. И это сотрудники прокуратуры, для которых законность должна быть святее святого!

Когда я пошел к военному прокурору Владикавказского гарнизона подполковнику юстиции Валерию Тыркову, к которому поступило уголовное дело, возбужденное местной прокуратурой против старшего лейтенанта Гущина, он отказался тогда дать оценку происшествию, поскольку из материалов первоначальных следственных действий абсолютно невозможно было понять, как развивались события на КПП, но высказал свою профессиональную точку зрения на действия местной милиции:

— Вне всякого сомнения, здесь надо рассматривать два уголовных дела: первое — в связи с инцидентом на контрольно-пропускном пункте, второе — по событиям в назрановском РОВД.

А что же произошло там?

Место действия — РОВД города Назрани. Сюда доставили якобы для дачи показаний старшего лейтенанта Гущина. Допрос начался со зверского избияния офицера. Позже, когда Михаил привели в часть, сослуживцы не узнали в нем своего товарища.

А почему допрос начали с избияния, а не закончили им? Ну, наверное, во-первых, не могли удержаться, чтобы не поизмываться безнаказанно над тем, кто лишен возможности себя защищать. А во-вторых, трудно разоборать, что отвечает на вопросы человек с выбитыми зубами и чудовищно распухшими губами, а это как раз то, что надо для протокола — пиши что хочешь. Подписывать "свои", показания подследственному придется вслепую, ведь глаза запылили кровоподтеками. Так что мордобой как средство установления истины — то, что надо.

Теперь предоставим слово старшему лейтенанту Шакиру Ахмедову, которому тоже "посчастливилось", на собственной шкуре испытать "гостеприимство", назрановских законоохранителей. "Шкура", выдержала, но изрядно пострадала. Вот что рассказал офицер:

— Я со своими подчиненными только вернулся после сопровождения колонны беженцев и вынужденных переселенцев. Дал солдатам команду привести себя в порядок и отдыхать. Назавтра предстоял такой же выезд. Но отдыхать не пришлось. Нам была поставлена задача забрать из назрановского РОВД старшего лейтенанта Гущина и привезти его в часть. Об инциденте на КПП мы тогда еще ничего не знали и понятия не имели, на каком положении Гушин находится в РОВД.

Отправились туда на бронетранспортере вшестером: четверо бойцов, прапорщик Сергей Космынин и я. В 17.59 тормознули возле РОВД. "Броню", поставили на противоположной стороне улицы и втроем — со мной пошли ефрейторы Алексей Лужнов и Олег Шматков — двинулись к зданию. У входа стояли местные милиционеры.

"Здорово, ребята! — говорю. — Разрешите пройти.. Берусь за ручку двери и получаю удар по руке. Вот тебе на! "Крыша у них поехала..", что ли? На днях еще за руку здоровались, а тут, смотрю, того и гляди в глотку зубами вцепятся.

За спиной моментально начала собираться толпа. И посыпалось: "Убийцы! Оккупанты!..", Песня до боли знакомая. Неприятная песня — слова однообразные, мелодия злобная. А толпа растет. Побазарить скопом — это здесь хобби такое, вроде корриды у испанцев. Чувствую: так можно и "бандерилью", меж лопаток схлопотать. Только так подумал, как ефрейтора Лужнова схватили сзади за куртку, стали бить в живот, по лицу. Ну он в мальчишки для битья не нанимался — двинул кое-кому от души. И мы со Шматковым помогли. Правда, и сами по зубам получили.

Через минуту потасовка превратилась в сплошную свалку. Лужнова затащили в подъезд РОВД. Свой автомат он все же успел передать в БТР. Мы со Шматковым пробилась к машине, но ее тут же со всех сторон блокировала толпа. Дали несколько очередей в воздух. Но здесь публика к звуковым эффектам притерпелась — ложится и встает под треск выстрелов. Так что расчистить дорожку бэтээру не удалось. Не по головам же стрелять! Но на их стороне так не думали. Милиционер, стоявший у входа в РОВД, выматерился, брызжа слюной, и дважды выстрелил по нам из пистолета. Одна пуля просвистела рядом с моей щекой. В такой толпе он мог и в своих попасть, но об этом, видно, не думал. Тутешние ребята, когда распалят себя до крови в глазах, думать вообще перестают.

Тут еще из окна РОВД пальнули из автомата двумя одиночными выстрелами. В толпе тоже замелькали автоматы, обрезы, гранаты. Когда мы забрались на броню, раздались выкрики: "Поджарить их прямо в этой консервной банке! Сжечь! Расстрелять!"

Один из местных вскарабкался на БТР, выдернул кольцо из "эфки", (граната "Ф-1". — Авт.) и занес ее над люком, вопя: "Все здесь останетесь!" Я передернул затвор автомата, патрон стукнул по броне. Храбрец убедился, что автомат мой заряжен и за четыре секунды, которые пройдут до взрыва после того, как он отпустит чеку, я из него сито сделаю. Становиться национальным героем посмертно он сразу передумал и прыгнул с бронетранспортера.

Начальник РОВД потребовал, чтобы мы прошли в здание милиции, и пообещал, что бэтээр никто не тронет. Мы "броник", задраили и отправились следом за хозяином учреждения. Только вошли в коридор, как на нас со всех сторон посыпались удары. Отвечать нельзя было ни в коем случае, ведь этого от нас и добивались. Мы сдерживались из последних сил.

Завели нас в комнату и потребовали сдать оружие на экспертизу. Мы заявили, что оружие сдадим только по личному приказу командира части. Нас по одному стали водить на допрос к прокурору. Тот, кого вводили, оружие оставлял товарищам. Всякий, кто встречался по пути в коридоре, считал своим долгом отвесить оплеуху безоружному, подконвойному человеку. Каждый вопрос прокурора сопровождался ударами его подручных. Прокурор тоже не отказывал себе в удовольствии самолично руку приложить.

Бесновавшаяся за окнами толпа требовала выдать нас на расправу. В окно той комнаты, где нас держали, грозили бросить гранату. Это издевательство продолжалось восемь

часов. Натешившись вволю, ночью нас отпустили. То ли устали, то ли побоялись, что нам надоест терпеть и мы в конце концов пустим в ход оружие. Отдали нам и Гущина с Лужновым. Кто из них живописнее выглядел, трудно сказать. Лицо Гущина превратилось в сплошной кровоподтек. А над Лужновым национальные гвардейцы потрудились, его били прикладами по спине, приговаривая, что остаток жизни он проведет в инвалидной коляске. Большие мастера беззащитного калечить!

Вот та история, которую имел в виду подполковник юстиции Тырков, говоря о необходимости возбуждения второго уголовного дела.

Теперь посмотрим, как оба инцидента выглядят с точки зрения законности. Открываем "Закон о внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации", раздел четвертый "Обязанности и права внутренних войск", статья 27 "Применение оружия", пункт "д". Здесь сказано, что военнослужащие внутренних войск имеют право применять оружие лично или составом подразделения для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель в условиях правового режима чрезвычайного положения отказался остановиться, несмотря на законное требование сотрудника милиции или военнослужащего.

Таким образом, претензии "экипажа" легкой машины, остановленной на КПП, не имеют под собой никаких законных оснований, а его дальнейшее поведение, ставшее причиной применения оружия, подпадает под действие статьи 29 того же закона о внутренних войсках МВД России, где говорится о гарантиях личной безопасности военнослужащих войск: "Право применить оружие предоставляется военнослужащему и при попытке прикоснуться к его оружию."

Еще один интересный момент. Спросил я военного прокурора, с какой стати уголовное дело на военнослужащего заводит гражданская прокуратура, почему первоначальное следствие, от которого в дальнейшем так много зависит, проводит явно заинтересованная сторона? А в ответ услышал:

— Первоначальные следственные действия проводят те представители правоохранительных органов, которые первыми оказались на месте происшествия.

Вот здорово! Кто палку взял, тот и капрал. Это положение, возможно, и было справедливым, когда у нас правоохранительные органы были едины и для понимания государственных законов не требовалось переводчиков на национальные языки. Но сегодня, когда отдельные милицейские дружины живут по

своим неписаным законам, пора бы внести коррективы в устаревшие порядки.

— Если бы у меня хватало людей, — продолжал подполковник Тырков, — я бы держал группу следователей исключительно на раскрытии преступлений. Только поступило сообщение о ЧП с участием военнослужащих, группа хватается следственные портфели и — вперед. Тогда бы не пришлось нам сегодня заниматься выяснением важных подробностей происшествия на КПП.

К слову сказать, военная прокуратура Владикавказского гарнизона — она осуществляет надзор за войсками, дислоцированными в Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, — насчитывает в своем составе всего десять (!) человек. Для сравнения: в прокуратуре только Пригородного района Владикавказа работают 42 сотрудника.

— Почему бы не ввести в состав нашей прокуратуры, — предложил подполковник Тырков, — офицеров внутренних войск? Ведь их части сейчас постоянно находятся на территории Северного Кавказа. Недавно создан Северо-Кавказский округ внутренних войск. По-моему, в этом должны быть заинтересованы не только мы, но и руководство войск.

Что ж, вот еще один рычаг укрепления законности в горячих точках. Почему бы им не воспользоваться?

А принимая во внимание тот факт, что при любой маломальской заварушке в толпе появляется оружие, вряд ли ошибешься, утверждая, что в отношении закона тут все сами с усами. Да и можно ли ждать законопослушания от рядовых граждан, когда власти творят беззаконие? Вот и получается: политики где-то там, в невидимых снизу верхах, пытаются договориться, подписывают различные документы о перемириях, замирениях и т. д. А обыкновенный бандит, плюнув в экран телевизора, демонстрирующего торжественную церемонию очередного подписания, берет автомат, купленный почти открыто на обычном базаре, и отправляется "за скальпами", в соседнее село. Отправляется не один, а с такими же бандитами. И наутро тот же телевизор с засохшим плевком сообщает о ночном нападении, перестрелке, захвате заложников и жертвах...

Возможно, прочитав материал, кто-то скажет: ну вот, мол, взяли факт весенней еще давности, а сейчас осень на дворе... А что, за эти полгода меньше стало беззакония? Судите сами...

1 августа страну потрясло известие о подом убийстве из засады у поселка Тарское Пригородного района Северной Осетии гла-

вы временной администрации на территории Северной Осетии и Ингушетии Виктора Поляничко, начальника Владикавказского гарнизона генерал-майора Анатолия Корецкого и старшего лейтенанта Виктора Кравчука.

Вести из этого региона приходят одна тревожней другой.

В ночь на 2 августа неизвестными лицами с разных точек из автоматического оружия неоднократно подвергался обстрелу КПП-3, так называемый черменский круг.

25 августа в 6.36 из проезжавшей через КПП-6 белой "Волги", по военнослужащим был произведен выстрел из пистолета. Машина скрылась.

В тот же день при досмотре автомобиля ВАЗ-2106 у водителя изъят пистолет системы "Наган", под 9-миллиметровый патрон пистолета Макарова.

Выходит, не из простой прихоти собирался подвергнуть досмотру машину старший лейтенант Гущин. Практика показывает, что у него для этого были все основания.

6 сентября военнослужащими внутренних войск МВД России был предотвращен пожар в кинозале Дома культуры поселка Карца. Кроме того саперы обезвредили находящееся в горящем помещении самодельное взрывное устройство...

А вот примеры, красноречиво подтверждающие, что местные стражи закона соблюдение последнего обязательным для себя не считают.

В селе Сагопши задержан следователь малгобекского ГОВД И. А. Додов, у которого ввиду отсутствия разрешения на ношение оружия изъят пистолет Макарова и магазин с 8 патронами.

Там же при досмотре автомашины ВАЗ-21043, зарегистрированной на имя Б. И. Музылева, у работника отделения милиции Малгобекского района И. А. Мерхоева изъят пистолет Макарова с полным боекомплектом. Документов, подтверждающих право Мерхоева на ношение оружия, при нем не оказалось.

На следующий же день он снова был задержан на автомобиле ВАЗ-2105 без государственного номера, но вооруженный уже автоматом с двумя полностью снаряженными магазинами и опять же без соответствующих документов.

Вот и выходит: закон — общий, нравы — местные. А страдают люди.

Подполковник А. ПЕТРОВ.
Владикавказ — Москва.

ПРО СЕРВИС, СЮРПРИЗ

И ПРО НАШУ ЖИЗНЬ

(Короткие заметки с длинных маршрутов)

Профи как профи

По весне была такая история. Рядовые С. Терехин и Н. Феськов задержали на маршруте пьяного, слишком уж агрессивно настроенного против белого света в целом и прохожих в частности. Действовал этот товарищ и языком, и руками, не охладило его пыл даже появление людей в милицеейской форме. Скорее наоборот: увидев их, он вытащил взрыв-пакет и, работая на публику, крикнул: «Смотри, народ, как менты от меня драпать будут!»

Впрочем, фразу эту он, кажется, докричать не успел. А уже в РОВД дежурный, узнав, что произошло на маршруте, как бы подвел итог:

— Надо быть действительно очень пьяным, чтобы пробовать брать на испуг нашего брата.

С этого в общем-то рядового случая и начался у нас разговор с командиром батальона подполковником С. М. Абрамовым. На вопрос, почему его солдат на испуг не возьмешь, почему криминальные личности боятся, а все осталь-

ные очень уважительно относятся к воинам подразделения, носящим милицеейскую форму, и уж не сама ли форма тому причиной, Сергей Михайлович ответил:

— Стараемся быть профессионалами, вот и все. Офицер из РОВД не зря в адрес воинов «наш брат», сказал. Мы — в одной упряжке. Посмотрите, к примеру, как у нас занятия организованы...

Асы милицеейской службы — свои люди в классах для занятий. Уроки мастерства преподают личному составу специалисты уголовного розыска, омоновцы, те, кто борется с организованной преступностью, экономическими преступлениями. Воинов учат развивать память, работать по ориентировкам, познавать психологию преступников. Какковы конечные результаты такого сотрудничества? Какой город еще в наше беспокойное, разгульно-митинговое время может похвалиться тем, что здесь нет роста уличной преступности?! Не подумайте только, что все горожане паиньками стали, нет, войсковые наряды сейчас задерживают почти в два раза больше правонарушителей, чем в

прошлом году, но именно благодаря превентивным, так сказать, мерам и не растет преступность.

И еще. Почти пятьдесят процентов военнослужащих, уходящих в запас, находят работу в органах внутренних дел по месту жительства. С удовольствием их туда приглашают, потому что у батальона есть уже репутация: здесь служат профессионалы. Ну сами посудите, разве не профессионально сработали ефрейтор Сергей Быковский и рядовой Руслан Матросов в ту ночь...

Впрочем, все по порядку.

Кто третий?

Время сейчас такое, что историей о том или ином грабеже никого не удивишь. Но эта информация многих жителей все-таки не оставила равнодушными. Только вчера они ходили в магазин любоваться чайными и кофейными сервизами, которые туда поступили: хороши, да больно дороги, а сегодня на тебе — общипали воры прилавки, утащили коробки с сервизами. В РОВД на инструктажах об этом воинам вскользь говорили: мол, не ваше, конечно, дело выявлять преступников, но мало ли что. Вдруг, к примеру, кто из-под полы торговать будет блюдами да чашками, так запомните на всякий случай рисунок на посуде, которую мы ищем...

А потом были классические ночь, улица, фонарь, аптека... Дальше — квартал мрачных, темных, предназначенных на снос зданий. Таким объектам войсковые наряды уделяют особое внимание. Вот и сейчас: еще издали ефрейтор Быковский заметил, что у арки, ведущей в нежилой двор, остановились двое, начали оглядываться. Солдаты шагнули подальше от фонаря в тень, остались незамеченными, а подозрительная пара исчезла под аркой. Поскольку двор — патрульные знали это наверняка — был непроходным, то Быковский и Матросов решили подождать неизвестных прямо под аркой. Ждать пришлось недолго. Мужчины возвращались из темноты не с пустыми руками:несли объемистую коробку. Так сказать, без шума и пыли попросили их остановиться. Увидев перед собой милицию — ну только же вокруг никого не было! — мужчины явно растерялись. До такой степени, что один из них захотел даже убежать, но сдержаться в скорости с рядовым Русланом Матросовым долго не смог. И вот уже злоумышленники стоят рядышком, глядят под ноги, а под ногами та самая коробка. Что в ней?

На простой вопрос следуют слишком путанные ответы: не знаем, случайно на нее наткнулись, она у стеночки стояла, вот и взяли.

Снята упаковка — и перед глазами солдат предстала чайная посуда со знакомым рисунком.

— Значит, говорите, у стеночки? — переспросил «кладоискатель», Матросов и стал внимательно вглядываться в темноту двора. Вроде ничего подозрительного. Но вот почти на уровне с землей, там, где был вход в подвал дома, мелькнул огонек: то ли спичку кто зажег, то ли сигаретой затянулся.

— Вызываем дежурного по войсковым нарядам, Сережа, чувствую, рано нам отсюда уходить. И хорошо бы сделать так, чтобы никто другой из двора не вышел.

На запрос рации ответил капитан Виктор Алексеевич Шотин: «Еду». Короткое совещание, где все понимают друг друга с полуслова, и вот уже в перекрестье фонариков стоит на ступеньках подвала ошарашенный человек.

— Я все скажу, все. Здесь — сорок девять сервизов...

Служба и опасна, и трудна

Она действительно опасна и трудна, эта патрульно-постовая служба. Примеров тому не счесть. Вот скупые строки из рапорта:

«Рядовые А. Гусаров и В. Березкин в 22 часа 40 минут задержали на автобусной остановке гражданина, пристававшего к прохожим. Он вел себя крайне агрессивно: сквернословил, толкался. На требование воинов прекратить хулиганские действия вынул нож и нанес ножевое ранение начальнику патруля. Благодаря самоотверженным действиям рядовых А. Гусарова и В. Березкина он был обезоружен и доставлен в РОВД».

Другой случай. К патрульным рядовым С. Романенко и О. Вавилову подбежала девушка, пожаловалась: не может войти в подъезд своего дома, так как там расположилась пьяная компания. Солдаты, конечно же, пошли туда, попробовали сначала поговорить с любителями «зеленого змия», по-хорошему: надо, мол, расходиться, не причинять неудобства и неприятности жильцам. В ответ услышали мат и пожелание убираться подобру-поздорову. Особо распинался один, мужчина лет тридцати, назвавшийся самбистом-разрядником: «Линяйте быстрее, а то я вас обоих

одной левой!». Хорохорились и остальные, полезли было с кулаками на патрульных, но, быстро поняв, с кем имеют дело, разбежались. Самбист остался. «Советуем идти с нами, в противном случае будет применена физическая сила», — сказали ему. Он вроде бы согласен и покаянно закивал головой, но тут же выхватил нож и бросился на Олега Вавилова. Того спасла лишь мгновенная реакция, хотя шинель все же нападавший располосовал.

Не надо думать, что воины имеют дело лишь с теми, кто «дурит по пьяной лавочке», не всегда соображая, чем это может закончиться, не контролируя свои поступки.

Преступник совершил хладнокровное убийство, естественно, тут же покинул место преступления, но работники милиции оперативно установили его личность, и на инструктажах РОВД наши патрульные в тот же вечер познакомились со словесным портретом и фотографиями убийцы. «Скорее всего, преступник попытается покинуть город, поэтому надо быть особо внимательными на трассах, где голосуют попутным машинам, на вокзалах. И конечно же, брать его надо по возможности тихо и спокойно, чтоб от человека, которому нечего терять, не пострадали ни случайные прохожие, ни вы сами».

Легко ли воплотить в дело такие вот напутственные слова? Представьте, читатель, что именно вы выследили в толпе или столкнулись лицом к лицу с опасным преступником — как поступили бы?

Младший сержант Андрей Козлов увидел убийцу, когда тот стоял в очереди у кассы на вокзале. Подождал, пока тот взял билет, отошел с ним, билетом, в безлюдный уголок, и лишь тогда не спеша, уверенно подошел к собравшемуся в отъезд: «А мы вас ищем. Пойдемте. Да, и не надо глупить, это бесполезно, понимаете?». Тот посмотрел на воина и понял: действительно бесполезно.

Все вышеприведенные строки — об опасностях. Теперь два слова о трудностях, не житейско-социальных, а именно в служебном плане. Хотим мы того или нет, но растет профессионализм преступного мира, его представители вооружаются огнестрельным оружием, газовыми пистолетами, финками... Что у нас? Резиновые палки... Этого по теперешним временам маловато... Да и возможности переступить порог чьего-то дома, даже если там в эту минуту совершается преступление, мы тоже лишены. А ведь бывает, что от этого жизнь человеческая зависит. Так

было в конце этого лета, когда находящиеся на маршруте младшие сержанты Г. Баринов и А. Козлов услышали из окон дома крики о помощи. Естественно, вбежали на нужный этаж, естественно, забарабанили в дверь, и так же естественно, что человек, не просто избивавший, а убивавший, как он потом сам признался, свою жертву, не захотел им эту дверь открыть. Что оставалось делать? Правильно. Как говорится, вломились, скрутили подлеца, доставили куда следует... А потом гадали: взгреют или не взгреют их за превышение своих полномочий? Обошлось, наоборот даже, поощрили. Но суть-то от этого не меняется: отстают законы от жизни.

В конце главки — почти веселая история о том, как наши профессионалы задержали профессионала криминального мира. Рядовые Гамзат Магомедов и Николай Феськов получили сигнал: подвыпивший гражданин (далее следовали его приметы) только что выхватил у гражданки Куликовой кошелек с деньгами и документами и исчез в толпе, может оказаться на их маршруте.

— Не только может, но и окажется, — сказал Магомедов. — Раз шустро бегал, значит, не совсем пьян, и такому наверняка захочется свою удачную операцию обмыть в питейном заведении. Пойдем-ка к ресторану «Нерль», туда, знаю, подобные типчики тянутся...

Вора взяли у входа в ресторан. И тут воинов ждал сюрприз. На вопрос начальника патруля, где ворованный кошелек, тот выложил... три: «Все равно ведь при досмотре найдете. Да и не знаю я, какой из трех вы ищете. И как вы меня вычислили, а?»

Против «щипача», было возбуждено уголовное дело.

«Сигнал», — и в путь!

Не только городскими улицами ограничиваются маршруты воинов батальона. Они прошли горячие точки Кавказа: Баку, Карабах. Достоинство там себя проявили: командование отозвалось об их действиях с похвалой.

Этим летом подразделение снова было на выезде, на сей раз в Санкт-Петербурге, где проводилась совместная с сотрудниками УВД операция «Сигнал». Город, в последнее время захламленный преступниками, наркоманами, надо было почистить, притом основательно. Немалая нагрузка легла на наших военнослужащих, и действовали они, как говорится, выше всяких похвал. Вот лишь краткая информация об этом.

Совместно с экипажем патрульной машины РУВД командир роты старший лейтенант А. Шешунов задержал четырех грабителей, против которых возбуждено уголовное дело.

Сержант С. Чешков и рядовой (сейчас он стал ефрейтором) В. Кошелев задержали распространителей наркотиков, у которых было изъято полкилограмма зелья.

Лейтенант С. Россошанский и старшина милиции С. Воробьев застали преступника, когда тот топором вскрывал дверь чужой квартиры, и доставили его в РОВД.

Сержант С. Чешков и рядовой С. Быковский вступили в схватку с грабителем и сдали того сотрудникам милиции.

Рядовые С. Фомин и Д. Загвоздкин по ориентировке задержали граждан, которые подозревались в совершении преступления (в дальнейшем против задержанных было возбуждено уголовное дело)...

Подобные факты можно перечислять еще долго. Но операция "Сигнал", предусматривала и профилактические мероприятия. О том, как проводили их военнослужащие батальона, хочется рассказать чуть подробнее.

Старинный заброшенный особняк, бывший филиал детского дома. Видно, у руководителей города сейчас столько проблем, что им не до старинных особняков и не до бывших детдомовцев. "Бесхозные", юноши и девушки представлены самим себе, их жизнь как бы отражает жизнь нашего общества. В здании, которое то ли скоро разрушится, то ли все же оденется в строительные леса, они заняли два соседствующих крыла: в одном — играют на пианино, читают оставшиеся от библиотечного фонда книги, толкуют о стихах и политике, в другом — думают, как бы полегче добыть деньги, и сидят на "колесах" и "травке". Ребята хоть и молодые, но кое-какие азы наркожизни уже усвоили: их дозорные милицию видят издали, и вся "продукция" прячется так, что никакой "шмон", не дает результатов. Для многих здешних подростков наркотики — пока не болезнь, а еще игра, баловство. К ним идет на "посиделки", а не на "шмон", командир роты старший лейтенант Алексей Шешунов:

— Что в соседнее крыло не идете, ребята? Я только что оттуда, там веселей, там музыка, воздух чище, а вы в вонии сидите.

— Так судьба наша такая.

— Ну давайте поговорим "за судьбу"...

Профессионализм наш проявляется не только на занятиях по физической, огневой или специальной подготовке: мы и Макаренками должны быть, должны уметь говорить с людьми. Шешунов, похоже, умеет. Во всяком случае, после его бесед с подростками примерное равенство в крыльях здания было нарушено. Конечно, можно это объяснить, к примеру, так: испугались пацаны чело века в милицейской форме, вот и нашли себе другую крышу. Но ведь другой крыши никто не искал: отколовшаяся от "балдельщиков", группа перешла в соседнее помещение, ближе к стихам и музыке. У них появились сейчас шефы, с которыми тоже долго и вдумчиво беседовали работники местной милиции и наши офицеры...

Вместо эпилога

В прошлом году шумно и скандально отмечали свой праздник бывшие воины-десантники. В городском парке стычки местного значения грозили перерасти в побоище, причем "тельняхи", массировали кулаки не только на лиц сугубо гражданских, но и друг на друга. В критический момент в парк вошли воины батальона. "Да кто вы против нас, шпана?!" — этот клич, как призыв к действию, еще больше опьянил и без того нетрезвые головы недавних братьев по оружию, и те пошли в атаку...

Наверное, не стоит говорить о том, что праздник себе десантники испортили порядком. Во-первых, поняли, что нашла коса на камень, во-вторых, позорно бежали с "поля боя", а когда позор, то какое же может быть настроение?

А воины батальона не только предотвратили нежелательное ни для кого побоище, но задержали здесь же, в парке, преступника, на которого давно уже был объявлен розыск. И считали это главным своим делом.

О прошлогоднем инциденте можно было и не упоминать, если бы этим августом, опять-таки в день ВДВ, солдаты в милицейской форме не пошли в тот самый парк. Теперь там действительно был праздник. И бывшие десантники лезли обниматься к нашим патрульным — всего несколькими солдатам, обеспечивавшим там порядок, называли их не иначе как "братишки". О старом не вспоминали. К чему вспоминать?

Ходили по аллеям парка прохожие, и всем было весело...

Подполковник И. КОЗЛОВ.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ «У НИХ»

ции Си-Эс появляются мучительный кашель и рвота. Вот лишь некоторые "неприятности", с которыми сталкиваются демонстранты и бунтовщики, нарушающие законы.

Несмотря на это, считается, что при правильном его применении газ относительно безопасен. Повторяю — при правильном, ибо использование английской полицией ружья "Феррет", стреляющего капсулами с Си-Эс, нередко приводило к серьезным ранениям. Кстати, о "Феррет": это — двенадцатизарядное ружье с дальностью

Ранее мы уже рассказывали об использовании в предупреждении и пресечении массовых беспорядков специальных технических средств, находящихся на вооружении полиции ведущих стран дальнего зарубежья. Продолжим эту тему.

Газ Си-Эс вызывает сильное расстройство желудка, кожные заболевания аллергического характера, приступы бронхита и даже бронхиальную пневмонию у хроников, обильное слезотечение, спазмы век, острую боль в носоглотке и груди, что при продолжительном воздействии может сопровождаться припадками удушья. Кроме того, при высокой concentra-

ЗАСЛОН

ВООРУЖЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

стрельбы 300 метров и высокой точностью попадания (при соответствующей сноровке, разумеется). Судите сами: вероятность поражения мишени диаметром 30 сантиметров на расстоянии 50 метров — девяносто процентов. Одно существенное но: попадание из ружья с расстояния менее 80 метров смертельно.

Гидропушки можно считать ветеранами полицейской техники. Общеизвестно, что мощная струя воды обладает значительной кинетической энергией и способна не только сбить человека с ног, но и катить его по земле (в этом случае легко пораниться обломками кирпичей и осколками стекла — мало ли что валяется на местах массовых сборищ!). Особенно эффективна (и для правонарушителей опасна) пульсирующая струя воды. Каждый выстрел (или залп) из пульсирующей гидропушки — это не-

сколько литров воды. Согласитесь, довольно крупная "капля". На малом расстоянии подобная струя может причинить человеку серьезные увечья и даже смертельные ранения.

В этой группе средств силового воздействия, безусловно, заслуживает внимания передвижная гидропушка, разработанная в Израиле. Она отличается тем, что к воде примешивается газ Си-Эс (примерно один процент по весу). Дальность действия струи — от 15 до 50 метров. Рекомендуемая длительность выстрела — всего одна секунда, интервал между залпами — три секунды. О том, что эта установка достаточно мощная, свидетельствуют и следующие параметры: объем резервуара с водой (вернее, смесью) — тысяча литров, максимальная скорость потока струи — две тысячи литров в минуту. Подобный душ способен охладить даже самые горячие головы. Тем паче что даже в безветренную погоду ширина участка, подверженного действию газа Си-Эс, составляет шесть метров. Как правило, монтируется эта гидропушка в башне "броневика", имеющей угол вращения 360 градусов (практически круговой сектор обстрела). Для специалистов: максимальные углы подъема и склонения соответственно равны плюс шестьдесят и минус тридцать градусов, а водяной насос приводится в действие довольно мощным вспомогательным двигателем, что абсолютно не препятствует передвижению автомашины.

Кстати, об оснащении полицейского транспорта. На нем нередко размещают и метательные установки для гранат со слезоточивым газом (дальность действия — 100 метров), 52-мм минометы для стрельбы снарядами со слезоточивым газом на расстоянии до 400 метров и обычно четыре эжектора все того же слезоточивого газа (с четырех сторон корпуса), обеспечивающие круговую защиту на расстоянии до десяти метров. Предусмотрены система фильтрации воздуха с индивидуальными масками для экипажа, а также система гасителя, управляемая изнутри и очищающая с помощью сухого порошка участок земли впереди автомашины на расстоянии до десяти метров. Ничего не скажешь, настоящая полицейский танк.

Уже более десяти лет полиция Германии активно использует бронированный автомобиль TH-170, предназначенный для решения разнообразных задач по обеспечению внутренней безопасности, включая и такие, как эскортирование, борьба с террористами и разгон несанкционированных сборищ. В машине свободно размещаются двенадцать человек, она хорошо защищена от огня оружия калибром до 7,62 мм. При необходимости лобовое и боковые стекла прикрываются бронированными пластинами. Для контроля за окружающей обстановкой используются перископы, которые, как в подводной лодке, могут убираться в салон. Амбразуры для наблюдения и стрельбы расположены по бокам

и сзади, а широкие люки обеспечивают быструю посадку и высадку экипажа. Плюс к тому TH-170 обладает амфибийными качествами и при наличии водометного движителя передвигается по воде со скоростью до 10 км/ч (кстати, на шоссее он развивает скорость до 100 км/ч).

Для разгона участников массовых беспорядков с помощью гидропушки в автомобиле имеются тысячелитровый бак с водой и специальная емкость со слезоточивым газом, причем дальность действия газомета 20 — 50 метров, а вращение башни вправо и влево от оси — 180 градусов.

Гранаты и гранатометы — это и история и современность сразу. Из фирм, специализирующихся на выпуске таких средств, заметно выделяется французская компания "Алсетекс". Она производит разнотипные гранаты с газом Си-Эс. Ручная газовая граната содержит 150 г активного вещества. Ее винтовочный аналог выстреливается на дальность до 100 м. Есть граната, взрывающаяся при ударе. Несмотря на малое количество активного вещества (50 г), она создает эффективное газовое облако, и, как утверждают эксперты фирмы, при этом не образуются осколки, опасные для жизни.

Представляет интерес разработанный этой же фирмой специальный винтовочный патрон двенадцатого калибра, предназначенный для насильственной остановки автомобиля (!) с находящимися в нем преступниками. Пластиковая пуля пробивает ветровое или боковое стекло автомашины и выпускает в салон слезоточивый газ или красящее вещество. Сами понимаете, в такой ситуации далеко не уедешь.

Фирма выпускает и различные метательные приспособления для гранат со слезоточивым газом, которые размещаются на легковых автотранспортных средствах или просто на просто присоединяются к винтовкам (дальность стрельбы — до 200 метров). Кроме "малюток", производятся метательные устройства больших размеров, которые, конечно, монтируются на автомобилях. Одно из этих приспособлений выполнено на основе модифицированного ружья MAS36 и позволяет выстреливать шесть гранат в минуту. Другое — на базе модифицированного револьвера MR73. Наличие в нем барабана с шестью зарядами позволяет увеличить скорострельность до 12 выстрелов в минуту при дальности действия 100 — 350 метров.

Основательно заботятся об оснащении своей полиции и итальянские фирмы. Так, хорошо зарекомендовала себя при обеспечении общественного порядка в нестабильных районах шумовая оглушающая граната, отличительная особенность которой — полное отсутствие в ее конструкции металлических частей. Именно поэтому она не наносит ранений даже тем лицам, которые находятся в непосредственной близости от места взры-

ва. Взрыватель гранаты приводится в действие простым нажатием специальной кнопки, и через две с половиной секунды граната взрывается с жутким шумовым эффектом — приблизительно 155 децибел.

Пластиковые пули — явление в полицейской практике тоже далеко не новое. Уже без малого два десятилетия правоохранительные органы развитых государств применяют их вместо резиновых для подавления беспорядков. По сути, пластиковая пуля — это стомиллиметровый цилиндр из поливинилхлорида массой 135 граммов с начальной скоростью полета — 250 км/ч. Болевой эффект при попадании в человека объясняется ее большой кинетической энергией. Не стоит далеко ходить за примером: в Северной Ирландии на 55 тысяч выстрелов резиновыми пулями приходилось три смертельных исхода, а на 15 тысяч выстрелов пластиковыми — восемь. Печальная статистика, согласен. А ведь применение таких пуль приводит и к переломам конечностей, раздроблению челюсти, слепоте...

Световое ружье. Родина — Англия. Весьма действенное средство для борьбы с массовыми волнениями с использованием эффекта прерывистого светового излучения, воспринимаемого зрительным нервом на расстоянии до сорока метров. Его воздействие нередко обращает участников беспорядков в паническое бегство, а случается, вызывает и довольно болезненные ощущения. Правда, если верить разработчикам, ненадолго. Кроме того, прерывистое световое излучение нарушает обычный ритм мозга и даже может вызвать эпилептические припадки.

Конструкторы предполагали добавить к световому и звуковое устройство, дабы воздействовать и на слух участников акций. Но пока в открытой печати не проскальзывало информации о том, удалось ли им осуществить задуманное.

Об основных индивидуальных средствах защиты, таких, как пластиковые щиты и специальные шлемы, мы рассказывали в предыдущих публикациях. Теперь же поговорим о новинках. В Италии выпускается защитное покрывало, позволяющее ослабить результаты взрыва бомбы за счет гашения или отражения взрывной волны. Покрывало применяется вместе с металлической кольцевой прокладкой, представляющей собой полый цилиндр. Последний надевается на бомбу и закрывается покрывалом так, чтобы взрыв произошел в его центре.

Покрывало и цилиндр переносят и устанавливают два человека. Известно, что при испытаниях взрыв даже не повредил картонные панели, расположенные на расстоянии одного-полутора метров от бомбы.

В качестве защитного средства с успехом используются и аэрозольные распылители газа Си-Эс, в частности хорошо зарекомендовавший себя французский образец. Коли-

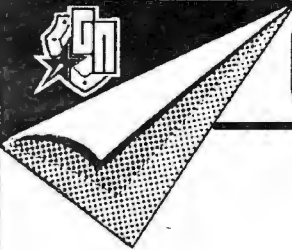
чество газа в баллоне вполне достаточно для непрерывной работы в течение 30 — 35 секунд. Есть и другие, аналогичные, но менее мощные модификации. Те же французы разработали особую систему защиты полицейских автомашин, как участвующих в подавлении беспорядков, так и перевозящих ценности. С помощью компрессора через сопла, расположенные по периметру автомобиля, выпускаются облака слезоточивого газа, эффективно действующего на расстоянии до 15 метров. Хранение распыляемого вещества осуществляется в жидкой или порошкообразной форме, что делает его безопасным для полиции в случае дорожной аварии (мало ли что?!).

В целях защиты объектов и людей от пуль и осколков, образующихся при взрывах снарядов и бомб, используются многослойные экранирующие материалы. В подавляющем большинстве они имеют сложную многослойную структуру. Как правило, один из слоев выполняется либо из неорганических волокон, например стекловолокна, либо из органических типа нейлон или кевлар. Последний широко применяется в производстве пуленепробиваемых жилетов благодаря своей высокой механической прочности: его удельная прочность в пять раз превышает аналогичный показатель для стали. Кроме того, кевлар обладает способностью поглощать значительную часть кинетической энергии пули или осколка.

Разумеется, этим не исчерпывается перечень силовых средств, используемых полицией зарубежья при подавлении массовых беспорядков. Как очевидно и то, что оснащение подразделений внутренних войск и органов внутренних дел подобными средствами, с одной стороны, повысило бы эффективность их деятельности по предупреждению и пресечению нарушений общественной безопасности, а с другой — обеспечило бы физическую защищенность военнослужащих и сотрудников.

Полковник внутренней службы
Н. МЯСОЕДОВ.

Отдел
научно-технической информации ГИЦ
МВД России.

"ЕСЛИ ОФИЦЕР НЕ СДЕЛАЕТ, ТО И НИКТО НЕ СДЕЛАЕТ"

Люди разных эпох не могут собраться вместе, поэтому публикацию, которую подготовил наш корреспондент подполковник Ю. КИСЛЫЙ, назвать редакционным "круглым столом", или беседой можно весьма условно. Но не в этом суть. Главное — мыслями о судьбах Отечества и армии, о воинском долге и офицерской чести с вами поделаются лучшие представители доблестного и славного российского воинства. Об актуальности цитат из их заметок, статей, мемуаров судите сами.

Честь имеем представить: С. Р. ВОРОНЦОВ — полковник, известный военный и политический деятель времен Екатерины II; Э. Ф. СВИДЗИНСКИЙ — генерал-лейтенант, занимал ряд командных и штабных должностей, преподавал военные дисциплины в юнкерском училище; М. И. ДРАГОМИРОВ — генерал от инфантерии, видный военный теоретик и педагог, герой Шипки, после русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. возглавил академию Генерального штаба; М. С. ГАЛКИН — полковник Генштаба, преподавал военные дисциплины в Александровском военном училище; В. А. САМОНОВ — подполковник, командовал ротой, батальоном; В. Л. РАЙКОВСКИЙ — полковник, прошел в пехотном полку путь от взводного до командира части; К. КУЗЬМИНСКИЙ — служил, как теперь принято говорить, в ротном звене, участник русско-японской войны; Д. П. ПАРСКИЙ — генерал-лейтенант, в первую мировую командовал армией; С. О. МАКАРОВ — вице-адмирал, флотоводец и ученый, в начале русско-японской войны командовал Тихоокеанской эскадрой; А. И. ДЕНИКИН — генерал, выпускник академии Генштаба, в первую мировую — начальник Железной дивизии; В. М. КУЛЬЧИЦКИЙ — ротмистр, получивший широкую известность как автор "Советов молодому офицеру", переизданных шесть раз за два года.

Имеющие разные чины и должностные ранги, отличающиеся опытом, образованием, а некоторые и политическими убеждениями (Деникин, как известно, одним из первых воинов издавна была окружена на Руси ореолом почета и уважения. Ратное дело, служение Отечеству под боевыми знаменами тесно сопрягались с такими высокими понятиями, как честь, мужество, священный долг, что во многом диктовалось уникальным историческим развитием России. Военный человек — солдат, офицер, генерал — исконно занимал на Руси особое положение охранителя и созидателя государственности и защитника подлинно народных интересов. Отсюда — и особенное отношение к служивому. Или, обращая взгляд в прошлое в поисках духовной, нравственной поддержки, мы со свойственной нам привычкой бросаться в крайности преувеличиваем роль "человека с ружьем"?)

"Армия и нация подобны дереву и почве..."

КОРРЕСПОНДЕНТ. Увы, настали времена, когда молодежи, да и не только ей, приходится напоминать то, что еще лет десять назад казалось очевидным и неоспоримым: профессия воина издавна была окружена на Руси ореолом почета и уважения. Ратное дело, служение Отечеству под боевыми знаменами тесно сопрягались с такими высокими понятиями, как честь, мужество, священный долг, что во многом диктовалось уникальным историческим развитием России. Военный человек — солдат, офицер, генерал — исконно занимал на Руси особое положение охранителя и созидателя государственности и защитника подлинно народных интересов. Отсюда — и особенное отношение к служивому. Или, обращая взгляд в прошлое в поисках духовной, нравственной поддержки, мы со свойственной нам привычкой бросаться в крайности преувеличиваем роль "человека с ружьем"?)

ВОРОНЦОВ. Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими беспокойным, трудным и опасным, то в то же время оно отличается от них неоспоримой честью и славой, ибо воин превосмогает

труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает своих сограждан, защищает их от врагов, обороняет Отечество и святыню церковь от порабощения и этим заслуживает признательность и милость государя, благодарность земляков.

ГАЛКИН. Армия — это дуб, защищающий Родину от бурь. Он распространил свои корни по всей стране и всасывает ими народные соки, этот дуб живет нацией, которую, в свою очередь, оберегает. Армия и нация подобны дереву и почве, первая прикрывает, вторая питает.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сравнительно недавно постулат о единстве армии и народа был одной из ведущих тем официальной пропаганды. И, надо сказать, тут она не лукавила. Простые люди армию любили, державные мужи ценили и воздавали ей почести. И вдруг — словно оборвалась связь времен. Умолкли медные трубы, потускнел сияющий ореол, хвала сменилась хулой, и "человек с ружьем", в одночасье — с подачи некоторых печатных изданий и народных избранников — из любимого дитяща превратился в душителя свободы и демократии, а Вооруженные Силы, внутренние войска из школы воспитания — в рассадник всех мыслимых и немислимых пороков. История повторяется?

ДЕНИКИН. Офицерство, придавленное маньчжурскими (в русско-японской войне. — Ю.К.) неудачами, тяжело переживало поход против себя и армии, открывшийся после октябрьского манифеста. Печать, в первый год после манифеста пользовавшаяся абсолютной свободой, будила страсти и рознь. Органы крайне правого направления, отождествляя себя облыжно с армейскими кругами, видели спасение страны и армии не в реформах, а в "разгоне арестантской думы", и в "возвращении розги...". Революционеры, справедливо полагая, что революция провалилась благодаря армии, продолжали работу по ее разложению. В сотрудничестве с радикальной демократией они высмеивали армию на сходках, в печати, с подмостков театров, в заседаниях земств и городов. Журналы подвергали хуле военных людей и те понятия о долге, которые им внушали на службе. Для поношения армии и подрыва в ней дисциплины были использованы не раз трибуна первых двух Государственных дум и даже речи защитников в военных судах.

Полоса безвременья вызвала в армейской среде государственно опасное явление. Неудачи войны и отношение общества и печати к офицерству поколебали во многих офицерах веру в свое призвание. И начался "исход", продолжавшийся примерно до 1910 года и приведший к некомплекту в офицерском составе армии до 20 процентов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Тогда Россия понятия не имела о так называемом дефиците призывного контингента. А ныне... Антиармейские проповеди, обвальная пацификация (перекуем все мечи на орала!) породили в головах многих сограждан мысль о неужности и даже вредности военной службы. В результате в одних только внутренних войсках все больше и больше, так сказать, вакантных боевых постов. А поговорить с отцами-командирами о настроениях, царящих в среде "героев нашего времени", — слезы!

СВИДЗИНСКИЙ. Армия — живое тело, постоянно обновляющееся притоком народных

элементов; она не представляет кастовой замкнутости. Все сословия равно призваны нести бремя военной службы, всем же равно открыта дорога подвизаться на поприще этой службы.

ГАЛКИН. Горе стране, если, уходя со службы, солдат выносит отвращение к солдатским рядам вместо возбуждения или закрепления здорового, героического духа и с ужасом думает о том времени, когда ему снова придется вступать в эти ряды.

Армия — это громадный резервуар, куда собираются на время живые воды страны. Какими они выходят? Такими же, какими вошли? Более очищенными? Увы... Часто загрязненными. Если резервуар так неисправно выполняет свою работу, то не следует бояться сказать, что он плохо устроен. Надо найти средство превратить его в фильтр, который бы нес очистительную работу.

САМОНОВ. Надо откровенно сознаться, что наш солдат мало любит военное дело, тяготеет им и почти вовсе не интересуется своей профессией. В самой службе он видит только одну тягость — муштру и, когда уходит в запас, буйно выражает свою радость криком, свистом и пьяным разгулом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Поневоле приходят на ум слова библейского скептика: "Все возвращается на круги своя, и нет ничего нового под солнцем". Но было бы в высшей степени несправедливо учинять спрос за армейские проблемы и беды только с тех, кто несет нелегкий крест служения Отечеству. Армия — сколок общества, отражающий в концентрированном виде его лучшие и худшие стороны. И в такой же мере, в какой вооруженные силы, войска правопорядка отвечают за защиту государства, общества, граждан, последние, в свою очередь, несут ответственность за качество армейских рядов. К нашему стыду, эту ответственность сегодня слабо осознают даже передовые круги интеллигенции, считающие себя мозгом и совестью иаиии.

ГАЛКИН. Каковы взаимоотношения армии и интеллигентных слоев нашего общества? Последним не хватает познания своей армии. Они мало осведомлены о нашей вооруженной силе, мало ее знают; отсюда налицо равнодушие, а кому нужно — даже пренебрежение. Мало знаний, неоткуда появиться и уважению к армии; нет уважения, нет и не может быть любви к ней. Лучшим доказательством отсутствия у интеллигенции познания армии служит работа нашей Государственной думы по военным вопросам. То, что пришлось слышать и читать по этому поводу, было настолько бледно, несодержательно и основано очень часто на таком, сомнительного достоинства, материале, что производило удручающее впечатление.

Если бы нашим гражданам, хотя бы кратко, были сообщаемы основы быта и службы армии, это много бы помогло пробудить их сознание, направить его в сторону чистого патриотизма. Семена веры в свою армию упали бы не на бесплодную почву, а принесли бы с собой богатую жатву в виде познания своей родной вооруженной силы, а отсюда один шаг до уважения ее и любви.

Германия, Франция, Австрия, Япония давно познали всю необходимость сближения воина и пахаря; они работают не покладая рук в этом направлении, идя навстречу новым условиям жизни современных армий. И с грустью приходится констатировать, что

Россия идет в хвосте и даже не вступила на этот путь, который властно указала жизнь.

В современные дни наша интеллигенция так много требует от армии, а что она дает взамен? Пренебрежение, равнодушные, порой — даже неприязнь. Спрос и предложение в этом отношении представляют неразрушимую пропорцию. Идеал сильной духом, мощной мозгом и телом армии может быть выражен формулой "народ, отдавая своих сынов в армию железными, мечтает вернуть их обратно стальными...". Идеал этот недостижим при тех отношениях, которые существуют между интеллигенцией и армией, при почти полном отсутствии "познания армии", со стороны всех общественных слоев. И одна из крупнейших и благороднейших задач лучших русских людей и заключается в устранении изложенных неблагоприятных данных.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Однако при полном отсутствии "познания армии", многие представители интеллигенции разных политических направлений мечтают привлечь Вооруженные Силы и внутренние войска на свою сторону, втянуть их в политические игры.

КУЛЬЧИЦКИЙ. Первая и главная обязанность солдата — это верность Государю Императору и Отечеству. Без этого качества он негоден для военной службы... поэтому не твое дело впутываться в социальные вопросы и политические умствования; твое дело неуклонно исполнять свои обязанности. Ставь выше всего славу Русской армии.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что же нужно сделать для умножения этой славы, возбуждения всенародной любви к защитникам Отечества?

ГАЛКИН. На первом плане должна быть работа семьи. Немислимо продолжать вести первые шаги воспитания, как это делает большинство матерей. Русская мать должна привить своему ребенку любовь к Родине; она должна показать сыну своему ясно и наглядно, что русский солдат не враг Родине, что трудами его создана современная географическая карта России, что много пота и крови ушло на собиране земли русской, что русский героизм имеет за собой такие блестящие страницы, перед которыми умиляются и преклоняются со слезами уважения и любви. Раз в семье будут брошены такие семена, могучее дерево вырастить не трудно. К глубочайшему нашему несчастью, наши русские семьи в этом отношении далеки от идеала; под влиянием политического сумбура последних дней семья пошатнулась, появились признаки всеобщего отрицания и критицизма, и армия, та армия, которая стройна и могущественна, которая не дала расшатать громаду-Россию, та армия главным образом и подверглась порицанию. Я не проповедаю всеобщей милитаризации, но нужно признать, что работа в семье, в смысле познания армии, уважения, любви к ней, дает в настоящее время не положительные, а отрицательные результаты. И так дальше продолжаться не может, если мы хотим действительной, а не призрачной мощи нашей Родины.

Откуда же взяться "познанию армии", когда вся система воспитания и образования этому не помогает, а препятствует?

Что же после того удивляться, что ходячее мнение об армии в обществе: "они там занимаются шагистикой и ружистикой", — и больше ничего. Грустное и безотрадное явление.

Я ни одним словом не обмолвился о подго-

товке молодежи к военной службе, потому что считаю, что пока в сознании каждого, стоящего наверху и внизу, безразлично на какой ступени общественного служения, не будет ясного, точного, любовного отношения к своему русскому штыку, до тех пор вопрос о предварительной подготовке молодежи к военной службе будет висеть на воздухе.

Государство, как вообще всякое духовное единство, предполагает гармонию и равновесие всех сторон душевной деятельности — воли, чувства и познания. Роль государственного разума выполняют законодатели или правители. А волевую энергию государства представляет особый класс государственных стражей, защитников и охранителей. Там, где равновесие между мозгом, волею и чувством нарушено, там государство идет не вперед, а назад. Волевая энергия государства, то есть армия, для многих общественных слоев еще темна.

“Офицер

НЕ ВОИНСКИЙ ЧИН ТОЛЬКО, НО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ”

КОРРЕСПОНДЕНТ. Если гора не идет к Магомету — Магомет идет к горе. Другими словами: коль общество и его лидеры медлят с "познанием армии", организацией высококачественной подготовки призывников к военной службе, передовые представители Вооруженных Сил призваны сами позаботиться о том, чтобы войско превратилось в "фильтр, который бы не очистиительную работу". Или снова будем уповать на "барина"?

ДРАГОМИРОВ. Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников, обучение усложнилось до того, что делавшееся прежде годами теперь нужно послепать делать месяцами, иногда днями. При таком положении верно одно: если офицер не сделает, то и никто не сделает.

Да, в наше время офицер не только военный чин, но нечто большее: он общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть, и не последнюю, роль в народном воспитании. Человеку, прослужившему под его руководством и возвратившемуся в среду народа, придается и там привычка исполнительности, точности, порядка, одним словом, дисциплины; и не лишим словом помянет за них тот человек своего руководителя. Те, которые думают, что дисциплина нужна только в военной службе, сильно ошибаются; и жаль того народа, который ею не проникнут. Разница между военной и гражданской дисциплиной в силе напряжения, но не в духе или основе ее.

Такой взгляд на дисциплину в общественном строе и на усвоение ее при помощи войска многим, вероятно, покажется странным, но не в силу существа дела, а в силу недоразумений и предубеждений. Этим многим воинская дисциплина рисуется до сих пор так, как будто она столь же полно обязывает одних, сколь развязывает других; будто она все еще проявляется во всеоружии безграничного произвола, то есть именно того, что уже давно признано не охранительной силой дисциплины, а разрушающей к ней

применению. Этим многим, судящим под впечатлением прежних порядков, не известно, что дисциплина стала силой, столь же обязывающей, сколь и обезпечивающей от неправых посягательств; сколь и сдерживающей произвол. Повторяем: офицер не воинский чин только, но и общественный деятель; армия не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной.

Велика и почтенна роль офицера, понимаемая таким образом, и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: "Много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от того не стали лучше. Ни одного я не сделал негодяем; ни одного не заморил бесполезной работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам. Все привыкли подчиняться свою волю достижению одной общей цели по сознанию долга, а не из-под палки."

РАЙКОВСКИЙ. Мы должны совершить великую миссию, ибо каждый молодой человек, прошедший через ряды армии, должен вернуться в свою прежнюю среду физически, духовно, нравственно и умственно обновленным и с таким багажом положительных знаний и практических данных, которые могут быть использованы во всяком деле, во всяком ремесле, во всякой деятельности и во всякой профессии, так как все, приобретаемое в военной службе, обновляет дух, облагораживает душу, сердце и укрепляет весь организм человека.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Отвечал ли офицерский корпус царской России в полной мере высоким требованиям времени, мог ли достойно выполнять свое общественное предназначение? Вспомним "Поединок, Куприна. "За исключением некоторых честолюбцев и карьеристов все офицеры несли службу как принудительную, неприятную, опротивевшую барщину, томая ее и не любя ее... Ротные командиры... погруженные в домашние дрязги... придавленные жестокой бедностью и жизнью сверх средств, кричали под бременем непомерных расходов и векселей..."

Таким образом, офицерам даже некогда было серьезно относиться к своим обязанностям..."

ДЕНИКИН. Среди служилых людей с давних пор не было элемента, настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство.

Детство мое прошло под знаком большой нужды. Отец, прослуживший в армии 35 лет и вышедший в отставку с чином майора, получал пенсию 36 рублей в месяц. На эти средства должны были существовать первые семь лет пятеро из нас.

Пенсии, конечно, не хватало. Каждый месяц, перед получкой, отцу приходилось "подзаять", у знакомых 5 — 10 рублей. Для него эти займы были мукой; бывало, два дня собираются, пока пойдет.

САМОНОВ. Из-за неправильного развития армии еще задолго до войны начался массовый уход офицеров из строя. Каждый офицер, служа в строю, неудержимо стремится или уйти вовсе от службы, или перейти на военно-административную должность, где служба покойнее, содержание более. Все это привело к тому, что в критический мо-

мент японской войны армия осталась без офицеров и в силу тяжелой необходимости ряды ее заполнялись неподготовленным элементом запасных офицеров и прапорщиков. Причина подобного явления заключается главным образом в крайне тяжелом материальном положении службы в строю.

Молодой офицер, прибывающий в часть, открыт самыми лучшими намерениями служить и трудиться на благо армии и Родины, но, к несчастью, с первых же шагов службы он наталкивается на сухой формализм и полное отсутствие живого военного дела. Командиры частей, батальонов и рот 3/4 времени заняты хозяйством, отчетностью, а не воспитанием и образованием солдат для боя по современным требованиям военной науки. Таким образом, служба в строю потеряла свою привлекательность и стала достоянием идеалистов или неудачников, ибо все живое, талантливое уходило из строя, видя полную необеспеченность.

К несчастью, наш офицер, материально угнетенный и павший духом, конечно, не может владеть солдатским сердцем, когда он сам тяготится своим положением.

Офицеры нашей армии, влачащие печальное существование, ожидающие 20 числа, представляют из себя в массе блестящую нищету и, конечно, несомненно приносят мало пользы войску и Отечеству, которое они призваны защищать своей грудью.

Упадок в офицерах духа воинственности и горячего патриотизма привел нашу армию к чувству апатии, нелюби к своей профессии и обратил офицера в военного чиновника, робкого, вялого, без инициативы и с большим страхом ответственности. Постоянное безденежье гнетет офицерство, отсюда долги, уныние, стремление к картам, вину. Старого полкового товарищества в полках уже нет. Все как от чумы разбегаются от родного знамени, которому присягают.

"Наше дело не ремесло..."

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но только ли материальная нужда подтачивала офицерский корпус?

ГАЛКИН. Значительная доля вины падает на нашу военную школу. Она не дает офицеров нужного типа. Школа далека от армии и не соединена, а разъединена с ней. Школа и армия не идут рука об руку, первая вечно опаздывает и никогда не в курсе современных требований, предъявляемых бытом и службой войск, которые прогрессируют с головокружительной быстротой, школа же движется по пути усовершенствования медленнее.

В военно-учебных заведениях подготовка нравственной стороны обязанностей офицера занимает очень мало места. Все внимание обращено на ремесло, на техническую сторону, на науки. До последних дней даже идея о необходимости готовить военную молодежь к роли воспитателя отсутствовала.

Будущий офицер, не зная, что часть его обязанностей состоит в развитии ума и сердца подчиненных, сам не готовился к исполнению задачи, к которой не был подготовлен своими начальниками и учителями.

КУЗЬМИНСКИЙ. Мы приходили в роту, продельвали все то, что полагалось по расписанию, но без всякой любви к делу. Мы уподобились чиновникам, которые, отсидев положенное время в канцелярии, бросают

перья и спешат домой. Откровенно говоря, нам никто не препятствовал заниматься делом как следует. Но в нас самих гнездилась причина столь формального отношения к делу. В нас не было того, что называется идеей. Уча солдат ружейным приемам или словесности, мы не задавались вопросом, к чему, зачем это. Мы учили этому, потому что так требовалось расписанием. А известно, что человек, у которого нет определенного мирозерцания, известной одухотворяющей идеи, никогда не станет с любовью заниматься своим делом. Без любви же всякое дело будет казаться ненужным, скучным, так как только любовью всякое дело согревается.

Вот таким-то образом многим из нас пришлось владеть свое существование до войны с японцами. Получив приказ ехать на Дальний Восток, многие из нас и в этот момент не пробудились от серенькой будничной жизни. Ехали без всякой охоты, не вникая в то, что Россия переживает важный момент. Вот тут-то и сказалось то ужасное явление, которое лишило нас победы над врагом. Это — безыдейность. . . Где тут могла зародиться мысль о героическом поступке, когда никто в мирное время не развивал в себе величия духа.

САМОНОВ. Мы видим отсутствие в корпусе офицеров руководящих военных идей, которые бы сплачивали их в одну железную массу с патриотизмом и горячей любовью к своему делу. Но для того, чтобы воскресить их энергию и поднять духовные военные силы, необходимо прежде всего офицера приблизить к строю, поднять его дух и материально обеспечить. Тогда он сам примется за военное дело, бодрый, веселый, и гордо подымет голову и с радостью отдаст свою жизнь за дорогое Отечество.

РАЙКОВСКИЙ. Наше дело не ремесло и не профессия, так как мы, кроме массы общих и специальных знаний, умственного развития, физического, нравственного и духовного совершенства, вносим и должны вносить в наше дело такой элемент, который нельзя учесть, элемент этот — сознательное, а не случайное самоотречение и самопожертвование собою без страха и сожаления. Ни одно ремесло, никакие обязанности и никакая профессия не могут поэтому быть сравнимы с нашим высоким, священным делом, нашей службой и нашей деятельностью. Это целая идея, а идею и служение ей нельзя заменять на какие-нибудь ценности и благополучия, сопутствующие иной работе и другому делу. Мало того, что в нас живет и поглощает наше "я", эта идея, мы во имя этой идеи лучшие чувства, мысли должны привить контингенту, поступающему в ряды армии на ее пополнение.

Поэтому избирающие военную службу для карьеры или материального обеспечения — это грубое заблуждение и глубокое оскорбление основ военной службы и ее жизненного дела, офицерского труда, офицерского звания и достоинства. Совершенно справедливо мнение, которое следует возвести на степень догмата, что военной карьере и службе посвящают себя, а не избирают это дело так же, как рабочий ищет и обеспечивает себя каким-нибудь трудом во имя того, что жить и питаться нужно. Нет! Только тот достоин носить высокое звание офицера, кто при наличии полной преданности военному делу любит его всеми фибрами своей души и в чьем сердце горит тот священный огонь, который способен двинуть на великие подвиги

верующего в свое дело и назначение человека. Не безвольным людям, больным душой, ищущим покойной жизни и жирных окладов, место в рядах командного состава армии; здесь нужны деятели и люди высшего порядка, типы душевного развития. Не спору, что требование это очень сурово, но не я сгустил краски, характеризую предъявляемые офицеру требования, ибо служебный долг, сознание священной миссии, исполняемой офицером, очень высоко и весьма почетно. Вполне справедливо, что похоже на фанатизм, но без этого фанатизма немислима офицерская работа, так же как офицерское звание и достоинство.

Нельзя поэтому избирать себе военную карьеру во имя необходимости жить и питаться — это не благородно. Военной службе посвящают себя, отдавая ей все, в лучшем и самом высоком значении этого слова. Семейные добродетели зачастую искусственно заглушают проявление в юношах этого благородного чувства, порыва и стремления к достижению офицерского звания, ссылаясь главным образом на материальную необеспеченность и рисуя детскому воображению всякие благополучия при достижении звания инженера, доктора, юриста, наконец, чиновника.

Самое лучшее, когда еще в детстве, рядом с первоначальным воспитанием и обучением, прививают и внушают ребенку уважение к военной силе, к армии, к ее офицерам. Тогда понятно, что подвиги великих отечественных полководцев, запечатлевая в воображении детей мощь и кротость духа, силу воли, непоколебимый характер, бесстрашие, удаль и храбрость, пробуждают в них лучшие качества, во всяком случае лучше тех высоких гражданских добродетелей, которые клонятся к тому, что только жирный оклад и покойное существование составляют цель жизни. . .

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не могу удержаться от желания привести в развитие сказанного одну цитату. "Воспитание благородного юношества есть первейшее и наилучшее средство к заведению хороших офицеров, — писал «Военный журнал» в 1811 году. — Ребенок не слышит никогда про Отечество и, пока живет дома, едва ли знает, что значит сие священное слово. . . Отечество должно быть для него святее всего на свете, все воспитание его должно клониться к тому, чтоб его сделать не только годным, но и отличным слугою своим согражданам. . . Без любезных государству обойтись может, а без сынов Отечества — никогда".

РАЙКОВСКИЙ. Когда такое стремящееся к идеалу воспитание духа и ума гармонирует с физическим развитием, то впоследствии получается ценный материал для будущих военных, тогда только армия патриотична, национальна и способна сознательно перед Отечеством выполнить свой долг и назначение.

Нет, не жирные оклады и личное благополучие материального характера должны нами двигать и руководить, а идейное служение делу, патриотизм чистой воды, офицерская доблесть, честь с присущей скромностью должны быть у нас вне всякого сомнения. Не спору, что обеспечить потерянное на службе здоровье и силы нужно и что нужно на службе дать столько, чтобы жизнь была обставлена прилично, очень чисто и плотно и

щеголевато, но и только. Скромность — удел рыцаря и офицера.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Уверен, большинство офицеров и ныне охотно подпишутся под этими словами. А самые любознательные не преминут поинтересоваться: какие организационные меры в офицерской среде, исходя из опыта русской армии, помогли бы поднять духовные военные силы?

СВИДЗИНСКИЙ. Сплочение общества, создание прочных общественных отношений и поддержание нравственной связи, основанной на взаимной солидарности в стремлении к общим целям, необходимо для процветания военного дела, а отсутствие таких отношений порождает легкое отношение к военному званию и доморощенный либерализм. Только в тесно сплоченном обществе может явиться общая любовь и преданность к военному делу, выработаться общее понятие о чести и достоинстве военного звания и явиться солидарность между отдельными членами. Только прочная корпорация может связать прибывающую молодежь со старослужащими; без существования корпоративного начала каждый из молодых офицеров, не видя перед собой определенных общих взглядов на личные отношения каждого военного ко всему военному обществу, вырабатывает свои собственные понятия о доблести военного звания и чести мундира.

Понятно, какую важность представляют для военного сословия такие учреждения, которые связали бы общество в одно целое, в которых были бы заинтересованы все военные и которые дали бы возможность сгруппировать духовные интересы военнослужащих. Такими учреждениями, бесспорно, являются военные собрания.

Разумно введенные военные собрания, доставляя офицерам возможность группироваться для совместных развлечений, бесспорно, повлияют на развитие товарищества, а также на сплочение военных между собою и на вселение в них любви к военному званию.

“Главный фундамент — чувство патриотизма”

КОРРЕСПОНДЕНТ. “Если не офицер, то кто же?.. И потому, видимо, целесообразно сделать акцент на его миссии воспитателя, духовного наставника солдат. В эпоху кризиса царизма остро ощущался дефицит идейности. После распада СССР, развала единых Вооруженных Сил и внутренних войск также образовался духовный вакуум. Не сумеют его заполнить офицеры, так и будет солдат тяготиться службой, исполнять свой долг как обузу. Какие же уроки извлечь из прошлого, чтобы вдохновить солдатские сердца, пробудить у юношей, призванных в войска, любовь к военному делу? В чем причина того, что солдат старой русской армии покидал строй, не проинкшись уважением к боевой профессии?”

САМОНОВ. Причин много, но главная — это устаревшие основы его воспитания и обучения. Во время его новобранчества ему не дают главного фундамента — чувства патриотизма и основных понятий о государстве и армии, между тем с этого бы и надо было начинать. Тогда он своим простым здравым

смыслом понял бы, что государство не может существовать без воинской силы и что долг каждого гражданина — быть хорошим воином и уметь храбро защищать родное государство.

Наша армия сейчас должна переживать знаменательный момент реформ и создания крепкой военной силы, для которой случайности в будущем не имели бы места. Нам, офицерам, предстоит огромная работа создать эту обновленную армию, но в основу всей этой колоссальной и серьезной работы мы, офицеры, должны положить главным образом развитие в солдате чувства воинской чести и высокого долга служения Родине на старых, забытых истинах, которыми были одухотворены все победы Петра I, Суворова и Скобелева...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Добавлю: и полководцев времен Великой Отечественной войны.

САМОНОВ. Фундамент этот стар, как мир, и истины его вечны и неизменны: его вы найдете и в организации легионов Цезаря, полках Наполеона, Суворова, но он, как утраченный секрет, по какой-то роковой случайности забыт нами. Но мы должны его, этот дух, воскресить, одухотворить его своей творческой работой и влить в солдатские головы и души самоотверженный патриотизм.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не хлебом единым жив человек, военный — тем паче. И все же, заботясь о воинском, нравственном воспитании бойца, нельзя упускать из виду такой важный момент, как материальное стимулирование его совершенствования на ратном поприще. Нынче у нас этому вопросу придается важное значение. Повышено денежное содержание воинам, несущим полную опасность службу в горячих точках. За ранения предусмотрено материальная компенсация. А некоторые офицеры предлагают премировать военнослужащего за отличное выполнение 100, 150, 200 и более боевых задач в караулах и войсковых нарядах. Какого мнения по этому вопросу придерживались раньше?

МАКАРОВ. Денежное вознаграждение военных чинов за совершаемые ими военные заслуги не подходит к духу русского воинства. Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу. Отучать его от этих правил — значит подкапывать тот принцип, на котором зиждится вся доблесть русского солдата. Тот, на кого в военное время могут влиять деньги, не достоин чести носить мундир. Соразмерять заслуги людей дробными расчетами рублей и копеек неправильно и даже оскорбительно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что ж, есть повод для полемики. Сошлюсь на красноречивый исторический эпизод. После сражения при взятии Бухареста в 1806 году генерал Милорадович увидел сильно изрубленного солдата гусарского полка. Спросил: “Сколько у тебя ран?.. — “Семнадцать, ваше превосходительство!.. Милорадович тотчас отсчитал гусару семнадцать червонцев из своего кошелька...”

КУЗЬМИНСКИЙ. Давно признано, что только тот может всею душой любить свою Родину, защищать ее до последней капли

крови, кто знает ее прошлое, кто сроднился с этим прошлым. Как же воспитать солдата в духе любви к Родине, если вы не сумеете его убедить в собственной любви, если не сумеете его заставить проникнуться уважением ко всему родному. А этого можно достигнуть изучением прошлого и настоящего своей Родины. Этим и только этим вы воспитаете и в себе, и в своих подчиненных мощь духа, нравственную силу, которая всегда была выше силы физической.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Хороший узелок на память нынешним организаторам общественно-государственной подготовки в войсках.

ПАРСКИЙ. Какие меры могут обусловить подъем духа наших войск? Главнейшими в этом отношении надо считать: установление возможной ко всем справедливости и законности; уничтожение произвола; поднятие личности, звания и ограждение прав каждого военнослужащего, и в особенности младшего состава армии; укрепление дисциплины, понятия о служебном долге, а также патриотизма, национального сознания. Наконец, борьба с пропагандой, направленной против армии, поддержание в войсках их боевых традиций, развитие товарищества в частях и устранение всего того, что ведет к розни и обособлению, в особенности между офицером и солдатом.

ДРАГОМИРОВ. Начало товарищества составляет внутреннюю основу военного дела, так как оно основа и воинского организма. "Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают", — вот первая воинская заповедь.

ГАЛКИН. Офицер-воспитатель должен стать старшим братом солдата. Братство всегда являлось одним из прочных стимулов внутренней связи между начальниками и подчиненными. Братья, братцы, друзья, родные — эти слова давно вошли в плоть и кровь солдатскую и со времени появления вооруженной силы всегда были при постоянном обращении офицеров к нижним чинам.

"Братья и дружина", — обращались первые русские князья к своему войску. "Братцы, ребята, друзья", — обращаются к ним начальники ныне.

"Военная реформа должна быть глубокой по существу"

ПАРСКИЙ. Но в армии, при нынешних сроках ее службы и развитии антивоенных тенденций, нелегко поддерживать традиции и дух на желательной высоте. Помочь ей должно государство путем принятия мер общего значения.

Нельзя себе представить, чтобы в то время, как страна получила реформу, которая глубоко отражается и отразится еще более на всем ее укладе, один лишь военный мир остался бы неподвижным; современная армия — тот же народ, и очевидно, что и мы, военные, не можем не сообразоваться с реформами общегосударственного значения. Поэтому необходима реформа и нашего военного уклада...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Военная реформа, что называется, пошла. И если говорить об общих принципах, слагаемых успеха, то, несомненно, опыт военных реформа-

торов минувших эпох может и нам пригодиться.

ПАРСКИЙ. Военная реформа должна быть глубокой по существу, то есть затрагивать все важнейшие стороны нашей жизни и службы. Но этого мало: она должна быть вместе с тем и цельной, не ограничиваться частичной и случайной работой, а проводиться в стройной системе, по заранее выработанной программе, охватывая собою все стороны военной жизни в мере их относительной важности.

Необходимо проникнуться сознанием, что нужны именно коренные и цельные реформы; мы переживаем время не только незаурядное, но даже критическое, а потому и не можем продолжать жить прежнюю жизнью; нужны не обыкновенные меры и не обыкновенная работа, а исключительное напряжение и исключительные люди. Застой и слепота в теперешней обстановке были бы равносильны наложению рук на самих себя.

Реформы могут быть осуществлены не сразу, а только в течение известного времени, и притом в определенной последовательности.

Конечно, среди материальных реформ есть такие, которые могут быть осуществлены сравнительно быстро; например, увеличение содержания чинам армии, изменения в программах известных предметов, проходимых в военно-учебных заведениях, в некоторых уставах. Реформы организационные требуют уже гораздо большего времени. Что же касается духовной стороны реформ и изменения установившегося издавна уклада армии, то учесть заранее необходимое для этого время совершенно невозможно; надо думать, что это может явиться лишь результатом весьма продолжительной работы, и притом не одного или нескольких лиц, а целого и даже, быть может, нескольких поколений, при непременном условии настойчивого преследования идей, положенных в основу реформы, а также — системы и преемственности в работе, к чему мы так мало склонны вообще.

Нельзя сказать, что инициатива в деле реформ исходила у нас всегда сверху, и последнее время является в этом отношении весьма характерным. Однако невозможно допустить, чтобы инициатива хотя бы и временно ускользала из рук высшего управления армией; последнему надо взять почин в свои руки и, став во главе дела, твердо и определенно вести его вперед; надо показать, чтобы всем и каждому стало ясно, что реформы даются не под натиском угроз и криков толпы, не под влиянием худших элементов армии, а по доброй воле, в полном сознании долга, необходимости и ожидаемой от них пользы; это в высшей степени важно, так как несомненно является источником доверия к верхам и повлияет на уменьшение недовольства в армии.

Кроме того, необходима большая живость, отзывчивость высшего управления к заявлениям и работе местных войсковых органов, и в особенности к тем из них, которые связаны с боевой подготовкой войск. Это имеет большое значение в смысле подъема духа и производительности работ, так как поселит в армии уверенность в том, что наверху всякое живое начинание будет встречено сочувственно и что, следовательно, ни одна заслуживающая внимания работа не пропадет даром, как это часто бывало и бывает до сих пор.

ЖАНДАРМСКИЙ КОРПУС РОССИИ

В СЕМИДЕСЯТЫЕ годы прошлого века основной заботой жандармов было противодействие террористической деятельности партии "Народная воля".

Потерпев неудачу в попытках "революционизировать" Россию путем "хождения в народ", народовольцы сделали ставку на политический террор.

Одним из главных объектов народovolьческого террора стал Александр II. Всего около десятка раз совершались покушения на жизнь государя-реформатора.

Охрана российского самодержца становится теперь одной из многочисленных обязанностей жандармов. Происходит совершенствование системы личной охранной стражи царя, во главе ее ставится жандармский офицер.

Но деятельность корпуса жандармов в новых условиях все же оставляла желать лучшего. В августе 1878 года от рук террористов погибает сам шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцов. А в феврале 1880 года народovolьцу С. Халтурину удалось даже проникнуть в Зимний дворец и заложить бомбу под царской столовой. От взрыва погибло несколько караульных дворцовой охраны.

Взрыв в Зимнем дворце потряс всю Россию. Перед чудом уцелевшим императором вплотную встает теперь проблема поиска более эффективных мер борьбы с революционной пропагандой и терроризмом.

12 февраля Александр II учреждает Верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Возглавил ее бывший харьковский генерал-губернатор граф М. Т. Лорис-Меликов.

Полномочия председателя комиссии были огромны. Он координировал действия полицейских органов Министерства внутренних дел, чиновников Третьего отделения, корпуса жандармов, судебных органов и пр. Впоследствии Лорис-Меликов признавал, что "ни один временщик — ни Меньшиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имел такой всеобъемлющей власти".

Несмотря на многочисленные случаи покушений и убийств государственных деятелей, сам глава Верховной комиссии пренебрегал опасностью и не имел личной охраны. Этим и воспользовались террористы. 20 февраля 1880 года молодой человек "без определен-

ных занятий" (им оказался ранее высланный из Петербурга Игнатий Молодецкий) на улице подошел к графу почти вплотную и выстрелил из револьвера. Но из-за неумения владеть оружием террорист промахнулся. Как писал один из очевидцев покушения, "граф, ни на секунду не теряя присутствия духа... схватил преступника". Через три дня террориста, приговоренного судом к смертной казни, повесили. Но это не охладило горячие головы борцов за "народную волю"...

Газеты всячески иронизировали над полицией: если уж беспрепятственно покушаются на первых лиц государства, то что ожидает простых людей?

М. Т. Лорис-Меликов выступил с предложением передать политическую полицию и корпус жандармов под единое начало — в состав Министерства внутренних дел. 6 августа 1880 года Третье отделение и Верховная распорядительная комиссия упраздняются. Министром внутренних дел назначается генерал-адъютант Лорис-Меликов, ставший одновременно и шефом жандармов. Осуществляя "высшее направление всех по государственным преступлениям дел", новый министр одновременно требует от подчиненных смелости и решительности в борьбе с терроризмом.

Личность Лорис-Меликова заслуживает того, чтобы на некоторых страницах его биографии остановиться подробнее. Заняв пост министра внутренних дел, он стал первым в истории шефом жандармов в этой должности.

... Родился Михаил Тариелович в 1825 году в семье преуспевающего торговца. Его отец принадлежал к старинному, но обедневшему княжескому роду. Страсть к чтению и полное пренебрежение к коммерции определили судьбу Михаила: его отправляют на учебу в Москву, в институт восточных языков. Но "полудикий", нрав не позволяет новоиспеченному "студизосу" продолжить учение. Вскоре его изгоняют из института за плохое поведение.

Михаил едет в Санкт-Петербург и поступает в школу гвардейских прапорщиков. Здесь одним из его закадычных друзей становится юнкер Николай Некрасов, будущий поэт и кумир революционной молодежи. Ирония судьбы: поэт-демократ и первый полицейский Российской империи в юности закадычные друзья-собутельники на молодежных ве-

черинках и товарищеских попойках. Однако после учебы их пути разошлись навсегда.

В 1847 году Лорис-Меликов назначается «состоять для особых поручений», при императорском наместнике и командующем Отдельным кавказским корпусом графе М. С. Воронцове. Служба в непосредственном подчинении у видного государственного и военного деятеля стала для молодого офицера настоящей школой жизни.

Граф М. Т. Лорис-Меликов.

К началу русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. М. Т. Лорис-Меликов уже генерал от кавалерии и командующий Отдельным кавказским корпусом. Под его непосредственным руководством русские войска штурмом овладели важнейшей турецкой крепостью Карс. Потом пал Эрзурум. За успешное проведение боевых операций Михаил Тариелович получил орден Св. Владимира 1-й степени, а по окончании войны возведен в графское достоинство. Его называли «героем Карса и Эрзурума».

Заняв пост министра внутренних дел, Лорис-Меликов выдвинул программу либерализации политического режима, реформирования полицейских и тюремных структур. В этом Михаил Тариелович находил полную поддержку Александра II. Но...

1 марта 1881 года царевичам удалось таки завершить свои многолетние попытки покончить с российским самодержцем. Взрывом бомбы, брошенной в царя террористом Гриневецким, было убито и ранено восемнадцать человек. Среди них оказались и случайные прохожие.

Уже на следующий день, 2 марта, министр внутренних дел подает прошение об отставке. Мотивирует он свой поступок тем, что «не уберег государя». Новый император Александр III отставку не принимает, заявляя, что в подобной ситуации «никто бы не уберег». И все-таки спустя месяц Лорис-Меликов покидает этот пост...

После сугубо военного человека министрами внутренних дел назначаются в основном люди штатские. Но командовать Отдельным

корпусом жандармов должен был все же человек с армейской практикой.

25 июня 1882 года «высочайшим, указом учреждается должность — товарищ (заместитель) министра внутренних дел с возложением обязанностей командира жандармского корпуса. Как оговаривалось в указе, новая должность вводилась «для облегчения многосложных обязанностей», очередного министра внутренних дел действительного тайного советника Д. А. Толстого.

За министром сохранялось звание шефа жандармов, обязывавшее его осуществлять «высший надзор за точным исполнением чинами корпуса своих обязанностей и заботиться о благосостоянии всех частей корпуса». Командиру корпуса предоставлялись права командующего военным округом, и в общеисковом отношении он был подотчетен военному министру.

В этот период происходит существенное упорядочение штатов и структуры Отдельного корпуса жандармов. Для руководства служебной деятельностью всех жандармских подразделений при командире действуют главное управление и штаб корпуса. Численность этих управленческих структур минимальна: всего 13 генералов, штаб- и обер-офицеров, 4 гражданских классных чиновника и 23 нестроевых нижних чина, исполнявших обязанности делопроизводителей и писарей.

К началу XX века в составе корпуса существовало 75 губернских и областных жандармских управлений с небольшими отделениями в уездах. На них возлагались политический надзор и следствие по политическим преступлениям. Координация их действий в этом направлении осуществлялась Департаментом полиции. Для оказания помощи системным офицерам при управлениях имелись жандармские команды из нескольких десятков унтер-офицеров на правах сверхсрочнослужащих. На территориях казацких войск — Донского, Кубанского и Терского — действовали областные жандармские управления, аналогичные по структуре и задачам губернским управлениям.

Охрану порядка на железных дорогах осуществляли 29 жандармско-полицейских управлений с отделениями на крупных станциях. Штат железнодорожных жандармских подразделений был тоже невелик: возглавляли отделения офицеры, в подчинении которых находилось 20 — 30 унтеров сверхсрочной службы. А обслуживать им приходилось до 300 верст вдоль железнодорожного полотна.

Строевых же частей, комплектовавшихся, как в армии, призывниками, в корпусе было всего пять: конные жандармские дивизионы в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и пешие жандармские команды на Камчатке и Сахалине.

Численность жандармских дивизионов двухэскадронного состава была в среднем по 460 — 480 человек. Сахалинская пешая жандармская команда насчитывала 381 человека, а Камчатская — всего 130.

Общая численность жандармского корпуса в 1913 году вместе с генералами, офицерами, нижними чинами всех категорий и гражданскими классными чиновниками составляла 13642 человека. И не случайно на катастрофическую нехватку жандармов сетовал в

своих воспоминаниях бывший начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-лейтенант В. Д. Новицкий. «В 1878 году... я... принял управление, — писал высокому жандармский чин, — в таком виде: адъютант управления убит, помощник один и 6 жандармов... По ходатайству моему было добавлено к штату 2 помощника и 18 жандармов... С такой горстью людей мне пришлось бороться из года в год с развивавшеюся преступно политическою организацией в г. Киеве, каковая была признана самою сильною в России». Так что расхожее мнение о том, что за спиной чуть ли не каждого россиянина стоял жандарм, сильно преувеличено.

Особое внимание по-прежнему уделялось комплектованию Отдельного корпуса жандармов. Высший начальствующий состав, а также командиры дивизионов назначались «высочайшими», приказами по военному ведомству. Остальных офицеров имел право распределять командир корпуса.

На службу в жандармерию мог попасть далеко не каждый желающий. Прежде всего сюда не принимались лица, когда-либо привлекавшиеся к судебной ответственности и имевшие денежные долги. Анкетные данные жандарма должны были быть безупречными. В жандармский корпус закрывалась дорога выходцам из Польши католического вероисповедания и даже офицерам, женатым на польках-католичках, а также и евреям, «хотя бы и крещеным».

Отбор офицеров и классных чиновников кандидатами для последующего назначения в корпус осуществлял лично шеф жандармов. Приоритетом пользовались лица, окончившие военные училища по первому разряду, проходившие службу в кавалерии, положительно аттестуемые своим командованием, награжденные орденами за боевые отличия. Согласно положению в корпус принимались «офицеры всех родов оружия и классные чины, как состоящие на службе в других ведомствах, так и вновь поступающие на службу, при том лишь условии, если... будут признаны жандармским начальством соответствовать для службы в сем корпусе». Условия отбора постоянно ужесточались. В 1910 году командир корпуса генерал-лейтенант П. Г. Курлов, ставя заслон для службы в корпусе сынков высокопоставленных родителей и иных карьеристов, издал специальный циркуляр, в котором особо подчеркивал, что

«офицеры, подавшие докладные записки с ходатайством о переводе... будут подвергаться предварительному испытанию в учрежденной при штабе... комиссии по получению всех сведений о службе и нравственных качествах».

Для примера «беспорочного» служения Отечеству жандармских офицеров приведем некоторые сведения из послужных формуляров командиров жандармских дивизионов.

Последним командиром столичного Санкт-Петербургского жандармского дивизиона был генерал-майор М. И. Казаков. Когда он при «полном параде», с многочисленными наградами появлялся в высшем обществе, то внимание присутствующих неизменно привлекали два обыкновенных солдатских Георгиевских креста. Подобное было среди генералов явлением чрезвычайно редким.

Матвей Иванович — сын отставного штабс-капитана — военную службу начинал простым рядовым. Потом удалось поступить в Елисаветградское кавалерийское училище. Но тут началась русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. Юнкер Казаков подает рапорт об отправке его в действующую армию. Просьбу удовлетворяют, и он опять рядовой 9-го уланского Бугского полка.

Бесстрашие и удаль молодого улана не ставились в пример однополчанам. А командование вскоре произвело его в унтер-офицеры. Солдатские Георгиевские кресты 3 и 4-й степени Казаков получил «за отличное мужество и храбрость против турок у города Плевны».

По окончании войны георгиевского кавалера производят в корнеты. А еще через год храбрый офицер возвращается в училище, где «по выдержании экзаменов», сразу производится в подпоручики. После училища он служил в привилегированных гусарских и драгунских полках, а затем «высочайшим», приказом был переведен в корпус жандармов, где последовательно занимал должности адъютанта Полтавского губернского жандармского управления, начальника жандармско-полицейского отделения Московской железной дороги, служил в комендатуре императорского дворца, командовал Варшавским, Московским и, наконец, Санкт-Петербургским дивизионами. За безупречную службу неоднократно поощрялся самим государем — Николаем II.

Около шести лет Варшавский жандармский дивизион возглавлял кубанский казак пол-

Московский жандармский дивизион. 1913 г.

ковник С. П. Евстафьев. Кто-то из его предков, простых казаков, за ревностную службу Отечеству получил потомственное дворянство. Однако Сергей Евстафьев начинает военную службу унтер-офицером 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества наследника цесаревича полка. Такое длинное наименование означало, что шефом старейшего полка являлся будущий император Александр III, и служить в нем было почетно. Через год молодой драгун поступает в Ставропольское урядническое училище. Вскоре "за успехи в науках и хорошее в учении поведение", Евстафьева производят в младшие вахмистры. Из училища он выпускается портупей-юнкером, т. е. кандидатом в офицеры, и по существовавшему в то время правилу только через год получает офицерский чин прапорщика.

В русско-турецкую войну 1877 — 1878 гг. драгунский офицер Евстафьев находится в действующих войсках под командованием генерал-адъютанта М. Т. Лорис-Меликова, будущего министра внутренних дел и шефа жандармов. "За отличное мужество и храбрость, оказанные в делах с турками, и особые труды, понесенные во время военных действий при штурме крепости Карс и блокаде гор. Эрзурума", поручика Евстафьева наградили орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени. Причем обе награды носились с "мечами" и "бантами", как свидетельство того, что получены они за боевые отличия.

После войны С. П. Евстафьев обучал кубанских казаков артиллерийскому делу, был преподавателем отдела сотенных и эскадронных командиров Офицерской кавалерийской школы. В корпус жандармов его перевели после двадцатитрехлетней "беспорочной" службы в армии. Возглавляя Гатчинское и Царскоевское жандармско-полицейские отделения Санкт-Петербургской железной дороги, Евстафьев часто встречался с Николаем II и получал "царское спасибо" за охрану императорского поезда.

Во время русско-японской войны 1904 — 1905 гг. полковник Евстафьев за охрану Забайкальской железной дороги награждается орденом Св. Владимира 3-й степени. В первую мировую он со своим дивизионом "нес все труды по охране путей и сооружений Варшавской железной дороги от неприятельских разъездов и поддержанию порядка в действующих войсках. . .".

Из командиров жандармского корпуса наиболее известны судьбы двух — П. Г. Курлова и В. Ф. Джунковского.

Генерал-лейтенант Павел Георгиевич Курлов возглавил корпус в 1909 году по настоянию министра внутренних дел П. А. Столыпина: для тушения революционного пожара в империи министр подбирал себе в помощники решительных и способных людей. Павел Георгиевич был одним из таких. Он родился в военной семье, его дед дослужился от простого рядового солдата до генерал-майора, получил дворянство. Отец был уже генерал-лейтенантом, участвовал в русско-турецкой и крымской кампаниях. Прапорщик Павел Курлов после окончания Николаевского кавалерийского училища по первому разряду служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. Затем учеба в Военно-юридической академии, которую он оканчивает тоже по

Генерал-майор В. Ф. Джунковский
(в центре, сидит).

первому разряду. Блестящая карьера военного, а позже гражданского юриста завершается должностью товарища прокурора Московской судной палаты и придворным чиновником камер-юнкера.

После перевода в 1903 году на службу в систему МВД Курлов весьма успешно губернаторствовал в Курской, Минской и Киевской губерниях. Став товарищем министра внутренних дел, П. Г. Курлов — юрист по образованию — вскоре убедился, что одними репрессивными мерами с революционным "безумием" не справиться. "Я был убежден, — писал впоследствии бывший жандармский генерал, — что бороться с этим разрастающимся движением надо так, чтобы своевременно творческой работой в области назревших реформ пойти навстречу некоторым справедливым пожеланиям и тем ослабить нападки на власть".

Но полицейская карьера завершилась для П. Г. Курлова драматически. 1 сентября 1911 года в Киевском театре прозвучал роковой выстрел. Бывший полицейский агент и сын богатых родителей Мордко Гиршович Богров смертельно ранил министра внутренних дел и шефа жандармов П. А. Столыпина.

П. Г. Курлов, организовавший в Киеве охрану высоких особ, был вынужден уйти в отставку. Его обвинили в "противозаконном бездействии" и даже хотели привлечь к судебной ответственности.

К семнадцатому году генерал-лейтенант Курлов, согласно послужному списку, являлся "резервным чиновом", при штабе Петроградского военного округа. А в середине 1918 года из-за развернувшегося красного террора был вынужден эмигрировать за границу. В 1928 году в Берлине вышла книга П. Г. Курлова "Гибель императорской России".

Генерал-майор В. Ф. Джунковский, возглавлявший Отдельный корпус жандармов в 1913 — 1915 гг., был одним из высших чинов полиции, сохранивших честность и добросовестность. Когда он узнал, что член Государственной думы от фракции большевиков В. Малиновский много лет состоит агентом охраны, то посчитал кощунством подобное совмещение в одном лице. Сообщив об этом председателю Государственной думы, Джунковский, по сути, разоблачил агента-провокатора, чем вызвал негодование со стороны высокого начальства. А после доклада Николаю II о неблаговидных похождениях Распутина вообще навлек на себя гнев царствующих особ.

Отстраненный от должности, Джунковский едет в действующую армию. Командуя 3-м Сибирским стрелковым корпусом, он проявил себя умелым военачальником. В аттестации Джунковского, относящейся к тому периоду, читаем: "... Дело военное любит и предан ему до глубины души... В бою очень спокоен, правильно оценивает обстановку, прекрасно владеет собой..."

В декабре 1917 года новая власть увольняет боевого генерала из-за "неспособности продолжать военную службу...". В первые годы Советской власти чекисты неоднократно арестовывали Джунковского. Но, не сумев предъявить ему сколько-нибудь обоснованные обвинения, отпустили на свободу. По некоторым сведениям, Джунковский консультировал и Дзержинского.

В 1938 году по доносу жильцов дома, где проживал 74-летний Джунковский, его арестовали в последний раз. В том же году суд обвинил бывшего шефа жандармов в "контрреволюционной агитации и пропаганде" и приговорил к расстрелу.

В годы первой русской революции жандармские дивизионы все чаще привлекаются к разгону бесчинствующих демонстрантов. Тактика действий жандармов при выполнении подобных обязанностей была, если можно так выразиться, более гуманной, чем привлекаемых для этих целей полевых войск, не имевших опыта охраны порядка на улицах городов.

Толпу конные жандармы рассекали медленным на нее наступлением и вытеснением людей с улиц или площадей лошадьми. В исключительных случаях применялись специальные неотточенные шашки, так называемые "полицейские селедки", удары которыми наносились плашмя.

Иногда жандармы попросту ретировались, дабы избежать серьезных столкновений с демонстрантами. Например, в сентябре 1905 года кавалерийский эскадрон Московского жандармского дивизиона по требованию градоначальника был выслан "для рассеяния толпы", на Стростную площадь. Демонстранты встретили жандармов градом камней. Из толпы прозвучал выстрел, которым был смертельно ранен один из всадников. Высокое полицейское начальство безмолвствовало и, не беря на себя ответственность, не отдавало никаких распоряжений. Тогда жандармы, дабы не накалять обстановку и избежать кровопролития, покинули площадь и на рысках усаkali в расположение дивизиона. Правда, потом их обвинили в трусости и невыполнении поставленной задачи...

Жандармам также поручались охрана и конвоирование особо опасных государственных преступников. Побег арестантов при этом были чрезвычайной редкостью. Но все-таки случались...

В августе 1906 года эсеру Беленцову удалось совершить "побег века". После шумевшего ограбления банка Московского общества взаимного кредита эсерскому боевику Александру Беленцову удалось скрыться за границей. Однако вскоре он был арестован и выдан австрийскими властями. На пограничном пункте боевика принял под охрану жандармский караул, состоявший из двух офицеров и четырех унтер-офицеров. В помощь им выделили еще пять нижних чинов 96-го пехотного полка. Возглавлял конвой адъютант Варшавского жандармско-полицейского управления железной дороги штабс-ротмистр Макаров.

Для перевозки важного преступника выделили классный пассажирский вагон. Охрану расставили так, что, казалось, и мышь не проскочит.

В пути следования, когда поезд замедлил ход на подъеме, Беленцов неожиданно вскочил с сиденья и, головой высадив оконное стекло, выбросился из вагона. Придя в себя от изумления, жандармы организовали преследование преступника. Но безуспешно — боевик как в воду канул. Разгневанный командир корпуса жандармов генерал-майор Н. А. Дедюлин приказал незадачливого штабс-ротмистра отдать под суд. Спасло жандармского офицера от сурового наказания сообщение директора Департамента полиции, что "известный Беленцов обнаружен... в Московской тюрьме накануне освобождения...". Преступник под чужой фамилией решил отсидеться в тюрьме, пока полиция не прекратит его поиск.

Трудная и опасная служба жандармов, связанная с постоянным риском для жизни, зачастую не вознаграждалась должным образом. Высокое начальство во все времена готово было скорее наказать за недостатки или упущения в службе, чем наградить за усердие. Вот что, например, по этому поводу писал жандармский генерал Новицкий: "Не сохранив себе положительно никаких сбережений от службы, я в то же время сделал немалые сбережения казне... Прослужа и проживая в городе Киеве 25 лет, я... не приобрел никаких земельных собственности, считая неудобным по должности, мною занимаемой, входить в какие-нибудь денежные сделки и купли..."

Честные и бескорыстные служаки во все времена оставались ни с чем...

Февральская революция стала началом разрушения сложившейся стройной системы правоохранительных органов России. Стыдась слова "жандарм", новоявленные демократические правители переименовали жандармские дивизионы в конные. А в середине семнадцатого и вовсе упразднили Отдельный корпус жандармов. Полицейские структуры были также разогнаны. С полустительства новых государственных деятелей в стране начался невиданный доселе разгул преступности и анархии. И, видимо, не случайно Советскому правительству понадобилась ВЧК.

Подполковник Н. СЫСОВЕВ.

Юрий СЕМЕНОВ

КОМАНДИРОВКА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ПОВЕСТЬ

МРАЧНЫЙ осенний Мюнхен с разрушенным кварталом "мертвого района", который проскочил зеленый "опель-капитан", укрепил в Сухаре неуютное ощущение чужбины. Почему-то именно здесь Антон Тимофеевич почувствовал близость ушедшей войны, хотя на ее разрушительные следы он вдоволь насмотрелся за эти дни и в Польше, и в Чехословакии, и в южной стороне Германии. Здесь же, в центре одурело фашиствующей когда-то Баварии, английская авиация оставила свою особую руинную отметину в отместку за бомбовые и ракетные страдания Лондона.

Неожиданно, как из баррикадного коридора, "опель-капитан", вырвался через узкую улочку на площадь Штахус, ошеломившую многоэтажьем зданий и обилием прохожих. Сухарь только и успевал выхватывать глазами витрины магазинов. А один броский дом, выходящий на площадь и чем-то похожий на нос корабля, привлек его внимание настолько, что он проводил его долгим взглядом через заднее стекло кабины. Это здание напомнило ему другое, тоже показавшееся некогда громадиной кораблем, только несколько иным — с овально широкой, как у арктического ледокола, грудью. То здание занимало Львовское управление госбезопасности.

Нечаянное совпадение само собой заставило подобраться Антона Тимофеевича перед встречей с эсбистом ЗЧ ОУН Яремой. Он дыхнул на перстень с печаткой в виде выступающей в квадрате буквой "F", — фортуна! — потер им о штанину. Надежнейший пароль подновленно сверкнул. Сухарю вспомнились слова Комара, сказанные ему в напутствие: "Соображение должно моментально работать. Все замечай, прикидывай и делай вид, что отвечаешь подумавши, солидно.."

Машина остановилась на Антонинштрассе у подъезда с бронзовыми табличками. Сухарь заметил на доме цифру "19". Не задерживаясь, быстро поднялся за курьером на третий этаж. На звонок открыл дверь рослый, с аскетическим, в глубоких морщинах лицом дядька. Оглядев вошедших и не обращая внимания на приятельски разулыбавшегося курьера, он угрюмо предложил:

— Проходи!

— Здравствуй, друже Упырь! Ты что же, не признал? Богатым стану.

Курьер что-то еще говорил безответно идущему по коридору суровому оуновцу, а у Сухаря мгновенно сработало в памяти: Упырь-кровосос, такой псевдоним не забывается и даром не берется. О кровавых делах его владельца Антон Тимофеевич читал в материалах, представленных Поперекой в Киеве, когда тот вызвал его из Полтавы и больше не отпустил домой. Сейчас, смотря на тощего узкоплечего Упыря, Сухарь дивился: откуда бралась огромная энергия у этого тщедушного коварного мужичка, в войну расторопно формировавшего боевые подразделения УПА, а затем руководившего карательными операциями против партизан. Это он, Упырь, став после войны помощником эсбиста ЗЧ ОУН Яремы по контрразведке, с пристрастием провел в Мюнхене среди бандеровцев фильтрацию внедрений чеки-

стов. Тогда под его подозрение, равносильное смерти, угодили и не имевшие к чекистам отношения верные ОУН люди.

В комнате, куда их привел Упырь, стояла скромная домашняя мебель.

— Присаживайтесь, — предложил он, указав тощей длинной рукой на диван. А Сухаря спросил: — Как о вас доложить?

— Друже Молоток. Представьте, с поручением от друже Комара, — с солидным спокойствием ответил Антон Тимофеевич и подсказал: — У меня доклад лично друже Яреме. Это важно.

Упырь вскинул голову.

— Я вот сейчас тебя потрясу и всю важность из нутра вышибу, — сказал он отрывисто и резко вышел из комнаты.

Такое начало не понравилось Антону Тимофеевичу, но в то же время ободрило простой своей логикой: нахрапом берет, значит, с изъясном мужик, недалекий. С таким легче.

Упырь вернулся быстро, будто всего лишь постоял за дверью, присел у стола под выцветшим с розовой бахромой абажуром, спросил без нажима:

— Какие случались происшествия в пути? Где задерживали?

Он обращался к Сухарю, вглядываясь в его лицо, потому что тот считал нужным ответить:

— Без осложнений, по-моему, добрались, случилась одна остановка при пересечении чешско-немецкого кордона...

Курьер пояснил:

— Все по рекомендациям, без лишних контактов, только здесь у заставы перекрыла нам объезд немецкая полиция.

— Понятно, — удовлетворенно кивнул головой Упырь и насмешливо передразнил Сухаря: — А то — “при пересечении...” Ухо режут схиднякские* докладные выверты.

— У нас со схидняками связь впритирку на батьковщине, мы отрыва от них не чуем, в одном котле варимся и вылаживаемся, — ответил Сухарь.

Упырь прислушался к сказанному, мгновенно подумал — к чему бы придраться? — нетерпеливо предложил курьеру:

— Ты иди! Не отлучайся, позову, — и сразу к Сухарю: — Что ты мне этим хочешь прояснить, друже Молоток?

— Многие, друже Упырь. Только прежде не тебе, извиняй, у меня поручение лично друже Яреме.

— Тут я определяю, допустить тебя до него или нет! Ты растолкуй мне сперва малость, как это вы там со схидней впритирку, как в обнимку, сжились, — нервно дернул он головой.

— Неохота мне, друже Упырь, после трудной дороги заниматься просветительством. Но скажу, дивование мне твое странно. Тут все яснее ясного.

— Что ясно?!

— А то, что незачем делить нацию на западенцев и схидняков, она единая и неделимая.

Неожиданно открылась дверь, и в комнату вошел лысоватый, круглоголовый, полнеющий крепыш лет сорока. Его острые зеленоватые глаза смотрели на посланца с родины по-отечески внимательно и с нескрываемым любопытством. Неспешно перебирая в руках, то скручивая, то распуская, кусок велосипедной цепи, он подчеркнуто с одобрением произнес:

— Разумны ваши рассуждения, друже Молоток. Я — Ярема. Друже Упырь, считайте, пошутковал с вами.

Спеша выказать пароль, Сухарь снял перстень с левой руки и хотел надеть на правую, говоря: “Одеревенел палец, тесновато колечко”, но Ярема взял печатку, заглянул внутрь, в чем-то удостоверившись, и надел себе на палец рядом с такой же.

— Возьму пофорсить, понравился мне перстень, второй такой встречаю, — Ярема повернулся к вопросительно застывшему Упырю и бесцеремонно бросил: — Займись своим делом, не мешай.

Сухарь при этом подумал о том, что он не решился бы с присевшим напротив него человеком заспорить так, как у него вышло с Упырем. И он еще раз благодарно вспомнил напутствие Комара: “Торопись, подумавши!”.

— Ну, здравствуй, друже Молоток, с прибытием! — подал Ярема посланцу центрального провода ухватистую руку с перстнями. — Как вы там? Если судить по последнему “грипсу”, Комар все руководство скоро передует.

Сухарь прикинул, насколько он может судить о действиях эсбиста центрального провода, ответил уверенно:

— Если хотите знать мое мнение, заключу твердо: друже Комар устраняет только нездоровое удивительно терпеливо и надежно. С гарантией, я бы сказал.

— Ваше мнение похвально, его приятно слушать. Но убежденность вашу я не разделяю. Не существует гарантий в нашем деле, тем более теперь. Вы давно в контрразведке?

— Довоенная школа абвера в польском Грубешове, — многозначительно ответил Сухарь, решив, что проверка его началась не в лоб, а исподволь — по ходу беседы.

С проявлением в глазах Ярема воскликнул:

— Вот откуда пошло ваше единение с друже Комаром! Тогда похвальна преданность ученика своему учителю. Теперь мне понятна его добротная оценка вам.

Сухарь скромно опустил глаза.

— А я, представьте, тоже из тех краев. Перед войной преподавал под Грубешовом в селе Молодятычи. Сбежал туда в польское генерал-губернаторство из Львова после воссоединения. Месяц при Советах милиционером послу-

* Схидняками оуновцы пренебрежительно называли выходцев из Восточной Украины.

жил и одновременно, так сказать, по совместительству, исполнял обязанности районного проводника. Вот так, земляк! Теперь расскажи все, что произошло там у вас с референтом центрального провода Горбуном. Подробно. Это важно. Предстоит работа.

Обстоятельно, ничего не прибавляя, чтобы не запутаться, да и необходимости в этом пока не было, Антон Тимофеевич поведал все по порядку о финансовом референте, скрыв, разумеется, свой вклад в компрометацию Горбуна. Слушавший его со скучающим видом Ярема сделал две пометки в своем пухлом блокноте, не перебивал. Можно было подумать, он вежливо ждет, когда собеседник замолчит. Когда же Сухарь закончил рассказ подробностью допроса Горбуна и кончиной референта, Ярема спросил:

— Скажите, друже Молоток, как внешне среагировал Горбун на высказанное вами недовольство верхов заниженными цифрами финансового отчета?

— Удивления не проявил... Пожал плечами, но объяснить, почему резко упали цифры финансовых поступлений, согласился без упорства.

— Странно... — только и произнес, дослушав, Ярема.

По его мнению, Горбун должен был хотя бы легонько взорваться и сказать о том, что он представлял не финансовый отчет, а докладную по финансам, в которой цифры даются не для строгого учета, а для ориентировочного анализа в ЗЧ ОУН, которая не станет их уточнять. Ни к чему ей это: материальных поступлений в Мюнхен из центрального провода в настоящее время нет, вся бандеровская верхушка о заграничным аппаратом питается на довольно щедрые долларово-стерлинговые подачки из Англии, Америки и Канады.

— И простое бывает странным, — как бы уточнил Ярема и продолжил: — Опозиция существует, что скрывать. Ядовитые статейки тискают в "Вольном шляхе", вроде последних — "Тень Бандеры", "Бандера и К". Мог ли я подумать, что Хмурый, этот безоговорочно активнейший националист, начнет отходить от своего любимого вождя?! Я все больше убеждаюсь в том, что именно от таких в трудную пору можно ожидать измены. А переломная пора-то миновала. Мы теперь имеем устойчивую финансовую поддержку. Надо работать. Так что и вы включайтесь с завтрашнего дня. Сколько бы вы тут ни пробыли, дел у вас хватает. Начнете в канцелярии на Цепелинштрассе, вас отведут, — он негромко позвал: — Улырь! — и, не сомневаясь, что тот за дверь, не оборачиваясь, распорядился: — Проводи в лагерь, скажи коменданту, чтобы поселил в "Арке-7" со Стефаном, поставил на довольствие и выдал белье.

— Документы у него есть? — поинтересовался Улырь.

— Это вы по дороге обговорите.

Оформи ему все что надо с видом на жительство, — поднялся Ярема и попрощался с Сухарем: — Устраивайтесь! Война еще идет и будет продолжаться.

5

ПРИЕЗД Шевчука с Таиськой в Миляничи пришлось перенести с вечера на утро. Кварцевое прогревание и перевязка задержали большую женщину чуть ли не до закрытия поликлиники, до темноты. Шевчук сказал оуновке:

— Только разочек помощи нам и лечись до выздоровления.

— Пан Шевчук! Как быть, если Рысь меня спросит, где и кто такую чистенькую, умелую перевязку состряпал с воющей мазью? Это ж не в каждом доме сделаешь.

— Скажи, Лукера обработала, она же медичка. А ты напрямую от нее. Он язык и прикусит.

— А если боевики уже стукнули Рыси, что Комар ушел с постоя? Ну, которые следили за его хатой в Яворове. Как тогда, пан Шевчук? Удушат меня сразу.

— Опять ты мне "пан"! Кончай с этим! И перестань трусить, возьми себя в руки! — внушительно одернул Александр Агафонович. — Тех в Яворове вскоре после тебя арестовали. Так что некому сообщать. Тебе одной предстояло взять записку Комара. Словом, встречайся и делай свое дело. Когда закончишь, вытайся к тому месту, где высажу тебя.

За полночь они выехали в Миляничи.

СООБЩЕНИЕ о переносе Таисьиного перехода в Миляничи с вечера на утро поступило к Чурину перед рассветом. Изнервничался он с лейтенантом Проскурой, все глаза проглядев на дорогу к хате, обнесенной свежим, подновленным плетнем, где по ориентировке Хмурого находился постой Рыси. За все время наблюдения оттуда однажды под вечер вышла старушка в теплой, укрывавшей плечи шали, присидела до сумерек на лавочке возле крыльца и ушла обратно через калитку во дворе. Высокие ставни на окнах не закрывали, света не зажигали.

Это не говорило о том, что в доме больше никого нет. Уж кто-кто, а эсбист Рысь хорошо знал тонкости конспирации, чтобы каким-нибудь пустяком не выдать свое присутствие. Потому Анатолий Яковлевич Чуриин и возлагал основную надежду на подсылку к Рыси Таиську, с нетерпением ждал ее.

И вот наконец-то она появилась. Хлопнула калиткой, поднялась на крыльцо...

Чуриин застыл в ожидании, и длилось оно недолго. Очень скоро Таисья снова стояла на крыльце. По ее растерянному лицу Анатолий Яковлевич определил: Рыси в доме нет.

Таиська двинулась в обратный путь, ежась и прибавляя шаг. А Чурин, оставив Проскуру продолжать наблюдение за постоем Рыси, отправился в противоположную сторону, как было условлено с Шевчуком, чтобы встретить его машину на пути в Порфирьевку. Ему надо было спешить.

Шевчук, отогнав полуторку с большака за березняк и осмотрев его, не поддался соблазну собрать последние опята, а остался в терпеливом ожидании Таиськи возле автомобиля. Заметить его с дороги было трудно, зато он просматривал ее под уклон чуть ли не до самых Милянничей. Еще издали увидел возвращающуюся связную и по ее унылой походке понял: осечка. Это означало, что свою задачу львовяне выполнили, оставшаяся работа по розыску Рыси целиком ложится на вольных чекистов.

— Ушел, еще вчера ночью, — переводя дух, сообщила Таиська дрожащим голосом.

— Ты что это? — положил ей руку на плечо озадаченный Шевчук. — Тебя обидели?

— Да не-ет... — подняла она на него заслезившиеся глаза. — Нет его, утек, а вы, боюсь, не поверите.

— Отчего же не поверим? Мы умеем верить, зря ты себя терзаешь. — Он посадил ее в кабину, сам сел за руль и, выехав на дорогу, откровенно добавил: — По правде, я не очень-то и надеялся, что застанешь его. Ты записку Комара оставила для Рыси?

— Да, бабке Параське велела передать ему или посылному, если пришлет, что друге Комар ждет срочный ответ. Обещала послезавтра об эту пору снова прийти.

— Молодец! Очень хорошо сделала, что так сказала, — подбодрил ее Александр Агафонович. — Тогда поехали в Порфирьевку забирать дочь.

— Куда я ее дену?

— Где ты, там и она. У нас поживешь, подлечишься, а там устроишься, поможем.

Таиська молчала.

— Рысь прежде-то запасную явку не намечал? — мысли Шевчука снова переключили на эсбиста.

— Нет. Обычно незадолго до ухода с хаты выдают свою стоянку. Теперь и не знаю, когда голос подадут. Пошукать, конечно, можно. Только, думаю, вернее будет связного на глаз подцепить, если притащится в Милянничей. Он-то, может, и приведет к их теперешним хоромам.

— Советуешь? — Ее рассудительность понравилась Шевчуку, свернувшему машину на Порфирьевку.

— Стойте! — Таиська ухватила баранку. — Поворачивайте на Львов! Домой едем. Дочь поживет у бабки Василисы, ничего с ней не сделается. Да и теплой одежки у меня для нее нет.

— Смотри, как тебе лучше, — подчинился Шевчук, завидев вдалеке человека, похоже, Чурина.

ЗАМЕТИВ в окно вышедшую со двора постоя Рыси шустрю старушку, укрытую, будто в лютый мороз, шалью, Проскура схватил телогрейку с шапкой и, одеваясь на ходу, выскочил на улицу. Старушка вдалеке перешла колдобистую, стильную дорогу на его сторону и тут же скрылась в калитке добротного дома под черепицей. В свою очередь Проскура для удобства наблюдения свернул на другую обочину и с усилием шагал навстречу порывам ледяного ветра. Чекист не сомневался в том, что бабуля сразу же после ухода Таиськи отправилась выполнять ее поручение. Мелькнула догадка: а вдруг Рысь сменил лишь хату в Милянничей и сейчас читает принесенные "грипсы", Комара?

С пружинной шустринкой старушка вышла из калитки и пустилась в обратный путь. В нерешительности замедлив шаг, Проскура не знал, куда деваться. Возвращаться в дом и продолжать наблюдение за оставленным постоем Рыси, ожидая прихода связного, вряд ли теперь имело смысл: старушка неспроста ходила на другой конец Милянничей и аккуратно управлялась с поручением... Получалось, либо сам краевой эсбист в доме через дорогу, в который заходила баба Парася, либо тут находится его связной, который и переправит Рыси указания Комара.

Все это в мгновение пронеслось в голове Проскуры, успевшего испытать неудобства малолюдной сельской улицы, где тебя никто не знает и ты выставлен словно напоказ. Но, к счастью, из примеченной калитки выбежал паренек лет пятнадцати с недоеденным куском хлеба в руке. Застегивая на ходу пальтишко, он вприпрыжку миновал окраинные дома и вышел за село, но не к шоссе, а свернул на полевую дорогу и вскоре скрылся за невысоким холмом.

ДОНЕСЕНИЕ эсбиста Комара об антибандеровских проявлениях референта Горбуна и краевого проводника Хмурого грозило многими неприятностями, вплоть до полного непризнания осевшей за рубежом бандеровской верхушки, именуемой заграничной частью головного провода ОУН.

Поначалу Ярема и в мыслях не допускал доклада Консулу — Степану Бандере — о том, что в оуновских рядах возникло брожение против самого прозвища "бандеровец". Вот ведь каким манером властолюбцы метая убрать головного жоака! Но когда краевой эсбист Комар донес подробнее о заговоре, причастности к которому кинолюбца Хмурого не вызвала сомнений, главный эсбист Ярема понял: доклада дружке Консулу о враждебных силах не мновать. Он только малость помедлил, ожидая скорой явки дружке Молотка, о котором с похвалой отозвался в "грипсе", Комар.

Встреча с Молотком не столько внесла ясность в суть разрастающегося за-

говора, сколько затуманила вину Горбуна и вызвала подозрение: а не переусердствовал ли Комар, страдающий, как и он сам, Ярема, обостренной подозрительностью?

Как бы то ни было, после беседы с Молотком Ярема отправился к Консулу на Цепелинштрассе, 57, где располагался административный центр ЗЧ ОУН. Существование центра до последнего времени держали в строжайшем секрете. Сразу же после войны Бандера заопасался выдачи его советским властям как военного преступника. Он во всем соблюдал жесткие меры конспирации, даже имея немецкие документы на имя Попеля. Но главаря оуновцев никто не разыскивал, не покушался на него. И он пообвык, даже стал появляться в Мюнхене без охраны.

Кабинет Консула находился на втором этаже, по соседству с канцелярией-приемной, представлявшей собой узкую комнатенку со столом и пишущей машинкой. В течение дня здесь можно было увидеть любого из немногочисленных обитателей центра, а по утрам жену Яремы Геню — Евгению, женщину волевою, осмотнительную, хорошо знающую тонкости мира, в котором живет. Здесь же находились кабинеты эсбистов Яремы, Упыря, исполняющего обязанности референта по финансам Дидыка и большая комната с многояркими стеллажами, заполненными связками газет, журналов, разноцветных канцелярских папок, в которых невесть как ориентировался головной эксперт по проблемам Советского Союза Бурый.

Ярема вошел к Консулу. Тот сидел за столом, обложенный газетами, журналами. Бурый два раза в неделю снабжал его советской периодикой, предварительно пометив цветным карандашом заслуживающие внимания статьи. Плотный, с небольшим животиком, Бандера близоручо клонил лысеющую голову над столом, сосредоточив хитрово прищуренные глаза на чем-то интересном. Он не взглянул на вошедшего, узнав его по быстрому шагам, ткнул мясистым пальцем в газету и с непонятной бойкостью сказал:

— Американцы в своей газетенке дали выдержки из книги Герхарда Больта "Последние дни имперской канцелярии...". Стремительно вчерашнее бытие становится историей.

— Кто это — Герхард Больт? — машинально спросил Ярема, заглядывая в мюнхенскую газету с крупным заголовком на немецком языке: "Последние дни Гитлера...".

— Ротмистр Больт — молодой офицер из ближайшего окружения фюрера в его предсмертные дни.

Ярема выхватил глазами подзаголовок "Военное совещание в имперской канцелярии...", не понимая, что так возбуждало Консула. А тот читал по-немецки: "Начало февраля сорок пятого года. Площадь Вильгельма выглядит неприветливой и брошенной. Куда ни

посмотришь, везде обгорелые остовы каменных стен, зияющие дыры окон, а позади — груды развалин. От прекрасного, построенного в стиле барокко дворца старой имперской канцелярии, символа вильгельмовских времен, остался только сильно поврежденный фасад с квадратным балконом, откуда Адольф Гитлер когда-то принимал овалции берлинского населения...".

— Ну и что? Что тут особенного? Этих развалин еще на полвека хватит.

— Уныло судишь, друже, — не согласился Консул и не без удовольствия добавил: — А наша канцелярия при нас! И печатные станки в подвале стучат, выдают "Украинское слово...".

Ярема насмешливо подметил:

— Вы, никак, друже Степан, нашу писарню к канцелярии фюрера примыряете? Так ведь она у него занимала пространство от площади Вильгельма до улицы Германа Геринга. Было что громить! А наша хата с подвальным схроном под прицел не угодила.

— Значит, живуча! Что я и хотел заметить, — ткнул указательным пальцем вверх Консул. — А живучее достойно борьбы.

Ярема не раз слышал эти рассуждения и в приподнятых, и в унылых тонах, которые выражали скорее смятение, чем уверенность. Но, чтоб не раздражить главаря, человека категоричного, эсбист и на этот раз терпеливо дослушал его рассуждения о правилах выживания и открывающихся новых возможностях от сотрудничества с американцами и англичанами, которые вместе с канадцами взяли на себя финансирование оуновской активности.

— Самое время нам решительно заняться отступниками. Далеко зашли, друже Степан, твоё имя вытравить из движения метая.

И Ярема рассказал все, чем располагал, закончив вестью о присылке Комаром доверенного Молотка.

Неторопливый, владеющий собой Консул все же, к изумлению Яремы, излишне спокойно рассудил:

— Нежужа у меня фамилия, у Махно краше звучала. Я ж давно чуял, душок пустят... Надо заглушить его, Ярема.

— Как, друже Степан? Связанное с вашим именем движение в историю вошло, как и "махновцы", — польстил эсбист самолению не сомневающегося в своей значимости вождя и приподнять добавил: — Это прозвание не заглушить!

— Ты соображай, Ярема, что и как я разумею заглушать, — повысил тон Консул, но тут же поугих, хорошо понимая, что дело обстоит сложнее, оно куда глубже личной амбициозности. — Ты их, сподвижников Горбуна — Хмурого, вытравляй, а заодно пропагандистов пошевели, нацель бандеровский авторитет поблюсти со старанием. Только не круши всех подряд, как по весне, когда безвинных поугробил. Ни единой чтоб промашки, оговора. Нынче каждый дорог, за каждого стоять надо. А ты, по-

ди, Молотка в арестантский бункер уже засадил для проверки?

— Ничего подобного, я его без подвала и допроса проверю, сам выложит, чего они вместе с Комаром стоят.

— Не тронь его! — резко поднялся из-за стола Консул, заложил руки за спину и с усилием прогнулся, морщась — давал знать застарелый радикулит, нажитый в альпийских снегах во время лыжных прогулок, — пояснил: — Соображение у меня есть насчет Молотка, друже Ярема. Пусть он выступит у нас как представитель центрального провода, преподнесет солидную обстановку в ОУН на батьковщине. А послушать его мы пригласим наших англо-американских покровителей. Они должны почувствовать оуновскую силу и устойчивой, и активной, словом, такой, в которую не грех вложить деньги.

— Моя проверка не повредит задуманному тобой, друже Консул, — заверил Ярема, которому уж очень хотелось в глаза Бандеры выглядет не громкой эсбистом, а контрразведчиком, тонко чувствующим ситуацию. — Впредь мы не станем заниматься отысканием врагов, а будем создавать условия, чтобы они сами себя вытаскивали за шкирку на белый свет.

— Живи не тужи! — усмехнулся Консул, попросив, однако, пояснить, что он собирается предпринять к Молотку.

Ярема охотно ответил:

— Комар подозревает в активной оппозиции головного референта по финансам, с которым, считает, был связан казненный Горбун. Эсбист центрального провода на Украине знать не может, что эту должность с лета временно исполняет кассир Дидык Стефан. Он, как вам известно, в ОУНе не состоит, а следовательно, ему до лампочки наши внутренние перекосы. Вот я и подставил друже Молотка к Стефану, пусть поживут рядом, пообщаются, а я погляжу, что он станет капать на него. Тогда и яснее проявится, что там друже Молоток подработал Комару на Горбуна и Хмурого. Я не ставлю его под сомнение, только проверяю.

— Ловко, скажу тебе, друже Ярема, — перекатился в горле Консула смешок и оборвался. Он снял с вешалки кожанку, надел ее и предложил: — Устрой мне с Молотком встречу. Случайную — тут на ходу. Завтра же.

ЛАГЕРЬ перемещенных лиц ИРО* "Арка-7", или, в оуновском обиходе, табор, находился неподалеку от дома, где встретились Сухарь с Яремой. Он представлял собой обнесенные сохранившимся кое-где забором армейские казармы, большей частью одноэтажные и мрачные, как пакагузы времен кайзеровской Германии. Только на плацу для муштровок теперь были

беспорядочно врыты столбы, опутанные бельевыми веревками. Простыни, наволочки, полотенца, обилие всякой верхней и нижней одежды говорили о перенасыщенности людьми, судьбу которых кто-то ядовито предсказывал, намалевав несмываемой краской на кирпичной стене: „Гастарбайтер — объект торговли!“.

— Что это за „гастарбайтер“? — поинтересовался Антон Тимофеевич у важно вышагивающего рядом и не замечающего приветствий встречных Упыря.

— Иностраный рабочий, — сухо бросил тот и посоветовал: — Вербовщики приставать станут, пошли их подальше, чтоб понятней вышло, тебе это ни к чему.

— А эти? — кивком головы Сухарь указал на томящихся возле казармы хмурых парней, в которых без особого труда угадывал соотечественников с Украины.

— Что „эти“? — не сразу понял эсбист. — Они временщики, перебиваются подсобными работами. Все лучше, чем сидеть на одних благотворительных харчах. Но какая, скажи мне, это работа за тридцать марок в неделю? Мизер, на семь пачек сигарет со спичками.

Из-за казармы выскочила стайка детворы, гомонящей на украинском языке.

— Откуда взялась наша детвора?

— Как откуда? Неужто наш брат лодиться перестал? — буркнул приглядевшийся ко всему Упырь, но все же пояснил новичку: — Вын те долгоязые от невозвращенцев-батьков, а малые уже в тутошних стенах народились. Хотя есть и в одиночку малолетками вывезенные.

— А взрослые сколько здесь собираются околачиваться?

— Кормят, крыша над головой. Куда спешить? На родину страшатся вернуться, память там оставили богатую. От чужестранной же вербовки рыло воротят: Австралия далеко больно, к Германии душа не лежит, веры нет. Да и малюет немчура всюду: „Германия для немцев!“. Наши все больше соглашаются в Бельгию, в Канаду... А эти бездельники все чего-то ждут, трутся на толкучке, к месту никак не приспособятся. Страшаем их, дескать, большевики выдачи своих перемещенных требуют. Дождетесь!

— Помогает?

— Пока не очень. Но рассосутся, дуваю. Месяц назад в Австралию с полтысячи отправилось.

— В советских газетах писали, вот-вот соберут Лондонскую конференцию министров иностранных дел по вопросам перемещенных лиц, — вспомнилось Сухарю.

Упырь отмахнулся, присвистнув:

— За полгода после московской конференции ни хрена не изменилось. По нашим разведанным, в английской зоне около четверти миллиона перемещенных, в американской — еще треть

* Интернациональная репатриационная организация.

миллиона, не считая десяти тысяч живущих за пределами лагеря.

— Так им же рогаки ставят, — неосмотрительно заметил Сухарь.

— Кто тебе сказал?! — порывисто прицепился Упырь. — Ты это брось! Если бы не оттуда пришел, я бы решил — вражьи листовки начитался.

— Газеты читаем большевистские, а то чьи же? Надо знать обстановку.

— И то верно, — отступил Упырь. — Ты поимей в виду наперед, сколько бы у нас ни находился: присматривай, угадывая гадюшников, которые листовки подкладывают. Не изловим никак. — Упырь заглянул Сухарю в глаза: — Нам тут все примелькались, а ты свежим оком подмечай. Комар утверждает, что оно у тебя выхвостое.

В третьей по счету казарме они вошли в квартиру из двух комнат — одна служила канцелярией, которую занимал комендант табора, бывший полицай. Невысокий и круглый, как арбуз, с маленькими пороссячими глазками, он производил впечатление человека самодовольного. Тонкие губы его так и расплылись в улыбку, едва заметил властного эсбиста. Они дружески поприветствовали друг друга, и Упырь распорядился:

— Слухай, хозяин, я до тебя привел человека. Устрой его к Стефану, корми, документы выправь, чтоб до комендантского часа мог в город выходить, порядки растолкуй.

— Устроим, друже, в лучшем зачете, — охотно пообещал комендант и бесцеремонно кнул пальцем новичка, полюбопытствовал: — Из УПА, вижу, грудь колесом?

— Про себя держи, что видишь, — заметил Упырь. — У тебя друже Молоток долго не задержится. Надо, чтоб остался довольный. Все, я пошел. — Упырь покровительственно хлопнул Сухаря по плечу и стремительно вышел.

Отыскав в связке ключи, комендант позвал:

— Пошли в твой "чейхауз", устраивайся, отдыхай, пока разговорчивого соседа нет. После десяти вечера на улицу не вылазь, запрет без специального пропуска. Вот и весь режим. Понял?

Комната выглядела приличной, со светлыми обоями, гардинами на широком окне, с крупным абажуром над столом, покрытым темно-зеленой цветастой скатертью, с двумя кроватями у противоположных стен, над которыми красовались гобелены с одинаковым, но весьма привлекательным видом: лоси разгуливали на фоне альпийского луга и речки с водяной мельницей. Все в этой комнате говорило о педантичной аккуратности живущего здесь человека.

Как не вязался интерьер нового жилища Антона Тимофеевича с теснотой клетушек "Арки-7", заставленных двухъярусными нарами с неизменно смердящим помойным ведром у порога! Нет, на этом фоне его пристанище

было просто хоромами. Комната находилась в привилегированной половине бывшей казармы, оборудованной под своего рода гостиницу для постоя оуновских функционеров среднего ранга.

Было видно, сосед по комнате прижился тут основательно, коли хранил под кроватью и летние с дырочками замшевые туфли, и узконосые ботинки, вполне подходящие для мягкой германской зимы. Антон Тимофеевич хотел повесить свой видавший виды брезентовый плащ, но не решился пристроить его на вешалке рядом с черным пальто из гладкого английского сукна с изящной двойной прострочкой вдоль рукава и борта.

Стефан Иванович представлялся Сухарю высоким, подтянутым, в прошлом, скорее всего, военным человеком. Судя по нескольким книгам на польском, немецком и английском языках, он был человеком и весьма образованным. Ни одной русской или украинской книги на полке не оказалось, и Сухарь шуточно заметил про себя: "Стефана должна интересовать польская, англосаксонская литература, но Ивановичу не грех бы почитать и свою, славянскую".

Взяв газеты и приметив украинский текст, Сухарь поразился довольно еще свежим номерам, неспешно перебрал их. Тут оказались издающаяся в Мюнхене "Шлях перемоги", парижская "Украинское слово", лондонская "Украинская думка", и октябрьский номер нью-йоркской "Свободы". И уже не любопытство, а желание внимательно посмотреть и понять суть бандеровской пропаганды за рубежом, нелегально распространяющейся и на Украину, овладело Антоном Тимофеевичем. Он сбросил на стул у двери свой неприглядный дорожный плащ, кепку, причесался и зашелестел газетами.

Прежде всего бросались в глаза напористые заголовки: "Борьба за самостоятельность Украины", "Узники советских концлагерей", "Голодающее население УССР". В каждом номере давались подборки воспоминаний о подвигах "упитов", боровшихся против большевистских партизан и Красной Армии, заканчивающиеся призывом к массовым антисоветским выступлениям.

Нет, ничего нового тут не нашел для себя Сухарь. Разве что его внимание привлекла концовка статьи "Украина под Литвою и Польшею". Но и здесь подумалось: "Где бы собака ни бегала, а зубы оскалит и гавкнет под конец непременно в сторону Кремля". И еще: "Чем хуже у бандеровцев дела, тем больше хвастовства в их печати".

Вернулся комендант табора, социурил на Сухаря и без того маленькие глазки, будто бы не узнавая его без плаща и кепки. Сел к столу, спросил:

— Друже Молоток! На какое имя тебе пропуск ладить и продовольственные талоны?

Антон Тимофеевич назвал настоящие

фамилию и имя, терпеливо ожидая, когда тот вручит ему документы.

— Питаться будешь ходить пока на пару со Стефаном, — пояснил комендант. — Тебе место рядом с ним определено в закуске. Обыкнуться треба, а то публика у нас — кальсоны, не снимаю, наизнанку вывернут...

Стефан Иванович вошел степенный, улыбочивый. Ему было заметно за сорок. Ничуть не удивившись присутствию в его комнате коменданта с незнакомым человеком, сказал: «Добрый вечер!», положил на стол журнал в зеленой обложке «Украинский самостийник» и газету с броским заголовком передовой статьи: «Вести с подневольной батьковщины».

— Стефан! — подал он руку Сухарю, расположив его добрейшей улыбкой, в которой трудно было заподозрить наигрыш. — Я о вас уже слышан, Антон Тимофеевич. Идите ужинать.

— Статейку опять пропечатали в «Шляхе», — то ли спросил, то ли выразил свою осведомленность комендант.

— Вы правы, опубликовали, — подтвердил Стефан Иванович, взяв со стола принесенную газету. — Вы читали?

Комендант согласно кивнул и заметил:

— Сидите черт знает где, а все знаете.

Сухарь выхватил под статьей подпись: «Дидык».

— Знание всегда украшает, друг мой, — с интонацией педагога ответил коменданту Стефан Иванович и не без лукавинки добавил: — Но иногда и смертельно подводит. Многознающих, случается, не любят.

«Не так-то он прост и открыт, как мне показалось, — подумал Сухарь. — Надо вести с ним себя поосмотрительнее».

По дороге в столовую Дидык спросил:

— Во Львове давно были, Антон Тимофеевич?

— В прошлом году.

— Так вы же только оттуда, мне скажали?!

— Нет, не оттуда, Стефан Иванович.

Это я решил, будто вы только что из тех краев.

— С чего вы взяли?

— А статья ваша в газете. Вы публикуете вести с батьковщины.

Подхватив Сухаря под руку, Стефан Иванович шепнул ему на ухо:

— Я не был в родных краях, друг мой, с начала войны. А чтобы составить подходящие новости с Украины, достаточно полистать советские газеты, интересный факт пропустить через свой угол зрения, и готово. Фактуры достаточно. Подлинной! Вплоть до обкомовских новостей. Допустим, пропечатали, что поганой признана работа тамошнего секретаря по кадрам, а я поясню: так, мол, и так — царило кумовство да прохиндейство при распределении должностей... За такие грехи не снимать, а судить мало.

— Вы так и пишете, как говорите? —

задел собеседника вопросом Сухарь и увидел мгновенную перемену в его лице: улыбочивую мягкость моментально сменила жесткая строгость.

— Никогда человек не говорит всего, что думает. Тем более, когда пишет, — закруглил разговор Дидык.

Столовая оказалась небольшой. Наверное, для избранных националистов среднего ранга, предположил Сухарь. Но ошибся.

— Это сейчас никого нет, — пояснил Дидык, — поздно пришли. Обычно же такое быдло ходит уродливое, вроде коменданта. Набьется — дух не переведешь. Я вас в ресторан пристрою, здесь же лучше брать сухим пайком.

— Видно будет, — поддержал разговор Сухарь, хлебая жиденький вермишелевый суп и отстраняя на край тарелки темные кусочки моркови, как видно, плохо почищенной. Но и это не укрылось от Дидыка:

— И я брезгую. Но что поделаешь.

— На ресторан у меня денег нет, — признался Сухарь.

— Завтра получите гроши, я выдам на расходы, — пообещал словосхотливый финансист, положил ему в верхний наружный карман пиджака несколько марок вместо аванса и предупредил: — Утром к девяти часам в канцелярию стравимся вместе.

6

ШЕВЧУК с Таисью вернулись из Милыничей во Львов воскресной ночью. Безлюдные улицы спящего города успокаивающе действовали на Александра Агафоновича. Он сам в точности не знал, почему любит эту предраассветную пору, когда усталый и редко удовлетворенный наработанным за день возвращаешься домой, чтобы бесчувственно завалиться в постель и моментально уснуть.

Беспокойная Агафья Емельяновна встретила сына с Таисью накрытым столом, за которым те просидели всего несколько минут, слегка закусив.

Шевчук поинтересовался у Таисьи:

— У тебя нет никаких дел в городе? Может быть, навестить кого-нибудь хочется?

Таисья отрицательно покачала головой:

— Нельзя мне, чекистский дух учуют.

— К Рыси шла — не боялась? А уж у кого и нюх, как не у него.

— Деваться некуда было, пан Шевчук. Да и бумаги Комара выручили. Рысь вам, соображаю, больше других необходим. Не пойму только, почему вы Комара не словили? Возле же его дома кружили. Иль увильнул он от вас?

— Оторвался Комар.

— Сами найдете, — пропела оуновка с хитринкой в глазах, — или пособить?

— Сделай милость! — не отказался

Шевчук. — Наконец-то ты дело говоришь.

— Надо подумать, — тихо и уже серьезно, как бы для себя заключила Таисья, вставая из-за стола.

— Ты куда сегодня из дома... Смотри! — погрозил пальцем Шевчук. — Отдыхай, лечись. Я скоро вернусь. Сегодня как-никак выходной.

... Александр Агафонович действительно не задержался. На пороге встретил мать и по ее виновато-вопрошающему лицу понял, что оуновка исчезла. Он машинально спросил, когда это случилось, но, не расслышав ответа, бросился к телефону, позвонил на квартиру начальника отделения капитану Фоменко.

— Облапошила, стерва! — вырвалось негодуяще у Федора Никифоровича. — Ну что же, отвечать будем вместе, а ты прежде всего. К утру приготовь докладную.

— Одного не пойму, где торчали наши наблюдатели? Перекрыты же были входы и выходы.

— Их сняли, как только вы уехали в Миляничи, — внес ясность Фоменко. — Предупредить тебе следовало о возвращении... Ну и влетит теперь за это!

БОЛЬШЕ ВСЕГО удивляла Сухаря в Стефане Ивановиче подкупающая прямота детская, выражавшаяся в эдаком непосредственном ребячьем смешке, наигрывать который в ходе чрезвычайно серьезного разговора было бы не под силу и профессиональному актеру. Об этом Антон Тимофеевич опять подумал, слушая очередной рассказ Дидыка. В Австрии тот пытался укрыться от огня советских войск, поспешил в подлесок, где должны были стоять немецкие танки, а подбежав к ним, он с ужасом разглядел на шапках солдат красные звездочки. Взахлеб хохоча и показывая щепотью себе на лоб, он еле выговаривал:

— Звездочки красные увидел и со страху рухнул на землю. Вот-те наши! И ну тикать от них, — высоко вскинул он руку, хихикая. — Они, наши-то, по мне автоматной очередью — пули над головой, я на четвереньках в сторону и вперед. Как вскочу, они снова дрь-рь-рь... Еле убер.

Сухарь слушал, улыбался, едва успевая различать "наших" от "чужих". Для ясности уточнил:

— Вы в УПА служили?

— Нет, что вы, — по-дамски махнул ручкой Дидык. — В немецкой пехотной части состоял. В сорок третьем меня призвали. А до этого преподавал в Кракове.

— Вы поляк?

— Нет, я западенец, из Сокаля наша семья. Там жена, двое сыновей. Живы, знаю.

Сухарь замолчал, сочтя дальнейшие расспросы неуместными, хотя его заинтересовала необычная судьба чело-

века, выбравшегося каким-то образом в оуновские верхи.

Тот в свою очередь тоже полубопытствовал, мягко заглянув посланцу с родины в лицо:

— Вы, конечно, из повстанческой армии?

— Нет. Я выполнял специальные задания в тылу Красной Армии по линии абвера, — в армейском духе отрапортовал Антон Тимофеевич, заметив, как многозначительно вытянулось и без того продолговатое с румянцем лицо финансиста.

— Вам легче, — почему-то заключил Дидык и, видя недоумение, пояснил с улыбкой: — Вы дома бываете, а нам уж, считайте, не придется посидеть на родном крыльчке.

— Для нашего брата там много возможностей посидеть за решеткой, так что не ограничивайте свою фантазию.

— Ее, милый друг, давно страх извел. Хотя ничего преступного я не натворил.

Он был, с одной стороны, простолюдин, выбившийся в интеллигентское сословие, который, по его собственному признанию, до войны "вечно ходил голодный". С другой — заимевший поразительное доверие оуновских верхов финансист, владеющий механизмом долларово-стерлинговых подачек, из которых регулярно отсчитывает своими руками жалованье главарям 34 ОУН.

В юности Стефан пас коров у панов, работал обжигальщиком на кирпичном заводе. То время совпало с завершением первой мировой войны, из плена вернулся отец. Стефан получил возможность учиться. Отца чтить за сапожное мастерство, по умению были и заработки. Он купил новую хату в Сокале, а сына Стефана послал в краковскую гимназию, где впоследствии тому довелось и преподавать. Война с гитлеровцами застала его во Львове. Дидык сбежал оттуда в первые дни оккупации, едва начался террор, развязанный украинскими националистами из фашистского батальона "Нахтигаль". Он вернулся в тихий, полюбившийся Краков, где были друзья и работа. Без особых усилий в совершенстве овладел немецким языком и перед призывом в отступающую гитлеровскую армию некоторое время служил в краковской военной комендатуре, выписывал пропуска.

Об этой поре Стефан Иванович скупом упоминал Сухарю после ужина, когда они возвращались на свой теперешний постой. С живостью и охотой Дидык рассказывал о том, как, дезертировав и переодевшись в гражданское, мыкался по Австрии, перебиваясь случайными заработками. Жил в лагере перемещенных лиц в американской зоне оккупации. Овладел английским, довольно скоро смог не только свободно говорить на нем, но и писать. Американцы привлекали его как переводчика на встречи с руководством украинских националистов, где те и заметили соотечественника интеллигентного вида, не ведаю-

щего, что дело имеет с американской разведкой. Тут он и приобщился к финансовым тонкостям, был посвящен в тайны денежных субсидий оуновского освободительного фонда, большая часть которого падала равными долями на английскую и американскую разведку, меньшая — на канадскую.

Эта сторона деятельности Стефана Ивановича представлялась Сухарю довольно правдивой. Настороживало другое: та легкость, с которой приблизило его к себе бандеровское руководство. Это при жесточайшей-то конспирации подпустить к денежному мешку человека со стороны?! Просто невероятно! Хотя, возможно, основную роль здесь сыграл его приход в ЗЧ ОУН через американскую разведку. Но даже если оуновское доверие и снизошло к нему как бы через союзные верхи, разве могли строгие, настороженные люди в ЗЧ допустить излишне смешливого, несерьезного человека к своим важнейшим секретам? Нет, тут что-то не так.

Сухарь решил, что природная слабость не только не мешает Дидыку заниматься ответственным делом, но и служит простецким отвлекающим прикрытием. Без сомнения, не так-то прост этот Стефан Иванович. Но именно возле него Сухарь надеялся просветиться в тонкостях оуновских дел.

На другой день утром они вместе пришли в центр на Цеппелинштрассе, где встретили Ярему. Эсбист увел Антона Тимофеевича к себе в кабинет, довольно уютный и со вкусом обставленный.

— Садись-ка, друже Молоток, — указал Ярема на просиженное кресло возле бездеятельного камина и, обшаривая гостя глазами, предложил: — Плащ-то свой задрипанный сбрось, тепло же.

Сухарь попытался объяснить, как попал к нему захудалый плащ, но Ярема остановил:

— Мне известна эта процедура. Садись давай и рассказывай, какое впечатление на тебя произвел Стефан Дидык.

Сухарь почему-то не удивился такому началу, ответил искренне:

— Разговорчивый слишком, не уловить, куда клонит.

— Что ж, — шевельнулись в улыбке уголки губ Яремы, — это ты верно заметил, что «не уловишь». Он, никак, тебя вызывает на откровение? Так ты поддайся... О Горбуне ему что-нибудь наплети, будто о живом, взгляни, как среагирует. Думаю, они связаны были. Пощупай его с разных сторон. Поручением это моим считай. Продолжай начатое с Комаром. И приглядывайся в таборе. Посвящу тебя кое во что. Вернешься, руководству центрального провода доклад сделаешь, чтобы знали: зверхники ЗЧ важнейшую стратегическую работу ведут. Небывалую!

— Я готов, друже Ярема, — ответил Антон Тимофеевич, понимая, что без активного участия в закордонном

оуновском бытии ему мало что удастся разглядеть.

А Ярема обеспокоил новой вестью:

— Друже Консул распорядился послушать твой доклад о работе центрального провода в условиях возрастающей поддержки ОУН западными странами.

Сухарь оторопел:

— Какой доклад?! Меня не уполномочивали, да и не в курсе я...

— Введем в курс, друже Молоток, — хлопнул его по колену Ярема, — порепетируем с тобой, чтобы солидно гляделся. Вид у тебя для этого подходящий. Твое выступление должно подтвердить активное здоровье ОУН на батьковщине.

— Кому подтвердить, друже Ярема? — ничего не понимал Сухарь. — Вы мне дадите, как я понял, данные, и вам же я их возьмусь докладывать?

— Ах, я не познакомил тебя с аудиторией, — наигранно спохватился Ярема, снова хлопнув собеседника по колену.

— Ты верно уловил: для руководства ЗЧ твоя информация ни к чему. Она рассчитана на других. К ним ни звука не должно дойти об оппозиции, брожении в оуновских верхах, об опаскуживании самого понятия «бандовец». Нет этого, понимаешь? Мы готовимся к борьбе в новых условиях, меняем тактику. У нас ведется огромная работа. Вот что должны будут понять приглашенные из лагерей представители украинских перемещенцев. А особо, скажу тебе, доклад должен произвести впечатление на заинтересованных лиц американской и английской администрации.

Сухарь больше не возражал. Он понял: от этого поручения не отвертеться.

— Теперь идем, познакомлю тебя с друже Бурым, нашим экспертом по СССР. Расскажи ему об истинной жизни на батьковщине, а то он у нас отупел от прочитанного.

Эксперта они застали за широченым столом меж стеллажей с множеством подшивок разноформатных газет. Изогнутый знаком вопроса, худющий, со сползшими на нос очками, он смахивал на жюльверновского Паганеля. Бросив взгляд на вошедших, Бурый продолжал близорукую водить носом по газете и скорописью делать пометки. Однако стоило обоим подойти ближе, как эксперт распрямился и свысока оглядел того, кто станет его просвещать.

С первых минут знакомства с экспертом Сухарь испытал стыдливую неловкость. Он даже подумал, что Ярема привел его сюда словно бы в насмешку — показать, как основательно осведомлены оторванные от родины сотрудники ЗЧ ОУН о жизни в Советском Союзе и в мире, особенно в германском вопросе.

— Растолкуй, друже Молоток, — предложил Ярема, — по каким соображениям Хрущева посадили Председателем Совмина Украины, а Кагановича — секретарем компартии республики? Как на батьковщине референты по пропаганде смакуют верховодство над украинским народом жида с москалем? Это же убийственная фактура для нацио-

нальных чувств! Это ж надо — не нашлось ни одного достойного какого-нибудь Охмуренки или Попенки, которого бы допустили к высшей власти в родной хате!

Сухарь не сдержал смешка, но быстро взял себя в руки, ответил:

— Я, друже, не голосовал за советских верховодов. Ну а пропаганда на этот счет, скажу вам, слаба что в центральном проводе, что в низах. Зачахла она после гибели нашего главного агитатора Жоги. А вообще мне трудно отвечать не за свой профиль работы. Комар загонял меня по делам контрразведки так, что советские газеты лишь урывками читал. А вы, друже Бурый, вижу, спокойноенько обложились ими, смакуете информацию.

— Контрпропаганды без смака не бывает, — отозвался эксперт.

— Так это ваше кровное дело. А меня чего пытаете? — посмелее продолжал Сухарь, приметив любопытное внимание Яремы к их разговору.

— Мне пытаете тебя нечего, друже Молоток, — примирительно заговорил Бурый. — Мне в самом деле охота послушать свежего посланца с батьковщины. В газетах разве найдешь, как наш брат, бандеровец, готовится отметить тридцатилетие радянської України?

Подумав немного, Антон Тимофеевич рассудительно заговорил:

— Браты из числа дураков, думаю, в предпраздничные дни посрывают развешанные красные знамена, понашлепают противосоветских листовок, наверняка подстрелят кого-нибудь, разгромят клуб на селе, подтверждая, что они хулиганье или того хуже — бандиты.

— Ну, а умные братья что? — оживился Ярема.

— Толковые бандеровцы, — подхватил Сухарь, — они еще до того, как большевики вывешат флаги на домах, задолбят окружение разговором о том, какие расчудесные блага за тридцать лет Советы ниспослали на Украину. Тут просто на выбор фактов. Соображай! Терпеливо работать нужно, авторитетно, а не наскоком, так я разумею.

— Ты развивай, раскручивай свою мысль, — теперь уже выразил нетерпение эксперт Бурый.

Вопросительно глянув на него, Сухарь пожал плечами:

— А чего развивать-то? Важно окружающим толчок дать для размышлений в желательном для тебя направлении. А дальше пусть сами кумекают, ты свое дело оделай, можешь для отмазки прилести свежий анекдотик или сообщить приличную новость, вроде отречения короля Румынии Михая Первого от престола.

— Чего мелешь? — не поверил Ярема, вопросительно взглянув на Бурого. Но тот не проявил осведомленности. И тогда эсбист присел к столу, попросил:

— Какие там еще свежие новости? Расскажи. Запаздывают к нам вести.

— Так и мои уже устарели, — Сухарь старался хотя бы что-нибудь вспомнить

из недавно прочитанного в газетах, и вдруг у него всплыла не последней свежести весть: — В Нюрнберге судят Крупа, в Лондоне министры иностранных дел антигитлеровской коалиции рассматривали вопрос о подготовке германского мирного договора.

— Германский вопрос можешь не задавать, нам о нем все известно, даже больше. Лондонская сессия сорвалась, — перебил Ярема. — Нет ли у тебя любопытнее чего? Мне донесли, будто в Союзе готовят денежную реформу и отмену карточек. Сомневаюсь, но кто знает. Словом, не дай-то Бог! Это сильно осложнит нашу борьбу. А ты как считаешь, друже Молоток?

— Первый раз слышу, — искренне признался Антон Тимофеевич.

Ярема глянул на часы, резко поднялся и вышел из комнаты, побеседовав через минуту вернуться.

Он прошел в кабинет Консула и начал доклад, еще не успев прикрыть за собой дверь:

— Сгодится этот Молоток, увесистости только надо попридать. А так — типичный экземпляр нашего среднего звена. Сообразительный, даже с горюшком, но сдерживается.

— Проверку твою выдержал, выходит, — иронически щурясь, заключил Консул. — Принять друже Молотка сейчас не смогу, у меня скоро важная встреча на Вильгельмштрассе... Сделаем так. Через пару минут выходи с ним. Я столкнусь с вами на лестничной площадке. На ходу познакомлюсь и переговорю.

Консулу нравился фактор неожиданности. Тонкий психолог и необычайно чувствительный к поведению, интонации голоса нового знакомого, оуновский главарь давал безошибочную оценку способностям интересующего его человека, про себя отмечая меру доверия к нему.

Ничего не подозревавший Сухарь, на ходу надевая плащ, поспешил за Яремой и чуть было не налетел на вышедшего из противоположной двери коренастого человека в кожанке и темной шляпе на крупной голове. Его строгий цепкий взгляд Антон Тимофеевич сразу же подметил.

— Не считите за покушение, друже Консул, — шутливо произнес Ярема и подтолкнул посланца центрального провода. — Представься, друже Молоток!

Сухарь щелкнул каблучками:

— Слава Украине!

Консул подошел ближе, заглянул в глаза и сам подобрался, слегка втянув округлый живот.

— Героям слава! — ответил, как подтвердил, и, коснувшись плеча Сухаря, спросил в упор: — Как вам у нас показалось? Первое впечатление ценно.

— Дома лучше, — подвигл откровенной прямотой Сухарь, но тут же счел необходимым смягчить наступившую неловкость: — А первое впечатление, прямо сказать, доброе. Свободное, без оглядки, передвижение, нормальное жилье и условия для работы...

Они потихоньку вышли на улицу, которая называлась, Сухарь это запомнил, Цепелинштрассе, и теперь он заметил на доме крупные черные цифры "57".

— Что это он в таком гадком плаще ходит? — спросил Консул Ярему. — Одените по-человечески, не срамите свою нацию. Сегодня же купите пальто.

— Можно хоть сейчас, — сказал Ярема.

Консул послал его за Стефаном Дидьком, а сам с Сухарем сел на лавочку под кленом, еще сохранившим реденькую покрасневшую листву, и, не теряя времени, заговорил о деле:

— Вас посвятил дружке Ярема в надобность прочитать нашей аудитории доклад о положении и новой тактике ОУН на батьковщине? Я распорядился сработать вам текст. Что найдете нужным вставить, согласуйте с Бурым. От вас требуется уверенность и солидная подача материала. Устные вопросы, на которые не сможете ответить, обрубайте коротко: не уполномочен! Ярема, Бурый тотчас вклинятся, не тушуйтесь. И помните, я счел нужным дать вам это поручение для вашей же устойчивости.

— Постараюсь, дружке Консул! — искренне вырвалось у Сухаря, понявшего непостижимое: он входит в доверие к самому Бандере. Было ради чего поустраивать.

— Вы меня не заверяйте, а делайте что надо. Не нравятся мне ваше "постараюсь", необязательностью оно отдает: то ли будет, то ли нет. Старайтесь понравиться мне.

Стефан Иванович суетливо спешил за Яремой и, казалось, даже собирался его обогнать. Лицо у него было озабоченное, вопрошающее.

— Сколько марок стоит приличное демисезонное пальто вот на него? — не взглянув на Дидьку, Консул указал рукой на Сухаря.

Стефан Иванович был в курсе цен не только там, где жил, но и в Австрии, Польше, Чехословакии, даже во Франции и Англии, куда ему по финансовым делам приходилось выезжать.

— От ста до ста шестидесяти марок, господин Консул, — моментально ответил финансист.

— Давай отсчитывай сто шестьдесят и — свободен, — распорядился Ярема, но не успел Дидьк достать деньги, как Консул внес поправку:

— Поскромнее, братья! Сто марок отсчитайте, Стефан, на пальто, шарф и кеги. Договорились? — и он обратился к Сухарю: — Готовьтесь к субботе.

7

ПЕРВЫЙ РАЗ на Волыни Василий Васильевич собрался в театр. Но буквально на пороге собственной квартиры его перехватил дежурный по управлению госбезопасности и доложил, что по сообщению из Львова связ-

ная краевого эсбиста сегодня утром сбежала с квартиры сотрудника Шевчука. Предполагая, что беглянка будет стремиться на Волынь к своей малолетней дочери, находящейся на содержании у бабки Василисы в селе Порфирьевке, львовские чекисты просили принять неотложные меры к задержанию оуновки, способной помешать розыску эсбистов Комара и Рыси.

Сбросив с себя галстук, Василий Васильевич взялся за телефон, и пока его соединяли с Чуриным, он крыл все и всех:

— Принять неотложные меры!.. Что же вы там чесались с утра? Рассчитывали, что вернется бандеровка? Как же, ждите! Черт бы вас побрал! Мало того, что Комара упустили...

Наконец отозвался Чурин. Подполковник Киричук дал указания:

— Дело срочное, Анатолий Яковлевич. Разыщите Проскуру, если он вернулся с объекта, и давайте живо в управление.

Бегство Таиськи поставило под сомнение показания оуновки, что в свою очередь заставило несколько иначе взглянуть на подозрительные перемещения бабы Параси и подростка в Милянчихах, ставших связными, вполне возможно, лишь благодаря... чекистской фантазии.

Допуская все это, Василий Васильевич внутренне противился самой мысли о возможности ошибки. Он достаточно хорошо знал и тонко чувствовал приемы и методы оуновской работы. Постой Рыси в Милянчихах раньше Таиськи указал на допросе Хмурий. Хозяйка хаты, где в одиночестве скрывался Рысь, не могла не использоваться для связи... И тут Киричука осенила мысль: не застала ли Таиська на постое Рысь, не выложила ли ему все о провале и не научил ли ее тот, как действовать дальше? Сам же эсбист, вполне вероятно, с ночной темной оставил свое прибежище и теперь — ищи-свищи его.

Но и к этому варианту не лежала душа. Первоначальная версия брала верх. И когда Киричук явился в управление, у него не возникло поправок к проводимой работе: в Милянчихах по-прежнему присматривали за хатами бабки Параськи и подростка, а также за участком рощи с тайником. Однако появилась экстренная необходимость предупредить работающих в Милянчихах сотрудников о возможности появления худенькой, хворой на вид женщины по прозвищу Таиська, которую следует без промедления задержать. Требовалось также срочно послать Проскуру в "обжитые" им края, в Порфирьевку.

Проскуру Чурин не застал дома. Тот заскочил переодеться и снова отправился в Милянчихи.

— Давайте еще раз потолкуем с Хмурым о Рыси, — предложил Анатолий Яковлевич Киричуку. — Может, что-то и проклянется. Должен же краевой провизник знать ближайшее к Милянчихам прибежище своего эсбиста.

Арестованный вошел в кабинет, щуря сонные глаза и шевелия широкими бровями. В руке он держал маленький, исписанный с одной стороны листочек, который положил на рабочий стол подполковника.

— Вот вам обещанное, — сказал он спокойно. — Занесите в мой актив собственноручное показание о канале связи. До нового года он действующий.

Предложив оуновцу сесть, Киричук спросил:

— Куда бы Рысь мог уйти в случае опасности?

Проводник задумался, глядя в окно, ответил нескоро:

— Вероятно, ушел в зимний схрон. Пункты его передаточной связи я знать не могу. Пожалуй, упустили вы его.

— Неужели ни единого его схрона не знаете? — вступил в разговор Чурин.

— Прошлогодний зимний мне известен, только не пойдет он туда, побоится, что выдадут. И далеко он, аж около Львовщины, под Журавниками. Впрочем, как знать...

— Вы можете показать, где? — решил без промедления действовать Киричук. — Тогда через тридцать минут мы выезжаем.

— Кто же поедет в Порфирьевку? — спросил Чурин, когда Хмурого увели.

— Вы, Анатолий Яковлевич, кто же. И возьмете с собой двух сотрудников.

— А в Миляничи? — только и успел произнести Чурин.

— Отправляйтесь, хлопотливый вы человек. Я с оперативной группой прямехонькой дорогой через Горохов к схрону... На пути, как известно, и Миляничи. Загляну на полчаса в группу Проскуры. Так что все нормально. Работать со связниками Рыси начнем, как намечали, завтра.

ВСЕ ХЛОПОТЫ по поимке сбежавшей Таиски легли на волынян. Из львовян заниматься ею было некому, да и знали о ее существовании единицы. Опознать оуновку на улице мог один Шевчук. Но не метаться же было ему по городу в надежде нечаянной встречи?

Тяжело переживал Александр Агафонович свой промах. И все-таки в нем целиком не умерла надежда на возвращение Таиски. Но прошел день, другой, третий. Волынь молчала, обстановка в отделе вокруг Шевчука накалялась.

Единственный, кто морально поддерживал его, оказался, как ни удивительно, Федор Никифорович Фоменко. Огромный, кажущийся из-за пышной шевелюры еще выше ростом, всегда озабоченный, а потому выглядевший слишком строгим, даже угрюмым, он на самом деле был душевнейшим и веселым человеком, что подчеркивал смешливый курносый нос, вздернутый над мясистыми губами. Рассерженный Фоменко, бывало, не утруждал себя подбором благозвучных слов, но через

минуту-другую уже совершенно миролюбиво обращался к отруганному. Не изменил он себе и на этот раз: "Саша, ты трудись давай..."

— А я что делаю? — оторвался от бумаг Шевчук.

— Вижу, дело листаешь, а в голове у тебя свербит мысль: "И зачем только я в это гэлэу служить пошел? И чего мне не работалось на заводе?". А что бы ты там сейчас делал-то? Свои любимые танки испытывал? Так страна уже на мирную продукцию перешла, а тебе боевая работа потребна. Такая, как у нас. А в ней, брат, всякое случается...

Вечером следователь особой инспекции, которая занималась проступками сотрудников госбезопасности, пригласил Шевчука к себе. Напутствуя его, Фоменко одобрил:

— Шагай смелей, ты имел право на самостоятельное решение, которое я, твой непосредственный начальник, одобрил. Был расчет. Оуновец в отношениях с нами должен знать, что мы ему можем доверять. Но, доверяя, проверяй на каждом шагу. Тут мы промахнулись.

— Так она же без подвоха обещала дать мне Лукеру...

— Дать... Лукеру... Фитиля нам с тобой на пару дадут. Выходит, не все тебе достанется. Уже легче.

ПЕРВЫЕ ДНИ Сухарь провел в просторном кабинете эксперта Бурого. Они терпеливо шарили глазами по газетам: один — по советской периодике, которую покупали в мюнхенском магазине при американской коммандатуре — янки делают бизнес буквально на всем; другой — по оуновской печатной продукции на украинском языке, тиснутой в подвале здания на Цеппелинштрассе, 57, где ЗЧ ОУН снимала два нижних этажа. Внимание Сухаря привлекла "Библиотека украинского подпольщика"; брошюры обыкновенного формата и уменьшенного — со спичечный коробок. Бурый пояснил, что микроформат предназначен для отправки "до Радянского Союза". Во всех материалах расписывались подвиги бандеровцев так, что можно было подумать, будто оуновцы вышли победителями из минувшей войны.

Отвращение вызвали у Антона Тимофеевича и переданные ему для предстоящего доклада тезисы Бандеры, заканчивающиеся дикой мечтой: "Наша влада повинна бути страшної", ("Наша власть должна быть страшной").

Чуть ниже стояла приписка, сделанная, как видно, Яремой, потому что от него Сухарь слышал венчающее текст утверждение: "Война еще идет и будет продолжаться".

Каждый день к ним наведывался Упырь. Он важно входил в комнату, стараясь держаться посолоннее, но у него из этого ничего не получалось, брала верх природная, да и служебная слабость — во все совать нос. Потому и вел

он себя импульсивно: то важничал, то, как пацан, суетился, всюду лез, высматривал. Вот и сейчас он сперва равнодушно глянул на газету, лежавшую перед Бурым, но, увидев исписанные Сухарем листы, изогнулся, сморщил лицо, напрягая зрение. С трудом разбирая крючковатый почерк, он небрежно взял плотные листы бумаги, просмотрел концовку записи и отложил с упрямом:

— Много лирики, ты крови больше пусти, чтобы на нюх людям попала. Чтобы в драку их потянуло, а не на жратву и спанье.

Бурый спросил:

— Ты сколько в своей жизни убил-то, друже Упырь? Не зря же такой псевдоним себе избрал?

— Да не знаю, — равнодушно, без рисовки ответил тот и пояснил: — Первый раз пятерых, второй — троих. А потом... Много, наверно.

Неприятное, муторное чувство снова овладело Сухарем. Схватить бы этого недолюдка за тонкую шею и разом переломить ее...

Бурый, отложив записи, вышел. Не нравились Сухарю его отлучки. Вчера эксперт вот так же оставил сейф открытым, а сегодня вдобавок выставил и не убрал какую-то картотеку в узком фанерном ящике. Все больше убеждая, что его проверяют, Антон Тимофеевич отошел в сторонку, заподозрив, что теперь за ним наблюдают через замочную скважину, осторожно вдоль стены приблизился к двери и резко толкнул ее.

— Ой, как это я вас... — запричитал Сухарь, стремясь помочь подняться незадачливому эксперту.

... Откуда Стефану Ивановичу стало известно о случившемся, Сухарь не знал. Он не сразу понял и причину развеселости квартирного напарника, пока тот пальцами не изобразил шишку у себя на лбу и не проговорил:

— Бурый. По делу схлопотал... Как ваш доклад, komponуется?

— Обрастает деталями, лозунгами, афоризмами.

— Тогда терпимо. Мне очень не повезло с первым и, слава Богу, последним своим докладом. Осрамился я с ним в Англии.

— Неужто? А что вы в Британии забыли?

— Гроши! — не задержался с ответом Дидык. — Месяц ездил: Лондон, Глазго, Ливерпуль, Манчестер, Ковентри. Имел адреса украинских поселений, еще дореволюционных, по ним прессу из Мюнхена высылали. А оплачивать там забывали. Ну вот я шевелил. Без звука перечисляли фунты стерлингов в лондонский «Центральный украинский вестник», — ихнюю плохонькую газетенку, а те английскую валюту оборачивали в марки и пересылали в Мюнхен. Друже Вашка несколько дней сиял весь: не ожидал, что такую сумму выколотим.

— Кто такой Вашка? Я уже слышал

здесь это имя, — заинтересовался Сухарь.

Дидык шумно вздохнул, как бы переводя дух. Но от Антона Тимофеевича не укрылось, что пауза нужна ему совсем не для того. Финансист напряженно соображал, что можно открыть, а что нет.

— Друже Вашка — хозяин, денежный человек волею судьбы. Дом, в котором мы работаем, на него записан. Не весь, правда, первые два этажа с подвалом. Наверху немцы... Газеты он прибрал к рукам, статьи наши пристраивает в иностранной прессе, а гонорар на себя числит. С ним Бурый на ножах. А на мне как поднажился: липовые отчеты представляет, уверяя, что за то платил, за другое подмазывал. Каждый месяц в два-три раза больше получает, чем жаловано: до шестисот марок! Да еще бахвалится — дача у него на берегу Дуная.

— Ну, а как наши в Англии живут? — очень захотелось узнать Сухарю.

— Живут... — кисло протянул Стефан Иванович. — Ребятишки родного языка не знают. Да и взрослые, которые побогаче, балакать со мной не могли, только по-английски и изъяснялись.

— О чем же вы им доклад делали? — допытывался Антон Тимофеевич.

Дидык снова оживился:

— Да о том же, о чем и вам поручено. Предложили, когда я в Гамбурге на пароход садился. А что я знаю об ОУН, о сложившемся положении?.. Плел что-то, запинался. Мне в вину поставили, будто говорил, что оуновцы не столько борются, сколько занимаются показухой да имитацией, — хихикнул он. — Меня и отозвали.

— Да как же это вы? — не очень-то на этот раз поверил финансисту Сухарь. — Это вам-то нечего сказать об ОУН соотечественникам?

— Нечего, представьте, — подтвердил Стефан Иванович. — Я тогда только начал в центре работать, ничего оуновского толком не ведал. Как понимал, так и бухнул людям. Прибили бы меня, ей-богу, за посрамление ОУН. Спасло то, что я у них и в членах-то никогда не состоял. Пожалели. Упырь все лето с издевкой просвещал. К осени только и отстал.

Сухарю понятнее становилась личность его незаурядного знакомого, с которым, настанет время, можно будет поработать предметно, учитывая прорывающуюся тоску по дому, семье и эту удивительную непричастность к членству в ОУН. А главное — в людях 34 годового провода ОУН Стефан Иванович, судя по всему, разобрался основательно. В этом Антон Тимофеевич видел редкостную пользу для себя.

(Окончание следует)

Александр ПУПКОВ

ТРИ ЭТЮДА О ЛЮБВИ

Александр Пупков во внутренних войсках прослужил два года срочной службы да потом еще около восьми лет — прапорщиком. За это время закончил заочно вуз, получил диплом инженера-электроника, пошел работать в «оборонку».

Пишет стихи, рассказы... Как с публицистом с ним уже знакомы читатели нашего журнала (№ 1 за этот год). Сегодня мы предлагаем серию его рассказов из цикла «Жизнь по распорядку дня».

1. Анонимный опрос

Большими друзьями капитан Юдин и старший лейтенант Брошин не были. Закончили одно военное училище, правда, не одновременно, а с двухгодичным уступом, близко познакомились на футбольной площадке, три-четыре раза вместе сходили в увольнение, Юдин товарища даже со своей девушкой познакомил, Леной, но потом так получилось, что не заладились дела сердечные у Юдина, и перестал он по выходным и в город рваться, и со спортом завязал...

В общем, снова встретились они уже тогда, когда Юдина назначили помначальника штаба и в этой должности он отправился в первую командировку по подразделениям части.

На стрельбище встретились. Взвод Брошина только-только отстрелялся, между прочим, лучшие в роте результаты показал, и капитан как представитель командования просто обязан был взводному доброе слово сказать. Подошел, глядь — старый знакомый. «Привет, Володя!» — «Привет, Саша!» — «А помнишь?..» — «А помнишь?..» Ну и

пошло слово за слово: под сигареты в поле, под чай в роте, под пиво в гостинке, где Саша Юдин остановился. Вернувшись домой, Юдин сказал жене:

— Знаешь, кого я встретил? Брошина Володю, помнишь?

Лена помнила:

— Еще бы! Он мне такое о тебе наплел!.. Мы ведь после этого с тобой чуть ли не на веки вечные распрощались. Когда я поняла, что он все врал, то специально пришла и спросила: для чего? И знаешь, что он ответил? Что врал из-за великой любви ко мне, а великая любовь все прощает. Я дала ему пощечину.

— Мы были тогда неразумными пацанами, — сказал Юдин. — Ты прости его...

Больше они к этой теме не возвращались.

И вот Александр второй раз приехал в роту, где служит Брошин. Дел у него и по своему направлению куча, а тут начальство навязало еще поручение — провести анонимный опрос личного состава по одному вопросу: «Как вы оцениваете профессиональные и человеческие качества своего командира?»

Эта задумка пээнша не больно нравилась: лишние бумаги плодятся, и все. Но поскольку приказы не обсуждаются, а выполняются, то капитан, расставив личный состав роты, дал каждому листок и объяснил, что в нем надо написать. Хоть опрос и анонимный, но желающие могут оставить автограф под словами о том, кто есть для них их командир взвода. Солдаты писали,

Юдин складывал их листки в папки — для каждого взвода отдельная папка, — и этим бы дело закончилось, если бы вечером не пришел к нему в гостиницу Брошин. Принес низку чехони и пиво. О чем могут беседовать офицеры под пиво с рыбой? Конечно же, о службе.

— Сась, дай взглянуть, что там мои написали-то.

— Зачем? Я же, Володя, солдатам пообещал, что никто из местных офицеров их записи не прочтет.

— Ладно тебе, не генералам же обещал... И потом, скажи, ну какая польза будет от этих строчек в полку? А я ценную информацию получу, узнаю, как Карнеги пишет, в каком направлении надо себя совершенствовать. Ну?

— Ладно, — согласился с его последним доводом Юдин. — Только тогда и мне уж позволю почитать.

Из четырнадцати папок — в стольких взводах он провел анонимный опрос — отыскал нужную, разделил листки примерно на две равные части:

— Читай. Потом поменяемся.

Первая же запись ошеломила капитана.

“Наш командир взвода способен на подлость. Как-то он предал своего товарища, а это уже о многом говорит... И все, и точка. Он взял второй листок. “О каких человеческих качествах взводного можно говорить, если он оклеветал своего друга ради того, чтобы выглядеть лучше в глазах знакомой девушки?”. Третий листок: “Наш взводный — дерьмо”. Четвертый, пятый — такие же...”

Юдин отложил стопку отобранных записок в сторону, потер лоб, взглянул на Брошина. У того покраснело лицо, кривой злой змейкой пролегли губы. Значит, и у него то же самое.

— Пойду-ка и у дежурной чаю попрошу, ты посиди один, — сказал Юдин, вышел из номера, прошел в холл и опустился там на диван. Вот так история! Как же солдатам стало известно то, что случилось давным-давно, еще в курсантской жизни их командира? Ведь сам Юдин узнал об этом от Лены и никому ничего не говорил. Да и что говорить-то? Тогда они действительно были пацанами и, конечно же, изменились с тех пор.

Брошин сейчас все прочтет и наверняка подумает, что о случившемся когда-то всем растрепался он, Сашка. И наверняка спросит, зачем. Как ему объяснить, что Юдин не способен на это, что если даже тогда, в училище, он перетерпел, перемолчал, ни словом не упрекнув Владимира, хотя и догадывался, отчего не хочет больше его видеть Лена, то сейчас и вовсе ни к чему старое помянуть? Как?

* * *

Брошин дочитал последний листок и прямо из горлышка выпил бутылку пива. Вот же гады, подумал Брошин, каждый мой шаг у них на контроле. Об училище он и не вспомнил. Давно это было — училище. А месяца два назад к ним на КПП пришла Василиса-краса, ну прямо из сказки красавица. Он просто обалдел, глядя на нее. Та и рта не успела раскрыть, а он уже и в кино ее пригласил, и на танцы. И сам себе сказал: пора кончать холостяцкую жизнь, вот та, которая украсит твое существование! А Василиса ему в ответ: я, мол, невеста Вовы Кочеткова, приехала с ним повидаться за тысячу километров”. Пара ли она мямле Кочеткову, тому, которого чуть не уекли на “губу”, за сон на посту, который даже по команде “Смирно”, в носу ковыряет, в которого солдаты по ночам подушками бросают — храпит на всю казарму? Пара ли? Ну и открыл он девчонке глаза на женишка...

* * *

Я дам ему слово офицера, подумал Юдин. Он должен верить, что я просто не мог поступить непорядочно! В конце концов, если полковое начальство, читая анкеты, начнет возмущаться, я все ему объясню. Объясню, что это было давно, что я причастен к этой истории, что Брошин еще тогда наверняка понял свою ошибку...

* * *

Нет, невеста Кочеткова тут ни при чем, решил Брошин, ведь в записке же написано: оклеветал друга. Кто назовет рядового Кочеткова другом старшего лейтенанта? Нет, это... Это имеется в виду случай с Легашовым, командиром третьего взвода. Да, тут действительно нехорошо получилось, подставил его Брошин. Но потом же тет-а-тет объяснился, извинился: мол, пойми, лейтенант, мне капитана получать надо, меня прочат на должность ротного, так что уж прими на себя мой грех... Неужели Легашов болтуном оказался? Или опять-таки не в Легашове дело? Ведь была же, причем недавно, у него стычка с офицером из соседней роты... Правильно, ведь в записках написано, что из-за девушки скандал вышел, а Легашов — это чисто служебная история. Из-за девушки как раз со старшим лейтенантом Ахматовым он поссорился. Ахматов должен был дежурным по городу заступать, но потом все переиграло, и повязку дежурного надел он, Брошин. И когда поздним вечером на КПП позвонила девушка Ахматова, то он с ней минут двадцать говорил, и так, что та теперь и на пушечный выстрел не

подойдет к своему колченогому хлыщу...

Через день Ахматов чуть ли не с кулаками на него полез, но уж лучше было бы от него синяк получить, чем читать такое. И ведь не один Брошин прочтет. И не только Юдин даже. Наверняка сам командир части захочет узнать, какие у него командиры взводов. Тогда — плакала четвертая звездочка на погон и новое назначение... Чего-то срочно придумывать надо...

Нет, нет, уж коли он, Юдин, замешан в этой истории, то в стороне не останется. И пояснение по запискам даст, и расскажет, что видел, как Брошин занятия проводит, службу организует. С этим у него ведь все нормально, не лучше и не хуже, чем у других. И нельзя человека наказывать за старую ошибку, нельзя!

И все же, почему солдаты так ополчились против взводного? Можно подумать, что речь в записке не о Брошине идет, а о старшем лейтенанте Хожяеве, из другой роты. Тот действительно пьяница, бабник, на подчиненного руку поднять может. И, не задумываясь, предаст товарища. Ждет его суд офицерской чести и увольнение из войск...

Стоп! Так вот в чем дело...

Это единственный выход, единственный. Главное — на каждой странице надо хоть чуть-чуть менять почерк. И писать пастой разного цвета. Хорошо, что есть шариковая трехцветка. «Наш взводный — нормальный офицер, я бы пошел с ним в разведку...», «Мне нравится, как он проводит занятия...», «В выходные дни он всегда организует культурные мероприятия...». По две-три строчки — и хватит. Успеть бы до прихода Юдина все сделать. А не успею — придется объясняться. Он должен понять. Да и что ему останется делать, если я все записки опроса порвал, сунул в свой кейс и, конечно же, не отдам ему?! Он порядочный человек, он меня не «сдаст»... Все, последний листок...

— Володя, я осел, Володя! Понимаешь, две папки были одного цвета, я и перепутал! Эта — из другой роты, со взвода Хожяева. А твоя — вот она твоя!

Он вытащил папку из портфеля и держал ее так, словно взвешивал на ладони.

— Ну ты даешь! — Брошин покрутил головой и зло добавил: — Из-за таких ошибок и под трибунал невинного подвести можно.

— Ну виноват я, виноват! И никакого трибунала теперь не будет. Что, посмотрим папку, а?

— Да нет, — сказал Брошин и сунул дрожжащие руки в карманы. — Не надо.

— И правильно, Володя.

Когда Брошин возвращался домой, то думал: надо бы при встрече содрать с этого Хожяева бутылку. Может, я его от беды сегодня спас. Да нет, бутылкой за это он не отделается!

Откуда же было знать старшему лейтенанту, что все материалы анонимного опроса, привезенные из командировки капитаном Юдиным; будут успешно забыты всеми и через пару месяцев выбросят их за ненадобностью в костер. В костре польза от бумаги была великая: никак не хотели разгораться сметенные в кучи прошлогодние листья.

2. Сватовство

У КАЖДОГО хорошего человека все же есть какой-то недостаток. То ли пьет хороший человек, то ли скандалить любит, то ли слишком пристально вглядывается в проходящих женщин...

У Гоши Гошевича было сразу два недостатка. Кушать любил Гоша Гошевич безмерно. Уставь ему стол яствами, приди через полчаса — убирать ничего не надо, кроме косточек; тарелки — и те до блеска хлебными корочками вылизаны. И еще он врать любил. Или, скажем точнее, привирать. Никому не во вред, а так, ради смеха-ухарства. Если, к примеру, спросишь, почему у Гоши Гошевича шрам под левой лопаткой — длинный такой, неопрятный, — он и глазом не моргнет: «Бандитская пуля». А пули никакой и не было. Была заточка, которую зек метнул в часового, когда тот спускался с вышки. Не купился часовой, не захотел за деньги и за подарки сделать так, чтобы в зону попала посылка. Хорошо, что весна тогда только наступала, в шинели солдат был, и шинель эта смягчила удар...

Гошу Гошевича после случившегося перевели в другую роту, перед «дембелем» предложили на сверхсрочную остаться, тот остался, в то же лето посту-

пил заочно на истфак, и вот уже два года как он контролер, студент и первый жених на деревне. И поверьте, не только потому, что парней на деревне этой раз-два и обчелся. Гоша Гошевич действительно умница, а вышеперечисленные недостатки его даже украшают как жениха. Ну какой же девушке не понравится, что любое ее кулинарное изделие будет поглощено так, словно оно действительно не просто съедобно, а отвечает всем требованиям рецепта из книги о вкусной и здоровой пище?! И какие же хорошие слова услышит она после этого в свой адрес... А если кто ей в эту минуту скажет, что это все врет Гоша Гошевич, то она только ладошками всплеснет: "Пусть все так врут!".

Ладно, хватит общих слов, я хочу поближе познакомиться с прапорщиком Георгием Гошкиным, которого ну буквально все называют... Впрочем, вы уже знаете, как его называют. Вот он сидит в курилке на скамеечке, видите? Нет, слева — это прапорщик Линников, такой же обычный, как и все мы, ничего в нем примечательного и удивительного, и я побыстрее советую вам взглянуть на того худого высокого типа, который рядышком. Длинная шея, кадык треугольником, две черносливины глаз, по-девичьи припухшие губы. Кроме шуток, красивый парень.

— Гоша Гошевич, а что тебя комбат вчера вызывал?

— В военное училище предлагал ехать. На экстернат. Говорит, командиру части скоро на пенсию, а заменить некем, не хватает талантливых офицеров. Два часа упрашивал.

Нет, Линников тоже примечательный и удивительный. Он откидывается на спинку скамьи и недоверчиво смотрит на товарища. Он вроде и догадывается, что Гоша Гошевич шутит, но не поймет, в чем именно заключается шутка. С одной стороны, командир у них действительно пенсионного возраста, с другой — Гошкин действительно в училище собирается... А третью сторону Линников постичь не может, потому задает наводящий вопрос:

— И что ты?

— Думаю вот. Холостым меня на такую должность не назначат, понимаешь? Потому жениться срочно надо. А на ком? Две кандидатуры: или бабка Резникова, которая вдовая с шестьдесят четвертого года, или Маша Макеева.

— Макеева? Не-ет, — трясет головой Линников. — У нее же предки сумасшедшие! Только принца ей хотят найти, не ниже. А она сама — тоже принцесса, ха! Шапокляк в молодости.

— Бабка Резникова, думаешь, лучше? — вполне серьезно спрашивает Го-

ша Гошевич, но тут же не соглашается с этими словами. — У бабки самой кушать нечего, меня ей не прокормить. А там — полон двор кур да гусей. А это мечта моей жизни, Линников: сесть за стол и целиком слопать жареного гуся. Мне в жизни, может, вообще больше ничего и не надо. И потом, Линников, поздно выбирать: я уже приглашен на смотрины, сегодня вечером иду на торжественный прием и просто не имею морального права отказаться от Маши, если ее родители дадут добро.

— Как не имеешь? Влип, что ли? У вас с ней было что, да?

— Да. Я два раза держал ее за руку и один раз хотел ее поцеловать. Этого, Линников, вполне достаточно для высококонрастных, одухотворенных личностей, сечешь?

Линников понимал его с трудом. Он сам женился, лишь когда его Полина была на пятом месяце беременности, гордился тем, что поступил честно, и был почему-то уверен, что если бы он свою будущую жену только держал за руку, то никто бы не мог и заикнуться о каких-то там моральных обязательствах.

— Гоша Гошевич, обработают они тебя, как... Не упустят, чует мое сердце. Ты не ходи, а?

— Обработают, — согласился тот. — Мне уже донесли: борщ будет с курицей, гуся жарят, пирог...

Глаза его при этом еще более сливаются, туманятся романтической дымкой. Так получилось, что происхождения он чисто пролетарского, ни в одной российской деревне родственников у него нет, и рассчитывать на сельхозпродуктовую помощь оттуда никогда не приходилось. Синие цыплята, которых иногда продавали в их городке, мама умудрялась как-то делать цыплятами табака, и это были самые вкусные деликатесы, которые в своей жизни пробоval Гоша Гошевич.

— Ты, друг... Ты не продайся там за кусок мяса... Ты же... Она же... Она тебя домой не тащила, когда ты просто прапором был, а когда узнала, что в училище едешь... Друг, да неужто ты действительно на ней женишься, а?

— Сие уже решать не в моей власти. Есть Макеевы-старшие, есть Маша...

— Шапокляк, — кривится Линников так, словно хочет заплакать.

Теперь, как в киноленте, вырежем несколько кадров и перенесемся сразу в сад Макеевых, где под тучной яблоней стоит добротный стол, а за этим столом сидит добротный хозяин, ну такой добротный, словно он вызрел на этом дереве, налился соком и красками и аккуратненько, на парашюте, спустился с ветки на стул. По правую руку от него восседает хозяйка, поверх дорогого

платя — дорогой китайский халат с драконами, поверх халата — цыганское золотое моностро. . . В общем, женщина с претензиями, в деревне все знают, что в девичестве она хотела поступать в театральный институт и до сих пор гордится этим своим хотением, успешно закончив районные курсы продавцов. Маша сидит от отца слева. Линников, конечно, неправ, вовсе она и не страшненькая, обычная девушка, в папу румяная, в маму курносая и высоко держащая подбородочек. Она наверняка тоже мечтает стать актрисой и уже научилась изысканно держать мизинчик, когда поднимает фужер с легким вином.

Вся эта троица повернута лицами к гостю. Гоша Гошевич сегодня на удивление немногословен, то ли потому, что все-таки волнуется, то ли потому, что гуся хозяйка зажарила самого крупного и жирного, и сметаны в борщ не пожалела, и жареную картошку зеленым луком пересыпала. Молчал Гоша Гошевич, хоть и нельзя сказать, что рот на замке держит.

— Значит, офицером решил стать. . . Похвально, похвально. — Макеев снисходительно смотрит на гостя. — Вернешься сюда в золотых погонах, будешь день и ночь. . . Как это у вас называется, службу проверять, да? Или у тебя другие цели? Поделись. Я лично считаю, что у человека должны быть большие цели. Пусть он их не все осуществит, а все ж что-то от них в жизни останется. Вот, грубо говоря: не мечтай Надежда Васильевна, — перст в сторону жены, — петь в Большом театре, она бы сейчас не была такой внутренне богатой. Все фильмы смотрит, всех актеров знает, в районной газете стихи даже печатала. И Машенька наша к высокому искусству рвется. Не думаем, что место ей в деревне.

— А мне тут нравится, — говорит Гоша Гошевич. — Даже жалко, что придется уезжать. Навсегда.

Дернулся носик у Надежды Васильевны:

— Это как? Куда?

— Училище, потом, конечно, академия Генштаба. . .

— Это в Москве? И там сразу квартиру дадут?

— А как же! — отвечает за гостя Макеев.

Но тот не соглашается:

— Нет, дают только семейным. Трехкомнатные, на Арбате.

У Маши вместе с мизинчиком отрывается от фужера и безымянный палец. Макеева-старшая поправляет у виска жидковатый локон. Макеев прищуривает глаза, размышляет: а не дурачит ли их этот молодой человек? Может, поставил целью жениться на доч-

ке, а как женится, так в академию и не пойдет? Будет тут, как и все остальное воинство деревни, за зеками бегать. Потому спрашивает:

— А ты уверен, что поступишь? Туда ведь, наверное, не всех берут.

— Не всех. Лишь самых-самых. . . У кого цель, кто очень хочет. Одно но тут, правда, есть.

Макеев уже более уважительно смотрит через стол:

— Это насчет холостых-женатых?

— Да нет. После академии скорее всего при министерстве оставят. Стол, бумаги, машина персональная. . . Скучища. Душу воротить будет.

— Ну как же скучища, — делает глазки Надежда Васильевна. — Театры, ГУМ, Садовое кольцо. И оклад большой будет, так ведь?

— На деньги счастье не купишь. А на кольце этом Садовом загазованность. . . Да и с министром по командировкам все время мотаться придется. Германия, Испания — неделями вне дома. Думаете, рада будет жена таким деньгам?

Надежда Васильевна как-то очень уж засуетилась, задергалась и выдала набор слов:

— Конечно, некоторая жертвенность. . . со стороны подруги жизни. . . Вот и Машу мы так старались воспитывать. . . ради высокой любви приносить себя в. . . на. . . как бы это лучше сказать. . .

— Не надо лучше, Надежда Васильевна! Я понимаю, что вы смеетесь надо мной. Женщина никогда не должна приносить себя в жертву. Чтобы она была счастлива, она никогда не должна разлучаться с любимым человеком. Правильно говорят: с милым и в шалаше рай! В этом плане взводный свободней, чем любой большой начальник. У взводного не болит голова, что его жена будет печалиться, если ему придется ехать, к примеру, в Италию. Да, он может привезти ей оттуда и духи, и сапожки, но вещи не скрасят ее одиночества, ее преждевременных седин и морщин. Быть одной. . . И потом, выезжать на приемы, скучать в свите генералыш, видеть, что тебе, молодой и красивой, завидуют. . . Вы правы, Надежда Васильевна. Ну ее, эту академию! В жизни главное не престиж, а счастье!

Не думайте, что автор ошибся, назвав Гошу Гошевича, сидящего за столом, молчуном. Вы просто не слышали его тирад в часы, когда вдохновение парило над этими сливами-глазами и высоким челом. Гоша Гошевич мог говорить часами и убедить кого угодно в чем угодно. . .

— А здесь у меня ничего не получилось, — жалуется он позднему вечером,

вернувшись из гостей, тому же Линникову. — Знаешь, мне кажется, я их не устроил. Так старался, так старался понравиться!.. Так ругал асфальтовую Москву, так хвалил наши края, нашу роту, нашу природу...

— Не жалею, — успокаивал друга Линников. — Поедешь в училище, найдешь не мырму, а хорошую девчонку... Это даже хорошо, что ты сводил туда без пользы, к этим Макеевым.

— Ну почему же без пользы? — вроде как возмутился Гоша Гошевич. — А гусь? Да ради такого гуся я могу и еще раз туда сунуться!

Сказано это было так горячо и так серьезно, что Линников почесал затылок: черт его знает, этого Гошу Гошевича, когда он шутит, когда правду говорит?

3. Шрамы

ПОДПОЛКОВНИКУ Богданову привалило счастье: в августе дали не только отпуск, но и путевку. Лида поехать не смогла, в доме отдыха надо было и сентябрь захватывать, а сын, Сашка, школьник, и начинать учебный год с прогулов — разве это дело? Правда, у Сашки на этот счет было свое мнение, но на семейном совете все же решили, что Богданов-старший, тоже, кстати, Александр, отбудет один.

Отбыл.

В дом отдыха он ехал первый раз в жизни. Ребята все плечи отбили, хлопали: мол, завидуем, Саня, без жены, без детей — целый месяц! Ох и гульнешь! Там ведь девок...

“А почему бы и нет, — думал Богданов. — Не святой ведь...”

Он вспомнил командировку, продавщицу Валю из сельского магазина. Они с ней даже и не знакомились. Все, кто заходил к ней за сигаретами, за спичками, по имени ее звали, ну и он... Черт-те почему она его выделила. Наверное, из-за того случая, когда снайперы обстреляли пригородный автобус. В этом автобусе ехали офицеры, гражданские. И вдруг — пули по окнам. Все рванулись к дверям, а она стоит посреди салона, головой вертит, растерялась, видно. Ну, Богданов ее в охапку, в два прыжка выскочил из машины, в кювет — раз! Она опять вскочить на ноги норовит, и тут он ей, как

самому разгильдяистому солдату, командовал: “Лежать!” И для верности собой прикрыл, потому что пули — прямо над головой...

Вот и все. Минут через десять стрелять по автобусу уже было некому, Александр извинился перед женщиной и тут же исчез — неудобно все-таки получилось. Пару дней после этого даже в магазин не заходил. А зашел — она к нему как к старому знакомому: “Саша, я тебе хорошие сигареты оставила...”

Все их разговоры через прилавок и велись. Она — разведенка, двадцать пять лет, дочь отправила в Калугу, к бабушке — тут страшно за детей, так что живет одна, магнитофон есть, записи хорошие... “Саня, ты действительно придуриваешься или не понимаешь, к чему Валентина тебе все это говорит? — приставали с расспросами сослуживцы. — Тюха-матюха! Эх, подмигнула бы она кому-нибудь из нас!..”

Когда настала пора уезжать оттуда, буквально за час до отправки забежал он проститься. “Да? — спросила она. — Все? Ну-ка, зайди в подсобку... И там обвила его шею руками, прижалась к нему всем телом, поцеловала так, что... В общем, по-настоящему поцеловала. Оторвалась на миг от губ: “Ты вчера бы... хоть намеком сказал бы... Что ж ты, родненький?” Потом отстранилась, огляделась вокруг — ящики, коробки, мешки, — опять прильнула: “Теперь уходи, быстрее уходи, от греха подальше...”

И ушел Богданов. Но до сих пор вспоминает происшедшее как сказку. Хорошую такую сказку, в которой все остаются счастливыми...

Кто-то видел, как он выходил из подсобки, а раз так, то куда ж от разговоров деться? “Ну ты даешь, майор! — Он тогда еще майором был. — Ну, хват!” И вот теперь, провожая его в отпуск, они же и наплепали его по плечам...

Интересная жизнь нынче пошла. Раньше двое встречаются: “Из каких краев? А-а... Теперь о местах постоянной дислокации и речи не ведут, теперь другие разговоры: “В Гяндже был? А в Баку? А в Назрани? То-то вижу, что где-то встречались!” Так и у Богданова получилось. С соседом по столу, оказывается, в Карабахе были в одно время. Что не виделись там — ерунда, главное — есть общие воспоминания. Сосед через день уезжал, наотдыхался уже, и за ужином представил Богданова двум женщинам, чьи места были за этим же столиком: “Зина, Тома, рекомендую! Боевой офицер, Санек! Он там, он там... О! Короче, оставляю вместо себя! Любите и лелейте его так же!..”

Богданову такое представление не очень понравилось. Ни он, ни его друзья бахвалиться не любили, в посторонних компаниях вообще не вели речь о том, где и как служат, и он с кислой улыбкой слушал, как заливаает о своих героических буднях подвыпивший и уже отдохнувший курортник: о пулях, снарядах, атаках... "Мужчину, девочки, шрамы украшают, и нам с Саньком есть что показать! Зинуля, ты же видела мои шрамы, да, видела?"

Надо было бы, конечно, поставить мужика на место, сказать ему пару слов, но поскольку он скоро уезжал, к чему портить отношения? Можно потерпеть.

Богданов незаметно попытался рассмотреть соседок. Обе ничего, молоденькие, длинноногие, и все остальное на месте. Надо, ясное дело, одну выбрать, как-то разговорить ее... На танцы, что ли, пригласить? Хотя он не любитель танцев... Вот черт, как же вообще с женщинами на курортах знакомятся, а? Может, в кинозале сесть рядом, потом пригласить прогуляться по ночному парку, потом — "Ах, что же мы на „вы“, давайте выпьем на брудершафт"... Не учтенная женой, у него была некоторая сумма — это на цветы, на безделушку какую-нибудь, потом, в ресторан же сходить надо.

Это потом, а вот подойти-то как?

За этими лихорадочными мыслями и пролетел ужин. Сосед подхватил Зину, пояснил Богданову: "Последняя ночь. Ночь прощания, правильно, Зиночка? Пойдем, у меня все для этого уже приготовлено..."

Вот так, сразу, Богданов оказался один на один с соседкой по столу, с той, которую он выделил сразу: "Посимпатичнее... Она маленькими глотками пила компот и смотрела на него, ну точно ожидала чего-то. Да, закадрить бы такую! Ничуть не хуже западного цветного снимка, который висел в вагончике на заставе под Лачином. Говорят, боевики подожгли потом вагончик, так что сгорела Саманта Фокс, или как ее — идеальная женщина по всем мыслимым стандартам. Та была недоступной, потому как — снимок, эта — эта тоже кажется такой. К красавицам нужен и красивый подход, лоск манер, так сказать. "Тамара, вы — как голливудская звезда... Эти ваши синие глаза, эти белые локоны... Я ни у кого не видел такой божественной улыбки... Прохладно? Вам набросить на плечи пиджак?", День, два, неделю будут бродить они вечерами по городу, по горным тропкам, а потом Богданов ей скажет: "Хотите кофе? У меня в номере прекрасный растворимый кофе. Вы не бойтесь меня, я, если вы не хотите... Если..." А она ему ответит: я, мол, и не боюсь,

и уткнется лицом ему в плечо, и он будет гладить эти льняные волосы...

Соседка допила компот, поставила стакан на стол и продолжала неотрывно смотреть на Богданова. Александру стало не по себе. Он встал, придвинул к столу свой стул, тот противно визжал ножками по разошедшемуся паркету. Сердце Богданова упало. Ему показалось, что вся столовая смотрит сейчас на него и качает головами. Он ругнулся, про себя, конечно. Подумал: сегодня близкого знакомства и прогулки не получится, не тот у меня настрой, видно, так что надо пожелать ей приятного аппетита и идти к себе в номер. Там соберется, подумать, выработать план на завтра...

Тамара тоже встала:

— Ну что, пойдем? — Едва вышли из столовой, сказала: — Я люблю боевых офицеров. А ты к тому же очень и очень симпатичный. Будешь моим на весь отпуск. Даже с Зинкой не поделюсь.

Она повисла на его руке, и вот так они прошли до конца освещенной аллеи, и Богданов почему-то ступал строевым шагом и чувствовал себя еще паршивей, чем в столовой. Аллея закончилась, и дальше шла тропка — в темень низкорослых густых деревьев. Тамара потянула его туда, припечатала свою пышную грудь к его ребрам, зашептала:

— Ты мне покажешь сегодня свои шрамы, мой боевой мальчик, а?

И тут на Богданова что-то нашло. Он стяхнул с себя девицу, как стяхивают с кителя пыль.

— Не лезь к этому, поняла? Не лезь. Дура!

Это с ним случилось впервые, впервые он так обозвал женщину. И даже не устыдился этого. До полуночи сидел в номере, пил свой прекрасный растворимый кофе и смолил сигареты.

Шрамы. Бог милывал — ни пуля, ни осколок его не цепляли, хотя бывал в разных переделках. Друга похоронил. А эта... вот так вот... боевой мальчик... Дрянь!

Он не мог себя понять, отчего так разошелся, отчего выскочил из колеи. Может, дело не только в девице, может, это накопилась усталость и прорвалась сейчас? Нужна была разрядка для души, разрядка, а не... не...

Так и не найдя того слова, которое он искал, Богданов швырнул едва раскуренную сигарету в пепельницу и принял наконец решение успокоить свою душу. Он хорошо знал, как это сделать. И спустился вниз, к междугородному телефону-автомату.

С Лидой он проговорил почти до утра.

Евгений ГУСЕВ

Евгений ГУСЕВ родился в 1948 году в ярославской деревне Перекладово в семье учителя. После окончания института шел по родительским стопам, затем служил срочную, а с 1976 года трудится в органах внутренних дел, майор внутренней службы.

Он — автор двух поэтических книг, вышедших в Ярославле.

ВСЕ ОЧЕНЬ ДАЖЕ ПРОСТО...

Осенний сон 41-го

Осенний парк,
Ноябрьский дождь,
Стволы деревьев как солдаты.
Все тело стягивает дрожь,
И даже сразу не поймешь,
Чего ты ждешь, идешь куда ты.

А до атаки ровно час,
Тревоги час, час ожидания,
И нет минуты про запас.
Как он выматывает нас
И душу рвет до основанья.

А я, пожалуй, закурю,
В рукав припрятавши сигарку.
Как заклинанье, повторю
Себе, войне и ноябрю,
Что я живой пройду по парку
И что не бьет меня озноб,
Не ежусь я, как от иголок.
Пусть через час атака в лоб,
Но я, покинув свой окоп,
Не встречу вражеский осколок.

Я поднимусь, и встанут все,
Не страшно ротой в рост подняться,
Бежать по взрытой полосе
Навстречу пулям, как косе,
Нам метров сто или сто двадцать.

И будет этот бой жесток,
И будут снова крики, стоны...
— Ты спишь, солдат?

Вставай, браток,
Уж весь до ниточки промок,
Еще не время на поклоны.

Осенний дождь, осенний лес,
Воронки цепью вдоль дороги.
А дождик сыплется с небес,
И желтый лист, утратив вес,
Шурша, ложится нам под ноги.

Огонь памяти

К.Н.Пяткиной

А ты войной пропахнувшее платье
Хранишь все эти мирные года,
Твои медсестры и твои медбратья
К тебе приходят в гости иногда.

Не соловьи свистят, а свищут пули,
Не дятла дробь слышна, а пулемет.
О русском парне, раненном в Кабуле,
Из вас никто сегодня не поет.

У вас «Землянка» в памяти, «Катюша»,
Огонь в печурке, яблоневый цвет.
Но у певцов мелодия все глуше,
Вам сорок пять

плюс те семнадцать лет.

Живую искру память сохранила,
И только ветром майским кольхнет,
Как с новой, с новой неумемной силой
Огонь войны заплещет, запоет.

Последний десант

За палаткою снова
Засвиристывал норд.
Капитан из Ростова
Взял гитарный аккорд.
Он тянул три минуты
Свою песню без слов.
Все земные маршруты
Пролегли на Ростов.
Лейтенант из Калуги
Двадцати с лишним лет
Своей первой подруге
Шлет последний привет.
Просит парень прощенья
За внезапный отъезд.
Норд, что дул из ущелья,
Превратился в зюйд-вест.
Необъятна Россия,
Утром в поле туман...
— Настроенье? — спросили.
— Есть! — сказал капитан.
Воздух рубит «вертушка»
Тяжко, как никогда.
Под Ростовом кукушка
Все считает года.
А в Калуге девчонке
Снится радостный сон...
Пули цокают звонко
По броне с трех сторон.
«Стингер» рывкает люто
И летит по прямой...
Завтра их без салюта
Переpravят домой.
Жизнь и здесь, и за «речкой»,
К сожаленью, одна.
Эти жизни, как свечки,
Потушила война.

Жизнь

Тот всю жизнь тянулся к злу и мраку,
А теперь пытается учить,
Честный бой и в подворотне драку
В принципе не хочет различить.
Этот сделал тысячу ошибок,
Нахватал за них выговоров,
В жизни он, как говорят, не гибок,
Но зато он нравственно здоров.
Третий где-то в жизни оступился,
Колесо фортуны подвело,
Сдался, разуверился и спился,
Но поверил в собственное зло.
А четвертый бегаёт по кругу,
Изошел от страха на нитье,

Тени испугался и с испугу
Клятвою отрекся от нее.
Вот и ходят люди по планете,
Рук не подавая, сторонясь...
Будет ли на этом белом свете
Между ними родственная связь?

Человек упал

Все было очень даже просто —
Шел человек, затем упал.
Одни сказали: «Дядя Костя
Опять сегодня перебрал».
Другие, знавшие мужчину,
Острили в меру сил: «Готов,
Напился, видно, по причине
Ухода зимних холодов».
И правда — дело было в мае,
Стонал на реках ледоход.
Лежал старик, не понимая —
Зачем вокруг него народ.
Скулила жалобно собака —
Последний в этом мире друг.
Ему мерещилась атака,
Не смех, а выстрелы вокруг.
И повторялось то, что было —
Он вновь бежал туда, туда...
«Ну вот и все, теперь убило,
Теперь уж точно, навсегда...»
В прическу вербы за оврагом
Вплетался ветер-чародей.
И две медали «За отвагу»
Смотрели тускло на людей.

* * *

Деревня есть Великий Двор,
Хотя дворов всего четыре,
И те — прижизненный укор,
Стоят в забытом всеми мире.

К реке тропинка заросла,
В реке коряги да пороги,
А до соседнего села —
Одно название дороги.
На окнах доски как кресты,
Где дом стоял — там щепень кучей.
Спасенья нет от пустоты
И тишины больной, тягучей.
О древний мир, кого винить
Во время этой мрачной тризны?
Звонит натянутая нить,
Соединяющая жизни.

Пора понять весь смысл и суть
Ошибок, глупости, злодейства,
Иначе весь дальнейший путь —
Одно сплошное фарисейство.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Уроки по методике школы Тадеуша Касьянова
дает инструктор рукопашного боя
майор Владимир БАРАНОВСКИЙ

СЭН'Э — ПУТЬ ЖИЗНИ

Тема занятия: защита от ударов ножом, приемы самозащиты с автоматом.

1. Провести получасовую разминку.

2. Повторить специальные подготовительные упражнения, необходимые для изучения приемов обращения с холодным оружием, о которых шла речь на предыдущих занятиях.

3. Разучить новый прием самозащиты от удара ножом.

Атакующий приставляет нож к спине партнера (фото 1). Последний, резко повернувшись вправо, оставляя ноги на месте, черпакообразным движением правой руки (фото 2) снизу перехватывает руку с ножом в локтевом сгибе, а своей левой рукой проводит болевой прием на кисть противника и вырывает нож (фото 3). Повторить упражнение 20 раз правой и левой рукой и поменяться ролями.

4. Разучить специальные упражнения на координацию движений при овладении приемами самозащиты с автоматом:

а) переброс автомата из руки в руку перед собой;

б) переброс автомата друг другу сначала правой рукой в правую и левую, затем аналогично — левой;

в) партнер держит автомат перед собой. Захватить плоскость штык-ножа, примкнутого к автомату, таким образом, чтобы большой палец руки лежал на одной его стороне, а остальные — на другой;

партнер прижимает автомат с примкнутым штык-ножом к своему животу или груди и делает движение вперед. Вы отступаете на шаг назад, перемещаясь со скоростью движения автомата и выдерживая постоянное расстояние между своим туловищем и острием штык-ножа. Как только автомат замрет в мертвой точке и станет перемещаться назад, следуйте за ним, не меняя дистанции;

г) повторить предыдущее упражнение с определенными коррективами: не отступая, отклоняйте корпус назад и возвращайте его в исходное положение;

д) объедините два упражнения: делая шаг назад, отклоняйте туловище в сторону атаки партнера и возвращайтесь в исходное положение;

е) партнер приставляет острие штык-ножа к вашему животу и делает выпад. Немного отступая назад и наклоняя туловище, поворачиваясь на месте на 90 градусов, вы пропускаете движение противника мимо себя;

ж) партнер приставляет автомат с примкнутым штык-ножом к вашей спине. Делаете шаг вперед и поворачиваете туловище на 90 градусов или, в зависимости от направления удара, наклоняете его вперед, в сторону атаки, пропуская автомат мимо себя.

Постепенно, по мере овладения приемами изменяйте направления атаки, увеличивайте скорость перемещения туловища. Отточив навыки, попробуй-

те выполнить упражнение с завязанными глазами (начните на всякий случай с палки).

5. Разучить приемы защиты от укола спереди.

Нападающий проводит длинный укол в грудь. Партнер уходит вправо с линии атаки и блокирует выпад левой рукой, отбивая

оружие в сторону (фото 4). Захватив автомат этой же рукой, он правым локтем ударом сверху сбивает левую руку атакующего с автомата (фото 5). Схватив правой рукой приклад, вырывает оружие (фото 6) и наносит ответный укол противнику (фото 7). Повторить упражнение 20 раз и поменяться ролями.

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

Фото 6

Фото 7

Фото А. БАЧИЛО.

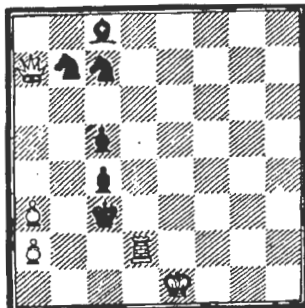
Гонорар за публикацию перечисляется в фонд помощи военнослужащим внутренних войск «Чужого горя не бывает».

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

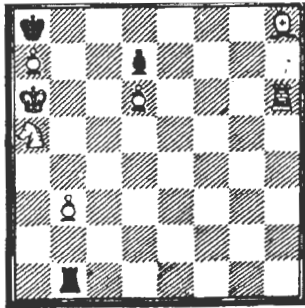
КОНКУРС ФИНИШИРУЕТ

№ 22 (16балл)

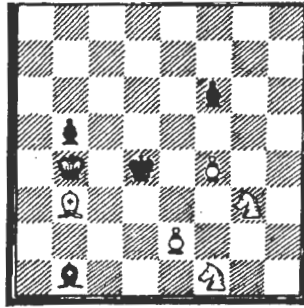
Мат в 2 хода

№ 23 (2 балла)

Мат в 4 хода

№ 24 (3 балла)

Мат в 5 ходов

Публикуем последние три композиции нашего конкурса. Они художественного стиля, их решение вызывает приятные чувства. Желаем успеха!

РЕЙТИНГИ СИЛЬНЕЙШИХ

Из штаб-квартиры ФИДЕ поступил очередной рейтинг-лист сильнейших шахматистов мира, в нем около пяти тысяч мужчин и одной тысячи женщин. Рейтинг — это числовой показатель достижений шахматиста, меняющийся в зависимости от его результатов в соревнованиях. Рейтинг-листы выдаются ФИДЕ два раза в год.

Самый высокий рейтинг у А. Карпова, он равен 2725. Чемпиона мира Г. Каспарова и претендента на шахматную корону Н. Шорта в рейтинг-листе нет. ФИДЕ, таким образом, исполнила угрозу исключить из своего списка Каспарова и Шорта за игнорирование ее как международной шахматной организации, проводящей многие десятилетия чемпионаты мира.

В женском рейтинг-листе чемпионка мира Се Цзюнь и претендентка Нана Йоселиани только на пятом-шестом местах, рейтинг у них одинаковый — по 2470. На первом же месте 16-летняя Юдит Полгар (Венгрия), ее рейтинг — 2630. Она сильнейшая в мире, успехи ее во встречах даже с мужчинами поразительны. Так, в матче с экс-чемпионом мира Б. Спасским она победила со счетом 5,5:4,5, а в сильнейшем гагингском турнире 1992-93 гг., будучи в нем единственной женщиной, разделила первое место с гроссмейстером Е. Бареевым (его рейтинг 2660), у которого, между прочим, выиграла обе партии. Одну из них предлагаем вашему вниманию.

Ю. Полгар — Е. Бареев. Французская защита. 1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 Кf6 4. Сg5 de 5. К:е4 Кbd7 6. Кf3 h6 7. К:f6+ К:f6 8. Се3 Сd6 9. Фd3 b6 10. Ке5 Сb7 11. Фb5+! Кd7 12. 0-0-0 a6 13. Фb3 b5 14. c4 0-0 15. f4

Се4 16. c5 Се7 17. Cd3 С:g2 18. Лhg1 Cd5 19. Фс2 f5 20. Кg6 Ле8 21. c6! Кf8 22. Ке5 Ch4 23. Фе2 Фf6 24. Фh5 Led8 25. Л:g7+! Кр:g7 26. Лg1+ Крh8 27. Кf7+ Крh7 28. К:h6 и черные сдались ввиду неизбежного мата: 28 ... Ф:h6 29. Фf7+ Крh8 30. Лg8X. Эффектный финал!

РЕШЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ЗАДАНИЙ

№ 7. Публикуется впервые. Кре1, Фb8, Сс3, Кd2, пп. c2, c5, g3 — Кре3, Ле7, Ch6, пп. d5, h4, мат в 2 хода. 1. Сg7! — 2. Фb3X, 1 ... d4 2. С:h6X.

№ 8. Публикуется впервые. Кра7, Лb3, Cd7, Ch4, п. g6 — Кра5, Cf8, пп. b4, e7, f6, g3, g7, мат в 3 хода. 1. Ле3!, цугцванг; 1 ... e6 2. Ле5+ fe 3. Cd8X 1 ... g2 2. Л:a3+! ba 3. Ce1X!, 1 ... b3 2. Ле4 и 3. Ла4X.

№ 9. Публикуется впервые. Крс6, Cd2, Кс2, Кf8, пп. a2, b5, e2 — Кра4, Се5, пп. a5, f4, мат в 4 хода. 1. Се3! fe 2. Кd7 Cd4 3. b6! Сс5/:b6 4. К:c5/:b6X.

№ 10. Публикуется впервые. Крf1, Лh2, Се1, Ка3, Кс2, пп. e3, f3 — Крд3, Лb8, мат в 3 хода. 1. Лh5! Лb5 2. Крf2 Лb4 3. К:b4X, 1 ... Лd8 2. Лс5!

№ 11. Р. Бедони, 1970. Крh5, Фf4, Лf1, Се5 — Кра1, Лb1, Сb2, Kh8, пп. a2, a4, мат в 5 ходов. 1. Фd4 a3 2. Лd1 Кf7 3. Cf6! Кd8/d6 4. Ф:К, цугцванг.

№ 12. Публикуется впервые. Крс4, Се4, Кс3 — Кра1, пп. a2, a4, выигрыш. 1. Кd1 a3 2. Крд3 Крb1 3. Крд2+ Кра1 4. Cd5 Крb1 5. Кс3+ Крb2 6. К:a2 с выигрышем.

Примечание. Публикуемые впервые произведения составлены редактором "Шахматного клуба", специально для данного конкурса.

00303-А.С.

Ищу Борисову-Солопан Нину, 1929 г.р., проживала в райцентре Кокташ (Таджикистан). Кто знает что-либо о ее судьбе, сообщите мне по адресу: 464020, Актюбинская обл., ст. Мартук, ул. Сейфуллина, д.10, Сайфулину А.К.

000325-С.Х.

Познакомлюсь с военнослужащим 22 — 30 лет, славянской национальности, ростом не ниже 175, надежным, серьезным и добрым человеком, умеющим разделить с другим и радость и горе. Мне 23 года, рост 173, бело-руска. Мой знак Зодиака — Дева. Трудности военной жизни меня не пугают.

Светлана.

000391-Ш.А.

Я офицер внутренних войск, мне 23 года, рост 175, атлетического телосложения, глаза карие, темноволос, холост, вредных привычек не имею, а интересы очень разносторонние. Остальные подробности — при переписке с обаятельной девушкой, родившейся под созвездием Девы, умеющей хорошо вести домашнее хозяйство, которая согласится стать для меня верной спутницей в жизни. Отвечу на все письма, но желательно сразу с фотографией.

Шавкат.

000419-Л.Б.

Мне 20 лет, рост 180, глаза серо-зеленые, светло-руссая, родилась под знаком Козерога. Работаю в школе учителем труда и черчения, увлекаюсь книгами, музыкой, автомобилями, спортом (баскетбол, волейбол), мне нравится готовить, вязать, вообще заниматься дома, очень люблю детишек. По характеру отзывчивая, веселая. В мужчине ценю честность, доброту, юмор. Мечтаю познакомиться с человеком, для которого важны семья, работа, друзья, успех в жизни.

Лена.

000420-И.К.

Срочно требуются настоящая мужская любовь и поддержка! Девушка 23 лет (рост 165, вес 58) желает познакомиться с сильным не только физически, но и духовно мужчиной (военнослужащим), которому можно доверить свою судьбу. По гороскопу я Рак (характер полностью соответствует этому знаку), образование высшее, владею немецким и английским языками. Подробно-

За публикацию одного объявления в нашем клубе надо переслать почтовым переводом 300 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 437161900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом направьте в банк 50 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если решите опубликовать свое письмо еще и в газете "Ситуация" (приложение к журналу), вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 600, а 540 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 100 руб., при одновременной публикации в двух изданиях — 180 руб., за адрес одного абонента — 30 руб.

Вкладывайте в письмо конверт с вашим обратным адресом! Личные письма и фотографии клуб не пересылает — только адреса. А переписку вы должны завязать сами. Без оплаты письма не рассматриваются.

сти — при переписке. Желательно ваше фото.

Ирина.

000421-А.Я.

Надеюсь с помощью вашего клуба найти единственного друга, которого мне сейчас

так недостает. Мне 19 лет, рост 175, шатенка, глаза серо-голубые, друзья говоря, что симпатичная. По гороскопу — Водолей, по профессии — медсестра. Интересы разносторонние, общительная, веселая. Жду письма от курсанта или молодого офицера 20 — 28 лет. В людях ценю искренность, доброту, юмор, взаимопонимание и способность вовремя подставить свое плечо другу в трудную минуту.

Аня.

000422-А.Г.

Военнослужащий пока срочной службы с рыцарским сердцем, ценящий в юных принцессах женственность, доброту, умение выслушать и понять собеседника, а также чувство юмора, мечтает познакомиться с последующим заключением брачного союза с молодой богиней не старше 18 и не выше 170. Мне 20 лет, рост 175, довольно привлекательной внешности, люблю детей, уют и теплоту домашнего очага, а в остальном интересы разносторонние. Отвечу всем без исключения, но предпочтению отдаю Юле, Тане, Елене, Ксюше (и желательно с фото!). Думаю продолжить службу, но уже по контракту, может, вместе подумаем над этим?

Александр.

000423-Е.А.

Надеемся в вашем клубе познакомиться с добрыми и отзывчивыми ребятами 18 — 21 года. О себе: Алене 17 лет, рост 169, знак Зодиака — Скорпион; Елене 16 лет, рост 167, созвездие Льва. В друзьях ценю честность, доброту, искренность, юмор. Сами любим повеселиться, вредных привычек не имеем.

Алена и Елена.

000424-И.И.

"Я под знаком Тельца родилась..." Мне 29 лет, рост 167, образование высшее, живу в Подмоскowie, увлечения — чтение, вязание, домашние хлопоты. Надеюсь встретить надежного человека без вредных привычек, который мечтает о создании крепкой семьи, а главное — чтобы он по-доброму относился к моему сынишке Пашке, очень самостоятельному человеку семи лет.

Ирина.

000425-Д.В.

Дослужить осталось немного. Прекрасно знаю, что женщины выбирают мужчин, а не наоборот (разве не так?),

поэтому предлагаю представительницам прекрасного пола рассмотреть мою кандидатуру. Мне 20 лет, рост 174, светловолосый, характер холерический, Скорпион. Окончил педагогическое училище (физкультурное отделение), думаю, что неплохо разбираюсь в людях, могу понять и выслушать любого. Неспособен на подлость, люблю дарить, ценю скромность и надежность. Верю и знаю, что любовь бывает только с первого взгляда. Буду благодарен всем, кто откликнется, вышлю свою фотографию (если понадобится).

Дима.

000426-Г. А.

Два неброских, но не лишённых обаяния молодых человека, слегка разочаровавшихся в верности представительниц прекрасного пола, тем не менее с должной долей оптимизма надеются восполнить горечь утраты. Немного о себе: родились под знаками Весов и Близнецов, выше среднего роста, параметры не особо выдающиеся, но смеем надеяться, что разочарованы не будете. Со своей стороны считаем, что избранницу невозможно выбирать только по антропологическим меркам, а вкусы — вещь, легко изменяемая под воздействием обстоятельств,

но фотография будет нелишней, дабы исключить различное рода недоразумения.

Геннадий, Сергей.

000427-Г. Е.

Я вдова военнослужащего, мне 49 лет, рост 164 (выгляжу намного моложе своих лет), меня, разумеется, не страшат будни армейской жизни, ко всему этому имею двоих взрослых сыновей (военнослужащих). Живут мои мальчишки далеко от меня, отсюда и мое одиночество. Надеюсь в вашем клубе познакомиться с военнослужащим (можно в отставке) 45—52 лет, надежным, порядочным человеком, таким же

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ «НА БОЕВОМ ПОСТУ»!

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ		газету	70610								
		журнал	(индекс издания)								
(наименование издания)											
На боевом посту			Количество комплектов								
на 19 _____ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс)									
		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)											

		ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА									
		газету	70610								
		журнал	(индекс издания)								
(наименование издания)											
На боевом посту											
Стоимость	подписки	руб. _____ коп.		Количество комплектов:							
	переадресовки	руб. _____ коп.									
на 19 _____ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс)									
		(адрес)									
Кому											
(фамилия инициалы)											

одиноким, как я. Живу в сибирском городе, материально и жильем обеспечена. Прошу не писать мне тех, кто имеет вредные привычки.

Галина.

000428-Д.В.

Родился в год Тигра под созвездием Стрельца 20 лет назад, рост 170, глаза карие. Прохожу срочную службу недалеко от любимого города Новосибирска. Служба подходит к концу, а любимой девушки до сих пор не встретил. Надеюсь на такую встречу в нашем клубе. Хорошо знаком с городом Черепаново — может, откликнется девушка — уроженка этого города?

Дмитрий.

000429-О.Б.

Интересная девушка хотела бы познакомиться с курсантом или офицером 20 — 30 лет, можно курящим, но непьющим (сама не курю, не пью). Мне 19 лет, рост 160, глаза карие, знак Зодиака — Скорпион, серьезная и веселая, по-всякому бывает, домоседка. Ценю в людях верность, искренность, чувство юмора, люблю хорошую музыку и цветы, когда их дарят в знак любви и уважения.

Оксана.

000430-А.С.

Мне бы хотелось познакомиться в вашем клубе с военнослужащим запаса или в отставке, одиноким, как я, любящим природу, землю, работу в саду. Если у него есть какой-то клочок земли, буду

рада помочь ему. Мне 55 лет, рост 160, люблю свое родное Подмосковье, ненавижу кофеечку, расчетливость ("ты мне, я тебе"), уважаю в людях искренность, бескорыстное стремление помочь в беде. Может, сыщется для меня такой друг?

Анастасия Сергеевна.

000431-И.С.

Военнослужащий срочной службы, русский, 19 лет, рост 175, глаза голубые, познакомится с девушкой 16 — 19 лет с целью найти друга-единомышленника, а если повезет — то и создать семью. Люблю рок-музыку и увлекаюсь фотографией. Постараюсь ответить на каждое письмо, особенно с фото.

Игорь.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементах должен быть проставлен отпечаток кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется отпечаток календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ — МЕСТО," производится работниками предприятий связи и Роспечати.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
БОЕВЫХ ИСКУССТВ «ШОУ ДАО»
И ЦЕНТР «ЗДОРОВЬЕ НАРОДА»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ
СЕРИЮ ВИДЕОФИЛЬМОВ

"БОЕВЫЕ ИСКУССТВА МИРА"

Наши видеофильмы широко используются при обучении личного состава подразделений ОМОНа, морской пехоты Северного и Черноморского флотов, войсковых соединений Российской армии, армий стран СНГ.

Фильм I

«КОГОТЬ КАМЕННОЙ ПТИЦЫ»

Умение вести бой в темноте или с закрытыми глазами против нескольких нападающих, используя при этом лишь короткую палочку и молниеносную, эффективную, красивую и рациональную технику Шоу Дао. Больше сотни разящих приемов и комбинаций, специальные дыхательные упражнения, боевые крики и способы вхождения в транс для обнаружения засады.

Фильм II

«САМООБОРОНА И НАПАДЕНИЕ В УНИБОС»

Универсальная боевая система (УНИБОС) имеет в своем арсенале проверенные в боевых условиях приемы из прикладных комплексов спецподразделений США, Германии, Франции и других стран, боевых школ тайных кланов, "старого," и "нового," русских стилей.

Акцент делается на технике выведения из равновесия, позволяющей в мгновение ока получить решающее преимущество.

Фильм III

«АЙКИДО И КАРАТЭ»

Совершенная база технических приемов БУДО, взятая на вооружение охраной американского президента. Техника каратэ и айкидо против нападающих, вооруженных холодным оружием. В фильме принимали участие Сердžo Амони, вице-чемпион Европы по каратэ (стиль Вадо-рю, 3 дан), главный инструктор Сан-Франциско Роберт Надо (8 дан, айкидо) внук Морихея Уесибы (10 дан, айкидо).

Фильм IV

«УЛОВКИ И ТЕХНИКА ШПИОНОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАШИХ ДНЕЙ»

Тайны передвижений. Воздействие взглядом и звуком, азы гипноза и суггестии. Избранные приемы нападения и самозащиты с оружием и против него, в том числе работа с нунчаками и против них из ниндзюцу, Шоу Дао, прикладных комплексов спецназа различных стран, в том числе Смерша и "зеленых беретов».

Стоимость одного видеофильма (90 минут) – 10000 руб.,

стоимость двух видеофильмов на одной кассете – 13000 руб.

Для приобретения видеофильмов необходимо перечислить указанные суммы на расчетный счет N 345778 в Московском коммерческом банке "Экспресс-кредит", к/с N 161779 в Измайловском РКЦ г.Москвы, МФО 201423, участник МО. Центр "Здоровье народа".

Почтовый индекс банка 105483.

Квитанцию о почтовом переводе или копию платежного поручения вышлите заказным письмом по адресу:

105203, Москва, ул.Нижняя Первомайская, д.45. Центр "Здоровье народа».

Видеокассеты высылаются ценными бандеролями.

Не забудьте указать Ф.И.О. и почтовый индекс.

В письмо вложите два конверта со своим обратным адресом.

Организации доплачивают 20 процентов НДС.

Телефон для справок: 165-75-31

ВЫПИСЫВАЙТЕ!

Индекс 70610

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Индекс
70610

Наш учредитель — Министерство внутренних дел Российской Федерации, издатель — Главное управление командующего внутренними войсками МВД России. Журнал и газета стремятся объективно информировать читателей о роли и месте, жизни и деятельности внутренних войск в нашем государстве, отражать практику работы органов внутренних дел России, сил правопорядка других государств СНГ. Какими будут профессиональные внутренние войска? Миротворцами по типу "голубых касок"? Силами быстрого реагирования, способными потушить очередную горячую точку? Что за люди обеспечивают общественную и вашу личную безопасность? Как заработать краповый берет? Вы найдете подробные ответы на эти и многие другие вопросы только у НАС.

'94

Один номер журнала стоит 480 рублей, а подписка на полугодие — 2880. Месячная подписка на газету «Ситуация» обойдется вам всего в 300 рублей, а полугодовая — в 1800 (цены каталожные). Наш адрес: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнический проезд, 8. Расчетный счет редакции № 340616 в коммерческом банке «Лефортовский» г. Москвы, МФО 201207.

Индекс
50157

• Факты
• События
• комментарии
• происшествия
• расследования

Ситуация

ЧИТАЙТЕ!